

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**4 (20)
2018**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2018

Редактор
Е. В. Невская

Корректор
Н. В. Пустовойтова

Технический редактор
А. В. Родина

Верстка оригинал-макета
Е. А. Герасиной

Выпускающий редактор
А. А. Амирсейидова

Автор перевода
А. В. Борзов
кандидат ист. наук, доцент

За точность и добросовест-
ность сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы

Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых

Адрес редакции:
600014, Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а

Подписано в печать 26.12.17.
Заказ №

Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 12,56
Тираж 500 экз.

Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.

Редакционная коллегия серии **«Социальные и гуманитарные науки»**

Е. М. Петровичева доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)

Е. И. Аринин доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии
и религиоведения
(зам. главного редактора серии)

М. В. Артамонова кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института

И. Й. Деретич доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет

В. В. Жданов доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)

С. И. Реснянский доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН

И. Я. Кантеров доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова

К. А. Аверьянов доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ
РАН

Ю. В. Кривошеев доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионо-
ведения Исторического факультета
СПбГУ

Т. Л. Лабутина доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

И. К. Лапина доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории

А. В. Лубков доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогичес-
кого государственного университета

С. А. Мартянова кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии

М. В. Пименова доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка

Г. С. Егорова кандидат ист. наук
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Е. Н. Самсонова

Особенности фаворитизма в царствование императора Николая I
(на примере деятельности графа А. Ф. Орлова) 7

Ю. В. Кривошеев

Историк А. И. Яковлев и его проект земельной реформы
(по материалам Архива УФСБ по городу Санкт-Петербургу
и Ленинградской области и другим источникам) 15

А. А. Куренышев

Владимирский писатель И. Ф. Наживин о революции
1917 – 1922 гг. в России 30

В. В. Божичко, Е. Д. Твердюкова

О председателях колхозов Рязанской области в первые послевоенные
годы по архивным материалам и СМИ (1945 – 1948 гг.) 39

Е. Н. Тишакова

«Сапфировый юбилей» Елизаветы II и перспективы развития
британской монархии 45

ФИЛОЛОГИЯ

Е. Н. Варюшенкова, И. А. Хохлова

О коннотации в актах согласия
(на материале драматургии А. Н. Островского) 54

О. А. Климова, С. В. Гончарова

Лингвокультурологический аспект и цветовые концепты
в поэтических произведениях Мэри Оливер 58

Т. А. Ерохина

Перифрастические именованья персонажей
в поэтических текстах М. А. Волошина 61

А. В. Гик

Особенности словообразования и рецепция языковых приемов
драм Ильи Зданевича в современной российской поэзии 68

ФИЛОСОФИЯ

П. Е. Матвеев

Терроризм и проблема самопожертвования 76

М. Л. Хижий

Новые табу в религии и быту современных православных христиан 87

А. В. Маковецкий

Теологические аспекты образовательной деятельности
архиерейского синода РПЦЗ на канонической территории
Московского Патриархата (1990 – 1996) 96

Сведения об авторах 106

CONTENTS

HISTORY

E. N. Samsonova

Favoritism During the Reign of Emperor Nicholas I
(Case-Study: Count A. F. Orlov) 7

Yu. V. Krivosheev

Historian A.I. Yakovlev and His Project of the Agrarian Reform
(Based on Materials from the UFSB Archive of St. Petersburg
and Leningrad Region and Other Sources) 15

A. A. Kurenyshev

Vladimir Writer I.F. Nazhivin on the Revolution of 1917 – 1922 in Russia 30

V. V. Bozhichko, E. D. Tverdukova

Chairmen of Collective Farms in Ryazan Region during
the First Postwar Years (Based on Archival Materials and Media (1945 – 1948)) 39

E. N. Tishakova

«Sapphire Jubilee» of Elizabeth II and Prospects for the Development
of the British Monarchy 45

PHILOLOGY

E. N. Varyushenkova, I. A. Khokhlova

Connotation in the Acts of Consent (Case-Study: Drama by A. N. Ostrovsky) 54

O. A. Klimova, S. V. Goncharova

Linguocultural Aspect and Colour Concepts in the Poetic Works by Mary Oliver 58

T. A. Ierokhina

Periphrastic Naming of Characters in Poetic Texts by M. A. Voloshin 61

A. V. Gik

Features of Word Formation and Reception of the Language Techniques
of Dramas by Ilia Zdanevich in the Contemporary Russian Poetry 68

PHILOSOPHY

P. E. Matveev

Terrorism and the Problem of Self-Sacrifice 76

M. L. Khizhiy

New Taboos in Religion and Everyday Life of the Modern Orthodox Christians 87

A. V. Makovetsky

Theological Aspects of Educational Activity of the Rector Archieric Synod
on the Canonic Territory of the Moscow Patriarchate (1990 – 1996) 96

Contributors 106

УДК 94(470) «18»

Е. Н. Самсонова

ОСОБЕННОСТИ ФАВОРИТИЗМА В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА А. Ф. ОРЛОВА)

На основе концепции фаворитизма в традиционных и современных политических системах д.ф.н., профессора кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета С. П. Парамоновой анализируются особенности фаворитизма в царствование императора Николая I. В качестве примера наиболее типичного николаевского фаворита рассматривается государственный деятель, военный и дипломат граф Алексей Федорович Орлов.

Ключевые слова: фаворитизм, Николай I, А. Ф. Орлов.

Феномен фаворитизма – сегодня достаточно актуальная тема для научных исследований, что связано с неоднозначностью и многоаспектностью этого понятия. Будучи сложным социокультурным явлением, обусловленным действием целого ряда исторических, культурных и психологических факторов, фаворитизм вызывает интерес у представителей практически всех социально-гуманитарных дисциплин. Его пытаются осмыслить и объяснить историки, психологи, социологи, культурологи, политологи и др.

Достаточно интересной в этой связи представляется концепция фаворитизма д.ф.н., профессора кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета С. П. Парамоновой. Она рассматривает фаворитизм как тип социальной связи, как элемент стратификации власти в условиях традиционного и современного общества [19, с. 37]. «Фаворитизм

как тип институциональной связи, – пишет она, – постоянный способ взаимодействия людей в общностях различных уровней. Правящие элиты задают параметры институтам управления, а эти структуры – социальному функционированию общества. Совокупность институтов, групп, индивидов обуславливает санкционированное социально-политическое поле» [Там же, с. 36]. Помимо этого, С. П. Парамонова справедливо рассматривает фаворитизм в качестве симбиоза правящих элит с близким окружением, что придает устойчивость системе политической власти [Там же, с. 35].

Характеризуя фаворитизм как тип социальной связи, С. П. Парамонова отмечает, что он усиливается в периоды социальных катастроф, всевозможных трансформаций и кризисных состояний общества, характеризующихся «закрытостью» каналов продвижения, когда индивиды начинают поиски влиятель-

ных лиц, чтобы удержаться на поверхности политической жизни [16, с. 61]. В то же время, по ее мнению, фаворитизм противоречив: с одной стороны, он представляет стратегический запас лидерства, потенцию общества, а с другой – ограничение творческой активности членов группы и общества в целом [17, с. 6].

Фаворитизм проявляется чаще всего там, отмечает С. П. Парамонова, где полнота власти сосредоточена в одних руках, и персона, обладающая властью, неподконтрольна никому [19, с. 35]. По ее мнению, фаворит всегда выступает важным звеном системы политического лидерства, являясь «своеобразным барометром функций либо дисфункций общества», при этом фавориты постоянно сменяют друг друга, соответствуя «новой ситуации и новой правящей элите, но не всегда – социальным ожиданиям общества» [Там же, с. 34]. Так фавориты «формируют нормы пиетета, признание сакрально ценимого в обществе», одновременно являясь своеобразным показателем качества социально-политического поля деятельности лидера, когда слабый лидер подбирает себе еще более слабых фаворитов [Там же]. Кроме того, фаворитизм – это фактор влияния отдельных людей, групп на ситуацию во всех сферах человеческой деятельности: от образования, политики, искусства, науки, экономики, религии до самой широкой сферы – сферы труда и повседневности [Там же].

Говоря о типологии фаворитизма¹, С. П. Парамонова выделяет следующие типы: коммюнитарист, прагматик, гедонист, «переходный тип». Коммюнота-

риста она характеризует как служителя общественному благу, которое является для него высшей ценностью. Высшим благом для гедониста, напротив, являются праздность и принцип удовольствия, он ориентирован на ценности «традиции». Благо же для прагматика всегда имеет материальную форму и должно максимально принадлежать ему. Появление фаворитов-прагматиков С. П. Парамонова связывает с нарастанием инструментальных ценностей в обществе. «Переходный тип» соединяет в себе черты коммюнитариста и прагматика и в целом противоположен гедонисту. Переходный тип гибок в стратегии рыночного поведения и фаворитизм как способ продвижения в коллективе не сбрасывает со счетов [20, с. 130].

Рассмотрим, насколько указанная концепция может быть использована для характеристики российского фаворитизма в царствование императора Николая I.

Царствование Николая I, по нашему мнению, как нельзя более подходит под определение «кризисное состояние общества»: царствование начинается с кризиса власти, выразившегося в попытке государственного переворота, завершается глобальным внешнеполитическим кризисом, проявившимся в ходе и после Крымской войны, усиливающимися экономическим и социальным кризисами. «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева провоцирует кризис идентичности, связанный со спорами славянофилов и западников. На протяжении всего царствования кризисная ситуация, связанная с нереальностью политических идеалов императора и нежеланием решать крестьянский вопрос, постепенно усугубляется.

---

¹ Подробнее о принципах типологизации см.: [18, с. 69 – 78].

По мнению М. О. Гершензона, Николай еще в молодости выработал себе совершенно абстрактные представления о назначении и ответственности монарха, целях государственной жизни [32, с. 3]. Эти взгляды были до крайности архаичными и не соответствовали ни духу времени, ни условиям жизни огромного, сложного государства, каким являлась Россия, а главное, сам Николай I не вписывался в рамки придуманного им образа идеального монарха [Там же, с. 4]. Доминирующей чертой нового императора было недоверие к людям, вызванное, вероятно, обстоятельствами гибели отца Павла I и подкрепленное собственным восшествием на престол. Как справедливо указывают исследователи проблемы фаворитизма в России Л. В. Шабанов и М. В. Малинников, восстание декабристов существенно меняет формат отношения царя и дворянства, вызывая общее недоверие внутри элиты, связанное со следствием по делу декабристов [30, с. 8]. Мы наблюдаем в терминах С. П. Парамоновой «закрытость» традиционных каналов продвижения. В результате большую роль в управлении государством стали играть органы, которым изначально не присуща эта роль – Собственная Его Императорского Величества канцелярия, свита императора и Императорская Главная квартира, представляющие собой средоточие близких и доверенных лиц. Поэтому трудно согласиться с позицией Л. В. Шабанова и М. В. Малинникова, утверждавших, что к началу эпохи Николая I фаворитизм

сходит на нет [Там же, с. 7]. Он лишь трансформируется, принимая другую форму, связанную с особенностью протекания «кризисной ситуации» и типом личности самого Николая I.

Для эпохи Николая I, по справедливому замечанию М. Полиевктова, характерно существование двух параллельных «правительств» – из официальных государственных чиновников и из его лично приближенных, фаворитов [23, с. 72]. Личное влияние императора, отмечает он, на политику было очень велико, и как не парадоксально, иногда шло вразрез с курсом, который проводили его официальные сотрудники. Излюбленными приемами императора были экстренные дипломатические миссии, специальные поручения, отдельные выступления в Государственном совете и Комитете министров, санкционированные лично Николаем I, с которыми связана деятельность его фаворитов [Там же, с. 73]. Можно согласиться с М. Полиевктовым, отмечавшим, что Николаю I нельзя отказать в умении подбирать себе официальных сотрудников: в рамках заявленной программы М. М. Сперанский, Е. Ф. Канкрин и даже С. С. Уваров – все люди, безусловно, талантливые и государственного уровня. Среди же его приближенных – в большинстве случаев люди, крепко сросшиеся с придворной жизнью, тесно связанные с частной жизнью царской семьи, многим, если не всем, обязанные лично императору [Там же, с. 74].

Эти характеристики как нельзя более верны для графа А. Ф. Орлова, слу-

жебный путь которого изобилует большим количеством самых разнообразных поручений, зачастую никак между собой не связанных. Все его поручения, от дипломатических до управления тайной полицией, по нашему мнению, всегда носили отпечаток деятельности фаворита, которому император приказывает, как лично приближенному и доверенному лицу, «приглядеть» за той или иной стороной российского управления, чем на действия полноправного министра.

Нет сведений, когда именно А. Ф. Орлов познакомился с Николаем. Точно известно, что в 1815 г. они уже знакомы и императрица Мария Федоровна через Орлова передает письма своим младшим детям – Николаю и Михаилу, находящимся в армии. [31, с. 344]. После назначения Орлова в свиту императора Александра, дружеские связи с великим князем еще более укрепились, именно в это время они становятся по-настоящему дружны. Великого князя не любили ни в военных, ни в придворных кругах. Тем прочнее были его отношения с немногими друзьями, на которых он мог полностью положиться (А. Ф. Орловым, А. Х. Бенкендорфом, В. Ф. Адлербергом). Своими действиями на Сенатской площади в декабре 1825 г. Орлов подтвердил свою преданность Николаю – лично ему, а не престолу, как часто пишут его исследователи и биографы. «Его друзья оправдали его доверие – Бенкендорф и Орлов были первыми на площади...», – писала императрица Александра Федоровна в своем

дневнике спустя четыре дня после восстания на Сенатской площади [12, с. 91]. С тех пор и до самой смерти императора А. Ф. Орлов, которого, по свидетельству современников, царь часто называл «брат Алексей» [7, с. 184] – один из ближайших к нему людей, называвших в личных беседах Николая I на «ты» [2, с. 197].

Первые годы правления Николая I А. Ф. Орлов выполняет функции «теневого министра» – фактически не занимая до 1844 г. никакой определенной должности, он «пользуется доверием Большого двора. С ним часто советуются» [8, с. 486]. Во вторую половину царствования гр. Орлов занимает ключевую для фаворита должность начальника III отделения и Командующего Императорской Главной Квартирой.

Очень осторожный, А. Ф. Орлов редко пользовался своей привилегией говорить с императором, «прибегая к этому в случае настоятельной необходимости» [5, с. 128]. Кроме того, он славился нелюбовью вмешиваться в дела, «прямо до него не относящиеся» [6, с. 342 – 343]. Граф был полностью в курсе любовных дел императора и даже, по возможности, им способствовал. «По некоторым словам Орлова и по тону его с Нелидовой надобно думать, что она пользуется все тою же милостью и что даже этот господин ловко поддерживает ее: кое-что может быть приказано в свое время намеком», – писала в 1845 г. близкая ко двору А. О. Смирнова [27, с. 288].

Согласно традициям своей эпохи, А. Ф. Орлов много внимания посвящает

светской жизни. По замечанию сенатора Я. А. Соловьева, его поведение в обществе сохранило черты ушедшей эпохи Екатерины II, от которой он усвоил «то полуевропейское и полуазиатское барство», производившее сильное впечатление в русском обществе [28, с. 230]. «Он был очень обходителен, прост и любезен», – записал после знакомства с Орловым А. И. Кошелев [14, с. 70]. «Одним из приятнейших наслаждений и наградой для меня было знакомство с графом Орловым, в котором нашел я что-то увлекательное, доброе, милое», – сообщал в декабре 1838 г. Н. А. Полевой своему брату [22, с. 55]. Фрейлина А. Ф. Тютчева в своих воспоминаниях характеризует графа как прекрасного рассказчика, который «умеет говорить не стесняясь и хорошо рассказывает» [29, с. 169]. «Он знал ... наизусть царствования императоров Александра I и Николая I ..., – вспоминал кн. П. Вяземский. – Сведения его были исторические и преимущественно анекдотические, общие, гласные, частные и подноготные» [3, с. 180].

Являясь владельцем собственного конезавода, Орлов на весь Петербург славился своим экипажем [21, с. 126]. Следуя веяниям капризной моды, построил себе великолепную дачу недалеко от столицы, в Стрельне, когда популярным стало иметь дома в готическом стиле [25]. Эта прихоть графини Орловой обошлась в 450 000 рублей. Внутреннее убранство дома имело налет тщеславия, и на каждой стене помещался герб Орлова с девизом [4, с. 328].

Однако А. Ф. Орлов вовсе не отличался той расточительностью, которая характеризует высший свет. Он тратил довольно мало и жил, по меркам высшего общества, достаточно скромно. Летом Орловы чаще всего жили под Петербургом на своей даче в Стрельне или в своих Воронежских деревнях. В Петербурге семья занимала дом Таля у Красного моста, перекинутого через Мойку по Гороховой улице [26, л. 24]. Современник оставил нам описание этого особняка: одноэтажный, в дверях передней встречает щеголь – камердинер, отношение которого к посетителям меняется в зависимости от чина, просторная столовая с большим круглым столом посредине, направо от прихожей помещалась небольшая комната – кабинет графа [9, с. 295 – 296].

Вкусы и пристрастия придворных всегда сильно зависели от пристрастий императора. Император Николай I, в отличие от прочих Романовых, не любил охоту и почти ей не занимался [11, с. 41]. Но он обожал театр, а также любил устраивать балы и маскарады. Его любимыми постановками были «Горе от ума» и «Ревизор», а позднее – пьесы А. Н. Островского. «В этой пьесе досталось всем, а мне в особенности!» – сказал император о «Ревизоре» Н. В. Гоголя. Комедия ему так понравилась, что он приказал своим министрам ее посмотреть [15, с. 182]. Пьесу А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» император смотрел три раза за сезон [11, с. 130]. Николай I и сам не чурался любительских театральных постановок.

Барон Корф в своих «Записках» от 1841 г. сообщает, что в Гатчине своими силами были поставлены пьеса Каратыгина «Ложка первого яруса на последний дебют Тальони» и одна французская пьеса. Среди самодеятельных актеров значится и граф Орлов [13, с. 499].

Для характеристики как придворной, так и государственной службы Орлова интерес представляют его отношения с друзьями – министрами, бывшими «молодыми генералами» Александровского царствования. Переписка с ними носит характер полудружественный-полуофициальный, где личные новости и проблемы причудливо переплетены с вопросами государственного управления. Наиболее рельефный образец этого стиля – корреспонденция М. С. Воронцова и А. Ф. Орлова. Практически все время, которое М. С. Воронцов был не при дворе, он активно переписывается с Орловым. Граф тесно контактирует с Воронцовым во время своих чрезвычайных миссий в Турции и, вероятно, постоянно видится с ним в Одессе, откуда отплывали корабли в Порту. Он консультируется с ним по поводу большого путешествия цесаревича, сообщает о происходящем при дворе [1, с. 485]. Несомненно, очень близким другом Орлова был Павел Дмитриевич Киселев. Благодаря его биографу А. П. Заблоцкому-Десятовскому, мы имеем множество свидетельств, подтверждающих это. Они были на «ты», что, по мнению биографа Киселева А. П. Заблоцкого-Десятовского, последний позволял себе только по отношению к самым близким

людям [10, с. 104]. Орлов также тесно контактирует с А. А. Закревским. Николай I часто тяготился своим слишком ревностным московским генерал-губернатором и поручал Орлову «по-приятельски» разобраться с Закревским.

На смертном одре Николай долго говорил со своим фаворитом, благодарил его за службу и поручил заботам сына, сказав: «Графа Орлова ты хорошо знаешь, нечего рекомендовать» [24, с. 21]. На память император подарил Орлову свою чернильницу, сказав: «Из этой чернильницы мы много с тобой переписали» [25, с. 57].

Таким образом, Орлов может быть отнесен к типу фаворитов-гедонистов, которых С. П. Парамонова характеризует как носителей традиционных нормативных заповедей привычного поведения, направленного на самосохранение личности, группы, общества и удовлетворенность теми условиями, которые не требуют высокого напряжения в труде, творчестве, вообще в жизни и предоставляют максимум комфортности и удовольствий. Он конформист, следующий традиции, безболезненно входит в коллектив и несет элементы психологической разрядки, коллективных празднований. В среде чиновничества он проявляет наиболее высокую человечность к подопечным [18, с. 75 – 76].

Все вышесказанное позволяет говорить о применимости основных положений концепции С. П. Парамоновой к характеристике особенностей фаворитизма в системе государственного

управления в период царствования императора Николая I.

В условиях абсолютной монархии государственные чиновники стараются брать на себя как можно меньше ответственности за свои действия, перекладывая ее на монарха, либо стараясь ему угодить, не соизмеряясь с требованиями реального положения дел. Все это

ставит вопрос об эффективности государственного управления в условиях самодержавия. Абсолютизм выработал собственный механизм решения этой проблемы посредством института фаворитизма. Фаворит вследствие особых «сердечных» отношений с монархом становится эффективным механизмом управления.

Библиографические ссылки

1. Архив кн. Воронцова. М., 1895. Кн. 40. 342 с.
2. Бутурлин М. Д. Записки // Русский архив. 1898. № 10. С. 153 – 222.
3. Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. 453 с.
4. Гагерн Ф. Россия и русский двор в 1839 г. // Русская старина. 1890. Т. 65. № 2. С. 661 – 696.
5. Де Брэ О. Император Николай I и его сподвижники. Воспоминания 1849 – 1852 // Рус. старина. 1902. Т. 119. № 1. С. 115 – 139.
6. Дельвиг А. И. Мои воспоминания. В 4 т. М., 1897. Т. 1. 438 с.
7. Ден В. И. Записки // Русская старина. 1890. Т. 67. № 6. С. 161 – 195.
8. Дивов П. Г. Из дневника // Русская старина. 1900. № 11. Т. 104. С. 483 – 491.
9. Жеденов Н. Н. Случай в Петербурге в 1848 г. Рассказ бывшего гвардейского офицера // Русская старина. 1890. Т. 67. С. 293 – 316.
10. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 1. 422 с.
11. Зарин А. Е. Царские развлечения и забавы за 300 лет. М., 1913. 148 с.
12. Из дневников Александры Федоровны // Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М. ; Л., 1926.
13. Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. 1899. Т. 99. № 9. С. 482 – 516.
14. Кошелев А. И. Дневники // Русское общество 40 – 50-х гг. 19 века. М., 1991. Ч. 1. 236 с.
15. Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. М., 1956. Т. 1. 652 с.
16. Парамонова С. П. Оценка фаворитизма студентами вузов Российской Федерации // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2013. № 19 (46). С. 61 – 68.
17. Парамонова С. П. Самоидентификация двух поколений: социально-политическая оценка фаворитизма группами по типу морального сознания // Социум и власть. 2012. № 4 (36). С. 5 – 10.

18. Парамонова С.П. Типы морального сознания молодежи // СОЦИС: Социологические исследования. 1997. № 10. С. 69 – 78.
19. Парамонова С. П. Фаворитизм как элемент социально-политических отношений // Современные наукоемкие технологии. 2012. Вып. 4. С. 34 – 37.
20. Парамонова С. П. Феномен фаворитизма в понимании социальных групп Прикамья // Фундаментальные исследования. 2012. № 9 – 1. С. 130 – 134.
21. Письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 18 мая 1825 года // Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820 – 1823. СПб., 1899. Т. 1. 728 с.
22. Полевой К. А. Записки К. А. Полевого // Истор. вестн. Т. XXX. 1887. № 10. С. 48 – 57.
23. Полиевктов М. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. 393 с.
24. Последние часы жизни императора Николая Первого. СПб., 1855. 68 с.
25. Российский Государственный военно-исторический архив (далее-РГВИА) Ф. 83. Орловы. Оп. 1. Д. 135. Дело об участке земли, пожалованной в Стрельне господину генерал-адъютанту Орлову.
26. РГВИА. Ф. 970. Военно-походная канцелярия ЕИВ при Императорской Главной квартире. Оп. 1. Д. 345. По предметам разного рода.
27. Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. 287 с.
28. Соловьев Я. А. Крестьянское дело 5 августа 1858 г. Записки сенатора Я. А. Соловьева // Русская старина. 1882. Т. 33. №. 1. С. 227 – 259.
29. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник. 1853 – 1855. М., 1990. 189 с.
30. Шабанов Л. В., Малинников М. В. Фаворитизм как фактор формирования традиции российского государственного управления (на примере сановников XVIII – начала XIX в.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 3 (19). С. 5 – 10.
31. Щеглов В. В. Письма императрицы Марии Федоровны к великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам // Русская старина. 1903. Т. 113. №. 2. С. 335 – 356.
32. Эпоха Николая I / под ред. М. О. Гершензона. М., 1911. 176 с.

E. N. Samsonova

**FAVORITISM DURING THE REIGN OF EMPEROR NICHOLAS I
(CASE-STUDY: COUNT A. F. ORLOV)**

Based on the concept of favoritism in traditional and modern political systems of professor of the Department of Sociology and Political Science of Perm State Technical University, S. P. Paramonova, the article analyzes the peculiarities of favoritism during the reign of Emperor Nicholas I. As an example of the most typical Nicholas' favorite, the statesman, military and diplomat, Count Alexei Fedorovich Orlov is considered.

Keywords: favoritism, Nicholas I, A. F. Orlov.

ИСТОРИК А. И. ЯКОВЛЕВ И ЕГО ПРОЕКТ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ (по материалам Архива УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области и другим источникам)

Статья посвящена проекту аграрной реформы, предложенному российским политикам в 1917 г. известным отечественным историком А. И. Яковлевым. Также приводятся его взгляды на земельный вопрос в советское время. Наряду с опубликованными источниками привлечены эксклюзивные архивные материалы.

Ключевые слова: крестьянство, армия, земельная реформа, А. И. Яковлев, Л. Г. Корнилов, «Академическое дело» 1929 – 1931 гг., социально-экономическая история России.

Алексей Иванович Яковлев (1878 – 1951) – сын знаменитого просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева [26; 27; 13; 11] – еще до революции стал известным историком. Ученик В. О. Ключевского [20, с. 289 – 317] – он автор фундаментальных работ по социально-экономической проблематике истории России XVII – XVIII веков («Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства» (1916), «Приказ сбора ратных людей» (1917)), заслуживших высокую оценку коллег-специалистов¹. В 1918 г. А. И. Яковлев становится профессором Московского университета [4, с. 350 – 351]. Казалось бы, ему обеспечена спокойная преподавательская и научная карьера [21].

Бурные события 1917 г. вовлекли его в водоворот политической жизни. Он выдвигает свой проект решения

насущнейшей для основного населения России проблемы – аграрной². К этому вынуждает обстановка. Профессор М. М. Богословский 28 апреля 1917 г. сделал такую запись: «Вечером собрание русских историков, преподающих в Университете. Были: Кизеветтер, Готье, Яковлев и Бахрушин... говорили о политике. Яковлев возвестил, что у них в Симбирской губернии повсюду крестьяне отняли земли у помещиков, разрушают всякие хозяйственные сооружения и т. п. Он также сообщил отчаянно дурные известия из армии, приходящей в полное расстройство. Кизеветтер высказывал, что эти слухи преувеличены» [4, с. 350 – 351]³.

² О своем сочувствии к крестьянству («по своему происхождению и по внушенным... с детства воспитанием взглядам») А. И. Яковлев неоднократно говорил на допросах по «Академическому делу» [3, т. 9, лл. 19 – 26 об., 53 – 56 об. и др.].

³ О разговорах по широкому кругу политических проблем среди историков, в которых активно участвовал А. И. Яковлев, зачастую информировавший коллег о самых новых известиях, пишет Ю. В. Готье [6, с. 33, 58 – 59, 153, 157, 204, 256, 261, 269, 281, 284, 287, 324, 392, 401 – 402, 421, 456, 472, 553].

¹ Об одобрительном отношении к ним историков-современников см.: [4, с. 228 – 231, 294 – 297 и др.].

Намного позже, на одном из допросов (23 октября 1930 г.) по «Академическому делу» А. И. Яковлев так пояснял свое участие в политических событиях: «После февральской революции залогом предупреждения нарастающей анархии и восстановления русского фронта я считал введение решительной аграрной реформы путем раздробления помещичьих земель на мелкие участки и разверстание их между защищавшими родину солдатами, отличившимися на войне, и их семьями.

Я полагал, что необходимая реформа, способная привести страну к порядку, должна содержать мою программу, основа которой была изложена в моих предыдущих показаниях»⁴.

Пропагандируя ее, он знакомится с членами Временного правительства, российским генералитетом [21, с. 194 – 195; 9, т. 1, с. 144 – 342; 16, с. 357; 8, с. 519; 12, с. 367], а после Октября и с большевистской элитой [3, л. 43 – 43 об.] (в том числе, с В. И. Ульяновым-Лениным⁵). С 1925 г. вплоть до своего ареста он занимал должность главного библиотекаря ВСНХ, проводя огромную работу по совершенствованию производственных библиотек в разных регионах страны [Там же, лл. 7 – 7 об., 74 – 74 об.].

В 1929 – 1931 гг. член-корреспондент АН СССР А. И. Яковлев проходил по так называемому «Академическому делу». В архиве УФСБ по городу Санкт-

Петербургу и Ленинградской области представлены протоколы допросов, а также многочисленные дополнительные показания, написанные рукой самого А. И. Яковлева [Там же, лл. 1 – 108]. Интересны воспоминания историка, хотя и написанные в условиях заключения и ведения следствия по «Академическому делу». Большая часть допросов А. И. Яковлева посвящалась изложению им взглядов на судьбу российского крестьянства. Он оставался глубоким приверженцем индивидуального крестьянского землевладения и принципиальным противником коллективизации [Там же, лл. 19 – 26 об., 41, 54 – 56 об. и др.] На допросах А. И. Яковлев подробно рассказывает о встречах с генералом Л. Г. Корниловым, называя при этом П. Н. Милюкова и А. И. Деникина.

«С этой целью, – продолжает А. И. Яковлев – после июльского выступления большевиков и получения сведений о поражении на фронте, во время заседания в Москве Всероссийского демократического совещания, я повел соответствующую кампанию в пользу моей программы и вступил в переговоры со следующими крупными военными и общественно-политическими деятелями: генералами – Корниловым, Алексеевым и очень близкими к генер[алу] Корнилову – генер[алом] Голицыным и б[ывшим] крупным земским деятелем Завойко Василием Степановичем, а также с Милюковым Павлом Николаевичем, Маклаковым, Мануйловым, Шиповым Дмит[рием] Никол[аевичем] (крупный земский деятель) и другими» [Там же, лл. 66 – 67 об.]

---

⁴ См.: [3, т. 9, л. 66] О работе А. И. Яковлева над проектом аграрной реформы см.: [Там же, л. 54 – 54 об. и др.]

⁵ С В. И. Лениным и семьей Ульяновых А. И. Яковлев был знаком с 1886 г. и поддерживал отношения на протяжении всей жизни. См.: [25; 3, т. 9, л. 106 – 106 об.; 14; 15].

Комментируя это сообщение, заметим, во-первых, что А. И. Яковлев был среди встречавших в Москве прибывшего из ставки Л. Г. Корнилова. «13 августа 1917 г. Москва. Верховный главнокомандующий прибыл на своем поезде в Москву, где на вокзале ему устроили пышную встречу. С ним общались генерал А. М. Каледин и Ф. И. Родичев, позднее он имел встречи с генералом М. В. Алексеевым, лидером кадетов П. Н. Милюковым, А. Ф. Аладыным, В. С. Завойко, проф. Яковлевым»⁶. Во-вторых, в работе Государственного совещания А. И. Яковлев участвовал от Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов [5, с. 311]⁷.

На следствии по «Академическому делу» А. И. Яковлев признавал, что «переговоры с ними не привели к сколько-нибудь положительному ре-

зультату, т. к. они находили, что ликвидация крупного землевладения и изъятие земли у помещиков – не возможна в этой форме. Весьма заинтересованным моей программой оказался генерал Корнилов, он пожелал серьезно продолжить наши переговоры и предложил приехать для этого к нему в ставку в гор[од] Могилев» [3, лл. 67].

Принимая это предложение, А. И. Яковлев выезжает «в ставку через несколько дней, в начале августа м[еся]ца. Я, – продолжает он, – сформулировал там свою программу в специальной записке и обсуждал ее с Корниловым лично, который устроил для этого со мной три специальных встречи. Предполагалось, что в Могилев приедут также и Милюков и Маклаков и что моя программа будет подвергнута обсуждению общему; но они почему-то не приехали. Между прочим, при мне Корниловым была получена телеграмма от Маклакова, подписанная условно “капитаном Маковым”, сообщившая, что он не может приехать.

Помимо того, что я говорил о моем проекте с Корниловым, я вел подобные разговоры там (в ставке) еще с генералом Голицыным, полковниками Прошиным и Гагариным и с Аладыным Алексеем Федоровичем (быв[ший] член Госдумы, трудовик)⁸ и главным образом с Завойко Вас[илием] Степ[анови-

⁶ [22, т. 1, с. 533; т. 2, с. 16]. Несколько разнообразя ситуацию, то же Чрезвычайной комиссии сообщает В. С. Завойко: «В течение того же вечера (13 августа, помимо многочисленных родственников и корреспондентов, к генералу Корнилову заходили: генерал Алексеев, П. Н. Милюков, А. Ф. Аладын и профессор Яковлев» [7, т. 1, с. 221; т. 2, с. 93]. – К курьезам можно отнести то, что в современной биографической литературе А. И. Яковлев отнесен к встречавшим Л. Г. Корнилова представителям российского генералитета [17, с. 160].

⁷ Отметим, что на совещании присутствовали и другие известные историки: М. К. Любавский (от Общества истории и древностей Российских при Московском университете), А. С. Лаппо-Данилевский и М. И. Ростовцев (оба от Российской академии наук) [Там же, с. 325]. От Совета крестьянских депутатов с речью выступил Н. Д. Кондратьев [Там же, с. 90 – 94]. – О Государственном совещании см. в новейшей работе: [23, с. 200 – 213].

⁸ Аладын А. Ф. (1873 – 1927) – один из лидеров Трудовой группы Первой Государственной Думы. До лета 1917 г. находился за границей. В 1918 – 1920 гг. – в Добровольческой армии. Эмигрировал. Имелись данные о его связях с английской разведкой. По словам П. Н. Милюкова, А. Ф. Аладын «непризнанный политический гений... умевший сочетать крайнее самомнение с большой практической покладистостью» [16, с. 338].

чем], считавшимся идеологом корниловского движения⁹.

Лично Корнилов высказывал известное сочувствие моей программе и мне казалось даже, что он способен провести ее в жизнь, но тогда он уже разрабатывал план наступления на Петроград и мой проект занимал его меньше. Во время нашей четвертой встречи он, Корнилов, сообщил мне, что я должен вернуться в Москву, добавив при этом, что когда я понадобится ему – я буду вызван. Последняя наша встреча состоялась буквально накануне попытки Корнилова захватить власть, т. к. уже через два дня об этом походе было написано в газетах» [3, лл. 67 – 68]¹⁰.

Показания А. И. Яковлева по «Академическому делу» о встречах с генералом Л. Г. Корниловым находят соответствия в воспоминаниях ряда политических деятелей, написанных ими, будучи в эмиграции. Однако еще раньше имя А. И. Яковлева прозвучало в свидетельствах привлеченных Чрезвычайной комиссией «по делу Корнилова» еще Временным правительством.

⁹ Завойко В. С. (1875 – 1947) – помещик, уездный предводитель дворянства, предприниматель. Политический советник Л. Г. Корнилова («ординарец»), автор большинства важнейших приказов и обращений Л. Г. Корнилова. Подробно о нем см.: [19, с. 115 – 133].

¹⁰ В обвинительном заключении по «Академическому делу» (январь 1931 г.) роль А. И. Яковлева в событиях 1917 г. определяется так: «После февральской Революции, во время Всероссийского демократического совещания в Москве, вел переговоры с генералами Корниловым и Алексеевым о введении его (Яковлева) проекта аграрной реформы, которая должна была привести к реставрации старого режима. Аналогичные переговоры вел с быв[шим] патриархом Тихоном и различными политическими деятелями Белого движения, в ставке ген[ерала] Корнилова. Монархист» [1, с. 125].

Из «стенограммы допроса министра-председателя А. Ф. Керенского» (от 8 октября 1917 г.) узнаем следующее: «*Керенский*. ...Я не знаю, известно ли Вам посещение Завойко и Аладьиным князя Львова в Москве... Я в Москве не был, никакого участия в разговоре не принимал, и затем вот по поводу аграрной реформы, подготовка, аграрный манифест, не помню этого профессора из Москвы... *Председатель*. Яковлев. *Керенский*. Все это подтверждает, что велась подготовка»¹¹.

По свидетельству (от 25 сентября 1917 г.) верховного комиссара Временного правительства при Ставке главноверха М. М. Филоненко «18 и 19 июля (ошибочно, надо – августа. – Ю. К.) на один день приезжал А. Ф. Аладьин, который, не имея пристанища, воспользовался моим гостеприимством. Цели приезда г-на Аладьина мне известны не были. Вечером ко мне приехали г-н Завойко и профессор Московского университета Яковлев, был также г. Аладьин. Г[осподин] Завойко несколько раз настойчиво пытался завязать разговор на политические темы, но я решительно, хотя и не без труда, такого рода беседу отклонял. Все означенные лица затем из Ставки выехали» [7, т. 2, с. 348].

Наиболее пространно свидетелями давались показания о совещаниях в Ставке 23 – 25 августа 1917 г. Имя про-

¹¹ [7, т. 2, с. 169]. – У П. Н. Милюкова текст об этом выглядит так: «*Керенский*, в доказательство заблаговременной подготовки заговора, показал в следственной комиссии...: "я знал, что идет подготовка аграрного манифеста или закона; не помню фамилии этого профессора из Москвы". Председатель комиссии тогда назвал эту фамилию: Яковлев» [16, с. 357, прим.*].

фессора А. И. Яковлева приводится неоднократно. Особенно много о нем говорит В. С. Завойко. «23 августа утром вместе с проф[ессором] Яковлевым я отбыл в одно из имений вблизи Могилева к одному из моих знакомых помещиков¹², где и оставался до 25 августа раннего утра, причем двадцать четвертого вечером был вызван на некоторое время в Ставку к ген[ералу] Корнилову и имел с ним собеседование по поводу посещения Савинковым Ставки. Все время совместного пребывания с проф[ессором] Яковлевым было нами использовано на детальную разработку проекта земельных реформ» [7, с. 98]. «Реформы земельные, – сообщает он далее, – задумывались под непосредственным влиянием доклада, сделанного в Ставке профессором Московского университета Яковлевым, который после революции ”бросил все и ушел в народ, дабы путем личных восприятий выяснить истинное отношение широких масс к этому наболевшему вопросу”» [Там же, т. 1, с. 224].

В. С. Завойко приводит основные положения проекта, как они были представлены А. И. Яковлевым Л. Г. Корнилову, представителям Ставки и Временного правительства. «В основу реформ была положена мысль о том, что ”национализация” земли в стране, где не хватает учителей и около 75 % безграмотного населения, невозможна, хотя стремление к черному переделу, кото-

рый разумеется под понятием ”национализации” и ”социализации” в одной части крестьянских масс, несомненно, существует, равно как и убеждение в том, что за этими новыми и непонятными словами скрывается действительное средство к его осуществлению» [Там же].

А. И. Яковлевым «ввиду этого и при наличии целого ряда иных соображений предполагалось осуществить земельную реформу на основах ”платного отчуждения земель в целях создания на началах собственности мелкого крестьянского земледелия”. В грубых чертах проект таков: все земли частновладельческие, монастырские, удельные и казенные обращаются на основании разумной и справедливой оценки в особый государственный земельный фонд. Отчуждению не подлежат земли частных землевладельцев, площадь владений которых не превышает ста десятин, и те частные владения общей площадью 5 миллионов десятин, которые местными особо созданными учреждениями будут признаны имеющими промышленное значение, обслуживающими заводы и высококультурные хозяйства и т. п. Отчуждению не подлежат все лесные земельные угодья и дачи. Необходимый для выкупа капитал образуется путем установления особого налога на все виды собственности, не подлежащие отчуждению, то есть городские имущества, лесные угодья, промышленные предприятия и капиталы. Государственный земельный фонд предназначается для прирезки на отрубные участки площадью от 15 десятин в зависимости от места нахождения земли и распределяется безвозмездно между всеми солдатами, беспо-

---

¹² Временный отъезд В. С. Завойко был обусловлен визитом в Ставку «с важным поручением» управляющего Военным министерством Временного правительства Б. В. Савинкова (см.: [23, с. 213 – 228], у которого было нелестное мнение о В. С. Завойко [7, т. 2, с. 98]. См. также: [Там же, т. 1, с. 227].

рочно и доблестно прошедшими военную службу на позициях, и семьями убитых воинов; матросы пользуются теми же правилами. Для заведывания этим земельным фондом и распределения его между доблестными защитниками отечества создаются особые учреждения. Проект предполагалось предложить при организации нового Временного правительства, причем последнее должно было взять на себя обязательство разработать его детально к моменту созыва Учредительного собрания и употребить все усилия для проведения его в жизнь. Генерал Корнилов знал этот проект во всем его объеме и всецело его одобрял»¹³.

25 августа в Ставке произошло совещание с «особоуполномоченным министра-председателя Керенского» В. Н. Львовым¹⁴. В докладе Чрезвычайной комиссии сообщается, что после разговора с Л. Г. Корниловым В. Н. Львов «вышел в комнату, занимаемую полковником Голицыным и свидетелем (В. С. Завойко. – Ю. К.)... В комнате свидетеля разговор продолжался на те же темы в присутствии Добрынского... и профессора Яковлева... После обсуждения состава Совета Министров беседа перешла на рассмотрение разработанного проекта земельного устройства, насколько помнит В. С. Завойко, и этот проект особенного сочувствия Львова не встретил» [7, т. 1, с. 227]. В

другом месте В. С. Завойко говорит более определенно: «В. Н. Львов отнесся к проекту отрицательно». Более того, «и в самой Ставке находились лица, отнесшиеся к изложенной реформе чрезвычайно враждебно» [Там же, с. 225].

Еще более усилил свое негативное отношение к проекту земельной реформы и его автору В. Н. Львов на допросе Чрезвычайной комиссии (27 августа 1917 г.). Вот что записано в протоколе: «От генерала Корнилова мы с Добрынским пошли завтракать с Завойко, у которого был еще какой-то неизвестный мне агроном, и тогда Завойко писал на клочке бумаги список тех министров, которые должны войти в новый кабинет» [Там же, т. 2, с. 210]. Позже, на допросе 14 сентября он дополнил показание: «Затем разговор наш зашел об аграрной реформе. Тут же сидевший какой-то господин приводил какие-то цифры в доказательство осуществимости своего плана; я видел, что все эти проекты сочинялись для задабривания масс и привлечения их на свою сторону. Затем я уехал на вокзал, причем Завойко меня провожал» [Там же, с. 218].

Вместе с тем, по словам того же В. С. Завойко, к проекту благосклонно отнеслись представители Временного правительства. «Филоненко был не только в курсе всего вышеизложенного, но в разработке проекта принимал деятельное участие и неоднократно совещался и беседовал с профессором Яковлевым. Кроме того, Филоненко передавал свидетелю, что этот проект им целиком сообщен Б. В. Савинкову, который со своей стороны горячо его приветствовал. Проект в Ставке обсуждался

---

¹³ [Там же, т. 1, с. 224-225]. См. также: [18, с. 128-129; 19, с. 132].

¹⁴ См. также: [12, с. 364; 23, с. 228 – 236]. В. Н. Львов (1872 – 1934) – депутат III и IV Государственных дум. Во Временном правительстве (март-июль) занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. В 1920 г. эмигрировал.

совершенно открыто, и многие им интересовались...»¹⁵.

Встречи-консультации в Ставке Верховного главнокомандующего нашли свое отражение в воспоминаниях участников и очевидцев. Так, по воспоминаниям «спецпредставителя» А. Ф. Керенского В. Н. Львова, В. С. Завойко в числе других разработанных документов продемонстрировал ему «прокламации к солдатам», где «солдатам обещалось по 8 десятин земли; автор этого предложения, профессор Яковлев, сидел тут же и был представлен Львову». «Пишущий эти строки» П. Н. Милюков вспоминает, что «познакомился с профессором Яковлевым на Московском Совещании. “Профессор” развивал такие фантастические планы об аграрной реформе, что невозможно было отнестись к нему серьезно. Львов тоже усомнился. “Откуда вы возьмете столько десятин на каждого солдата?” “У меня все это точно вычислено”, отвечал этот, видимо, не вполне уравновешенный господин. Каким-то путем, именно, люди такого типа попадали в советники Корнилова» [16, с. 357]¹⁶.

¹⁵ [7, т. 1, с. 225]. В Ставке пытались поставить дело более широко. «К участию в обсуждении вопроса о состоянии страны и мер, необходимых для спасения от окончательного развала как армии, так и всей страны, генерал Корнилов хотел привлечь М. В. Родзянко, кн. Г. Е. Львова и П. Н. Милюкова, которым были посланы телеграммы с просьбой прибыть не позже 29 августа в Ставку». Несколько раньше приглашение приехать в Ставку было сделано А. Ф. Керенскому, «чтобы объяснить с ним здесь и прийти к окончательному соглашению, обсудив указанную уже схему организации власти и состава правительства» [Там же, с. 241, 536]. См. также: [12, с. 334; 16, с. 361].

¹⁶ Мемуары В. Н. Львова печатались в ноябре – декабре 1920 г. в парижских «Последних Новостях».

Ссылки на воспоминания В. Н. Львова содержатся и у А. Ф. Керенского. После разговора, отмечает В. Н. Львов, «я откланялся Корнилову и вышел из кабинета. Завойко пригласил меня к себе завтракать; он помещался тут же в доме. Я прошел к нему и застал его в кабинете Добрынского и еще незнакомого мне господина. Завойко познакомил нас: “Профессор Яковлев”. Затем Завойко, сев у письменного стола, достал лист бумаги, на котором было что-то написано, и стал читать вслух. То был манифест Корнилова к армии, в котором Корнилов, называя себя сыном казака, брал на себя верховную власть во имя спасения Родины. Прочтя манифест, Завойко вытащил из письменного стола еще бумагу и стал читать. То была прокламация Корнилова уже к солдатам. В ней солдатам обещалось по возвращении домой нарезать по 8 десятин на каждого. Оказывается, что это была аграрная программа, выработанная сидевшим передо мной профессором Яковлевым. Завойко сунул мне по экземпляру каждого. Я машинально положил их в карман, не зная, для чего он мне их дал». Позднее, уже в Петрограде, В. Н. Львов при встрече с П. Н. Милюковым «достал манифест и прокламацию Корнилова и показал их Милюкову. “А мне это совсем не интересно”, – ответил Милюков» [12, с. 367, 368]¹⁷.

¹⁷ Об этом упомянул на одном из допросов М. К. Любавский: «С своим проектом Яковлев обращался к члену Временного правительства П. Н. Милюкову, настаивая на том, чтобы временное правительство выступило с заявлением в смысле его проекта. Но Милюков резко отклонил все это и сказал, что ему некогда обсуждать подобные “фантазии”» [3, т. 11, л. 300].

Возвращаясь к материалам «Академического дела», отметим, что на вопрос следствия о знакомстве с А. И. Деникиным А. И. Яковлев ответил отрицательно. «С ген[ералом] Деникиным я не говорил ни разу. Узнал он о моей программе по-видимому от генерала Лукомского, быв[шего] нач[альни]ка штаба у Корнилова у которого осталась моя записка с изложением сущности моей программы» [3, лл. 68 – 68 об.]. Вместе с тем, сам А. И. Деникин, не без сарказма вспоминая ситуацию в «Ставке Корнилова», среди прочих действующих лиц отметил «профессора Яковлева, разрешающего каким-то неслыханным способом аграрную проблему...», что в конечном итоге вылилось в «проект воззвания к солдатам по поводу дарования им земельных наделов», имевшего в своей основе «аграрную программу Яковлева, если верить Львову, сильно напоминавшую демагогический проект большевистского генерала Сытина»¹⁸.

Таким образом, мы видим А. И. Яковлева, участвующего в важнейших политических событиях лета 1917 г. И он не просто присутствует, но предлагает решение важнейшего в условиях политического и социального кризиса вопроса – земельной реформы. Однако его активное участие не приводит не только к принятию его предложений, но даже к какому-либо вообще положительному результату. Миссия А. И. Яковлева у Л. Г. Корнилова, равно как и у других политических и военных деятелей, закончилась безрезультатно. И это происходит по абсолютно независимым от него причинам. Совершенно

очевидно, что ни в обсуждении, ни в реализации земельной программы не были заинтересованы те фигуры, для которых борьба за вершину политической власти стояла на первом плане: Керенский, Милюков, Львов¹⁹. Сочувствующий же земельной программе Л. Г. Корнилов, как известно, потерпел сокрушительное поражение.

Любопытную дневниковую запись об отношении А. И. Яковлева к «корниловскому делу» оставил 1 сентября 1917 г. его коллега профессор Московского университета Ю. В. Готье: «Интересный разговор с Яковлевым. Он был в Могилеве и готовил аграрную программу для Корнилова, состоящую в наделении земель солдат в собственность. Он указывает на Завойко и, быть может, Аладьина как на главных авторов дела. Корнилов, по его впечатлению, привлекательный солдат, но не политик, а младенец в политике. В военную и политическую часть замысла он не был посвящен и уехал за день до выступления. По его мнению, В. Н. Львов сыграл здесь темную и глупую роль» [6, с. 33].

Но, несмотря на неудачу, с идеей претворения в жизнь своей аграрной программы А. И. Яковлев не расстался. Так, на одном из допросов он сообщил, что говорил об этом с патриархом Тихоном. В числе прочих вопросов А. И. Яковлев попытался «выяснить его отношение к... вопросу о наделении за счет бывшего дворянского и др. крупного и

---

¹⁸ [8, с. 519, 520]. О Сытине и его проекте см.: [Там же, с. 105].

---

¹⁹ Согласно Ф. А. Селезневу «аграрный проект Завойко–Яковлева оставлял широкую возможность для сохранения помещичьего землевладения и лежал в стороне от основного русла аграрной политики Временного правительства» [19, с. 132].

среднего землевладения крестьян, сражавшихся на войне, мелкими земельными участками. Патр[иарх] Тихон заметил, что идее вознаграждения земель за ратную службу он сочувствует, но что он напоминает мне, что просил политических тем в беседе с ним не затрагивать» [3, лл. 77 – 77 об., 81 – 82].

Излагал свои идеи А. И. Яковлев и А. А. Брусилову, довольно подробно повествуя о своем знакомстве с ним²⁰. «С б[ывшим] ген[ералом] Брусиловым я был в хороших отношениях, сложившихся следующим образом. Летом 1919 г. Брусилов, показывавший Румянцовский музей своему внуку, зашел в комнату Герцена, которой заведывал я. Я показал ему коллекции этой комнаты, а затем и соседних с ней комнат Старой Москвы и Чехова. На этом и завязалось наше знакомство. Оно продолжалось обменом личных посещений, продолжавшихся несколько лет. Отношения эти меня очень интересовали, т. к. от Брусилова я, как историк, почерпнул много сведений, относящихся к истории Германской войны... Предметом общих разговоров с ним и др[угими] общими знакомыми, бывавшими у меня, были самые разные вопросы житейские, социальные и политические, между пр[очим] и крестьянско-земельный, относительно которого у Брусилова были какие-то свои взгляды. Говорили мы с ним и о моем понимании задачи индивидуализации крестьянского

землевладения, но теперь уже хорошо не помню, какие возражения он выдвигал против нее» [Там же, л. 65]. В один из протоколов внесена и еще одна запись: «На темы, связанные с моей программой, приходилось мне еще говорить с быв[шим] генералом Брусиловым и многими другими лицами, фамилии коих теперь назвать затрудняюсь» [Там же, л. 68]. И в другом месте: «Зная из напечатанных воспоминаний ген[ерала] Деникина, Керенского и Миллюкова о том, что я являюсь автором проекта аграрной реформы 1917 г., мы (с экономистом Букшпаном. – Ю. К.) вели беседы также по этому всегда меня интересовавшему вопросу, применительно к русским условиям» [Там же, л. 86].

Судя по показаниям привлекавшихся к «Академическому делу», немаловажное место крестьянский вопрос занимал в 20-х годах и в обсуждениях историков. Об этом свидетельствуют С. Ф. Платонов и Е. В. Тарле [1, с. 152 – 154].

Больше места этой теме и персонально роли А. И. Яковлева уделяется у М. К. Любавского [3, т. 11, лл. 199, 231 – 233, 300 – 301 об.]. Изложение вопроса (показания от 14 октября 1930 г.) М. К. Любавский начинает с его истории. «Аграрным вопросом и его разрешением проф. А. И. Яковлев занят был еще во времена Временного правительства. С скорейшим разрешением этого вопроса он связывал успокоение России и приведение ее в колею нормальной экономической и политической жизни. Уже в то время им выработан был своеобразный проект безвозмездного наделения землею солдат-георгиевских кавалеров, принимавших участие в империалистической войне, в

²⁰ Текст написан на обеих сторонах листа фиолетовыми чернилами, ровным, характерным для А. И. Яковлева почерком с написанием некоторых букв латиницей, вполне разборчивым. Любопытно отметить, что копия, обязательная для всех документов (протоколов и записок), в данном случае, по неизвестным причинам, отсутствует.

высшей норме (размера – не помню) и обыкновенных рядовых солдат – по пониженной норме. Так как большинство крестьянских семей таким образом получило бы удовлетворение, Яковлев полагал, что возбужденная крестьянская стихия после такого наделения уляжется скоро и будет твердым оплотом правительства, которое даст ему ту землю. В раздачу должны пойти земли помещичьи, удельные, церковные без выкупа со стороны крестьян, но с минимальным вознаграждением б[ывших] частных землевладельцев со стороны государства. Со своим проектом Яковлев обращался к члену Временного правительства П. Н. Милюкову, настаивая на том, чтобы временное правительство выступило с заявлением в смысле его проекта. Но Милюков резко отклонил все это и сказал, что ему некогда обсуждать подобные “фантазии”» [3, т. 11].

Но, продолжает М. К. Любавский, «мысль о наделении крестьян землей в частную собственность, однако, не покидала Яковлева, и он неоднократно высказывал ее в наших позднейших беседах об этом предмете как в нашем кружке, так и у себя на дому, когда мне приходилось бывать у него. Сообразно с изменившимися условиями, конечно, не было уже речи о каком-либо выборе крестьян, подлежащих наделению землей, а приходилось говорить обо всех вообще крестьянах, нуждающихся в земле и желающих заняться ее обработкою. В этом Яковлев должен был отступить от своего первоначального проекта о наделении солдат и их семей. Должен он был отступить и от мысли о денежном вознаграждении б[ывших] частных владельцев ввиду истощения

государства после гражданской войны и погромов усадеб, фабрик и заводов и т. д. Ввиду необходимости платить долги и возмещения убытков иностранцам. Взамен того им принята была мысль, высказанная, насколько помнится, Богословским, о возвращении б[ывшим] частным владельцам их усадеб с наделом земель по общей норме. Предполагалось таким путем удовлетворить, главным образом, мелких и средних землевладельцев, которые могли слиться с крестьянством или же, ликвидировав свои усадьбы и полученные наделы, получить некоторые средства для прожития и перехода на новый трудовой путь. В порядке обсуждения аграрной проблемы, мы, конечно, не могли оставить без внимания и вопрос о мобилизации будущей крестьянской земли и возможности путем скупки образования земельных владений свыше нормы. Здесь предполагалось установление известного минимума, не превышающего размеры трудовых сил данной крестьянской семьи. Вследствие этого все сделки на землю ставились бы под контроль и разрешение особых землеустроительных комиссий. Мы не скрывали от себя отрицательных экономических сторон проектируемого аграрного порядка, но надеялись парализовать его устройством всевозможных сельскохозяйственных коопераций по выработке сельскохозяйственных продуктов и сбыту их, организацией сельскохозяйственного кредита и агрономической помощи населению.

Как я уже показывал, никакого особого заседания для разработки аграрного вопроса и его деталей в Московской группе не было, а был только обмен общими мнениями, происходившими как в

общих собраниях, так и в частных разговорах отдельных членов, не велось никаких протоколов и точных формулировок высказывавшихся мнений. Кто в частности присутствовал при этом обмене мнений в разных случаях, я решительно не помню» [3, л. 86].

«Только в 1929 г., когда аграрный вопрос ребром поставлен был жизнью в связи с коллективизацией сельского хозяйства, я попросил Яковлева уже подробнее войти в этот вопрос и сформулировать свои соображения. В частности, я рекомендовал ему собрать сведения, возможно точные, о количестве земель государственных, удельных и церковных, могущих составить фонд для наделения безземельных и малоземельных крестьян, на предмет хотя бы приблизительного определения норм будущих крестьянских наделов, разработать вопрос об увеличении этих норм путем скупки и о допустимых пределах этого увеличения, разработать вопрос о разделе крестьянских участков и о допустимых пределах этого раздела, вопрос о государственных заповедных имениях, которые по экономическим соображениям не могут идти в надел крестьянам (образцовые имения с высокой сельскохозяйственной культурой, обслуживающие сельскохозяйственные заводы и т. п., леса и т. д.), вопрос о землеустроительных комиссиях и их составе, об организации сельскохозяйственной кооперации (в общих чертах) и сельскохозяйственного кредита. Соображения Яковлева предполагалось обсудить в собрании Московской группы и представить в Ленинградскую группу. Насколько нам было известно, в Ленинградской группе аграрный вопрос не подвергался обсуж-

дению. По крайней мере, проф. Платонов, не раз присутствовавший на наших беседах по этому поводу в Москве, ни слова не говорил, что вопросы этого порядка ставились у них в Ленинграде и высказывались те и другие мнения.

Проф[ессор] Яковлев не представил в нашу группу этой работы, которую я просил его сделать. По-видимому, занятый своею службою и литературными приработками, выбитый из колеи «чисткою» учреждения, где он служил, чисткою, которая коснулась и его лично, он не успел сделать что-нибудь существенное по исполнению моей к нему просьбы. Возможно, что на него повлиял и тот пессимизм, которым, по его словам, был охвачен проф[ессор] Платонов летом 1929 г., когда он был у него в Ленинграде по делам археографической комиссии. Платонов высказывал ему, что он не верит в «возрождение» России.

Наша разработка аграрной программы имела в виду, конечно, не непосредственное введение ее в жизнь какими-либо распоряжениями временной (во время интервенции) власти или же реставрированной монархии. Мы считали такой путь опасным, чреватым дальнейшими внутренними осложнениями. Выработывая свою программу, мы имели в виду дать временной власти или реставрируемой монархии материал для опубликования общих принципов и положений, с которыми они могли бы выступить в своих предварительных манифестах, и только. Вследствие этого мы и не разработали в деталях аграрную программу, тем более что среди нас не было экономистов-специалистов. Мы полагали, что с детальными законопроектами выступят све-

душие люди в Учредительном собрании, а затем в дальнейшем в законодательном учреждении и что в окончательном решении всех этих вопросов должно самое деятельное участие принять в лице своих представителей крестьянство, в интересах которого проектировалась аграрная реформа»²¹.

Сам А. И. Яковлев, отвечая на вопрос следствия, напишет: «Возвращаясь к вопросу о той основной идее, которую я лично отстаивал в группе, т. е. о реформе крестьянского землевладения и землепользования.

Идея раздробления крупного дворянского и иного землевладения на мелкие земельные участки по 7 – 10 – 12 гектаров-десятин занимала меня очень давно, и я считал эту задачу основной задачей нашей эпохи, понимая ее радикальнее, шире и глубже, чем она проводилась ведомством землеустройства в 1906 – 1914 гг. Когда начались наши военные поражения на фронте в 1915 г., я стал интересоваться ею еще более интенсивно, чем раньше, и многократно говорил на эти темы и в нашей профессорской и иной среде. Революция в 1917 г. (февраль-август) придала моему теоретическому пониманию дела, основанному дотоле, главным образом, на историческом изучении предмета, острый практический характер. (Я изучил его в сравнительно-исторической постановке: движения этого типа в древности, Ате и Клеомен в Греции, Гракхи в Риме, затем английская и французская революции и т. д.) Беседа в 1917 г. со

многими лицами, среди которых были и крестьяне, и земские деятели, и ученые, и военные, я все более укреплялся в мысли, что для предупреждения общего развала, анархии и гибели всякой культуры в России, должна быть немедленно и безусловно принята как основной принцип безвозмездная передача владельческой земли крестьянству с разверстанием ее на индивидуальные участки. Так как грозила казавшаяся с июля 1917 г. неминуемой катастрофа военной обороны, для поднятия обороноспособности земля должна была быть раздаваема солдатам, отличившимся на фронте, как это должно было быть немедленно же объявлено. Таково было мое понимание дела в смутные месяцы лета 1917 г., когда общее положение стало крайне неопределенным и тревожным. Но почти по всей линии я встретил враждебное или индифферентное отношение, что отразилось в презрительных и враждебных отзывах о моем плане в напечатанных за границей книгах Милюкова («История рус[ской] революции») и Деникина (заглавия не помню). Отказаться начисто от принципа сохранения крупного и среднего землевладения почти никто из тогдашних моих собеседников не хотел и валовую передачу всей частновладельческой земли считал ненужной и вредной химерой. (Я выступал только как частное лицо – профессор Московского университета и более ничего, ибо никаких общественных функций не имел). Симпатии и поддержку я чувствовал только в крестьянской среде, с которой разговаривал при подходящих случаях (в вагоне, на дороге, на работах и т. д.) В августе 1917 г. я убедился в том, что идея такой ликвидации земель-

---

²¹ [3, т. 11, л. 300 – 301 об.] Подлинник; рукопись (на бланке); текст черными чернилами почерком Любавского; подписи – автографы; Л. 300 – 301 об. Копия; машинопись (на бланке). Л. 302 – 305.

ного фонда обречена на неудачу, что мне, одинокому ее стороннику в нашей²² среде, ее в жизнь не продвинуть, и я отказался ото всяких дальнейших выступлений и разговоров, хотя и продолжал считать планомерную индивидуализацию крестьянского землевладения с охватом всего²³ прежнего частновладельческого фонда наиболее жизненной и экономически продуктивной формой эксплуатации земельной площади. На практической стороне дела для себя я поставил крест и от всякого вмешательства отказался, хотя, разумеется, в частных разговорах, особенно в товарищеской среде, никогда не отказывался от теоретической защиты моей идеи, хотя и считал ее практически вне круга моих работ. Вместе с тем, после Октябрьского переворота вопрос о частном землевладении можно было считать в смысле ликвидации частновладельческого фонда решенным, а вопрос о формах его распределения отодвигался на более или менее отдаленное будущее, когда разрешится начавшаяся борьба революции с контрреволюцией. Будучи только теоретиком, кратковременно привлеченным ходом событий к постановке вопроса о практической стороне дела, я оставил помыслы о дальнейшем продвижении этой темы» [3, т. 9, лл. 55 – 55 об.]

Как мы видели выше, это было не совсем так. В обвинительном заключении по «Академическому делу» (январь 1931 г.) роль А. И. Яковлева определяется следующим образом: «После февральской Революции, во время Всероссийского демократического совещания

в Москве, вел переговоры с генералами Корниловым и Алексеевым о введении его (Яковлева) проекта аграрной реформы, которая должна была привести к реставрации старого режима. Аналогичные переговоры вел с быв[шим] патриархом Тихоном и различными политическими деятелями Белого движения, в ставке ген[ерала] Корнилова. Монархист» [1, с. 125].

Осужденный по «Академическому делу» (как и его коллеги – академики и профессора), А. И. Яковлев пятилетнюю ссылку отбывал в Минусинске («считая срок с 8 / 8 – 30 г.» [Там же, с. 366]). Согласно «ходатайству о помиловании», 7 апреля 1933 г. ему было разрешено «свободное проживание по Союзу ССР» [Там же, с. 388]. С 1938 г. стал работать в Институте истории АН СССР. Публиковал источники. Писал актуальные книги и статьи, подвергавшиеся беспощадной критике политических и научных оппонентов. Участвовал в острых научно-исторических дискуссиях [21, с. 264 – 265, 284 – 298, 310 – 312; 24].

Фундаментальный труд А. И. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве XVII в. По архивным документам Холопьего и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. Том I» (М., 1943, 564 с.) получил Сталинскую премию, но был раскритикован специалистами [10, с. 452, 531 – 532, 658; 24; 21, с. 284 – 296].

Вместе с тем по получении Сталинской премии А. И. Яковлев проявил высокую гражданскую позицию. Премию в размере 100 тыс. руб. он решил передать Чувашской АССР и Мордовской АССР «на создание земельных приютов имени И. Сталина для сирот –

²² Подчеркнуто А. И. Яковлевым.

²³ Подчеркнуто А. И. Яковлевым.

детей воинов, павших в Великой Отечественной войне». Для получения разрешения А. И. Яковлев написал письмо И. В. Сталину, от которого последовал такой ответ:

Члену-корреспонденту Академии Наук СССР

проф. А. И. Яковлеву.

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Алексей Иванович, за Вашу заботу о сиротах – детях защитников Родины.

Ваше желание будет исполнено.

И. Сталин (подпись)»²⁴.

«Действительно, сумма премии была использована для содержания сирот Чувашии (в Маркосадском районе) и Мордовии (в Атяшевском районе), для организации военно-исторической выставки, посвященной памяти М. И. Кутузова.

От руководства Чувашской Республики А. И. Яковлев получил такое письмо:

Члену-корреспонденту Академии Наук СССР, лауреату Сталинской премии проф. Яковлеву Алексею Ивановичу.

Уважаемый Алексей Иванович!

Совет Народных Комиссаров Чувашской АССР и Чувашский областной Комитет ВКП(б) выражают Вам искреннюю за Вашу заботу о детях трудящихся Чувашской Республики, оставшихся без родителей в период Великой Отечественной войны.

Ваше отеческое внимание к детям-сиротам, пострадавшим от рук фашистских разбойников, найдет живой отклик среди рабочих, колхозников и интеллигенции нашей республики, поднимает еще выше боевой дух земляков-фронтовиков, которые с горячей любовью будут благодарить Вас за это внимание.

Ваша инициатива по устройству детского дома – земледельческой колонии для детей-сирот трудящихся Чувашской Республики будет поддержана. Ваше желание – присвоить будущему детдому имя великого вождя и учителя И. В. Сталина будет поддержано.

Деньги просим перечислить в Чувашскую контору Госбанка на текущий счет № 160/2313 Комиссии при СНК Чувашской АССР по устройству детей, оставшихся без родителей.

Примите наш привет, Алексей Иванович, и наши пожелания Вам в дальнейшей плодотворной научной работе.

Председатель Совнаркома Секретарь Чувашского обкома ВКП(б)

А. Матвеев (подпись) И. Чарыков (подпись)»²⁵.

Алексей Иванович Яковлев умер в Москве в 1951 г. В кратком некрологе перечислялись его научные достижения и отмечалось, что «советская историческая наука понесла большую утрату» [2, с. 183].

Библиографические ссылки

1. Академическое дело 1929 – 1931 гг. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация. В 3 ч. Ч. 1. СПб., 2015.
2. Алексей Иванович Яковлев (1878 – 1951) // Вопросы истории. 1951. № 9.

---

²⁴ Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 281. Цит. по книге Н. Г. Краснова, опубликовавшего документ впервые [13, с. 306].

²⁵ Архив ОР РГБ. Ф. 361. Д. 71. Цит. по книге Н. Г. Краснова, опубликовавшего документ также впервые [13, с. 307].

3. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. П-65245. Д. в 18 т. Т. 9, 11.
4. Богословский М. М. Дневники (1913 – 1919). М., 2011.
5. Государственное Собрание. М. ; Л., 1930.
6. Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997.
7. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 – июнь 1918. Документы. В 2 т. Т. 1 – 2. М., 2003.
8. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. I. СПб., 2010.
9. Доклад Чрезвычайной комиссии об итогах следствия по делу о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 – июнь 1918. Документы. В 2 т. Т. 1. М., 2003.
10. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.) Брянск, 2005.
11. Жиркевич А. В. Мои встречи с И. Я. Яковлевым. Чебоксары, 1998.
12. Керенский А. Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006.
13. Краснов Н. Г. Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 1998.
14. Кривошеев Ю. В. Историк А. И. Яковлев и революционер В. И. Ульянов-Ленин // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2.
15. Кривошеев Ю. В. Семья Яковлевых и семья Ульяновых [В печати].
16. Милуков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.
17. Рунов В. А. Легендарный Корнилов. «Не человек, стихия». М., 2014.
18. Селезнев Ф. А. В государственном управлении вся сила и залог успеха именно в плане и системе его осуществления: Из показаний ординарца генерала Л. Г. Корнилова прапорщика В. С. Завойко. 1917 г. // Исторический архив. 2011. № 4.
19. Селезнев Ф. А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914 – 1918 гг.) СПб., 2017.
20. Тихонов В. В. В истории так мало незыблемых истин... К 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева // История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010.
21. Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.; СПб., 2012.
22. Хроника событий // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 – июнь 1918: Документы. В 2 т. Т. 1. М., 2003.
23. Шубин А. В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М., 2018.

24. Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
25. Яковлев А. И. Четыре встречи с В. И. Лениным // Исторический журнал. 1942. № 1 – 2.
26. Яковлев А. И. Иван Яковлевич Яковлев. 1848 – 1930. Чебоксары, 1958.
27. Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997.

Yu. V. Krivosheev

HISTORIAN A. I. YAKOVLEV AND HIS PROJECT OF THE AGRARIAN REFORM (BASED ON MATERIALS FROM THE UFSB ARCHIVE OF ST. PETERSBURG AND LENINGRAD REGION AND OTHER SOURCES)

The article is dedicated to agrarian reform project proposed by the renowned historian A. I. Yakovlev for Russian politicians in 1917. The author also provides an analysis of his later views on the land issue of the Soviet period. Along with already published sources the article introduces rare archival documents.

Keywords: peasantry, army, agrarian reform, A. I. Yakovlev, L. G. Kornilov, “The Trial of academics” of 1929 – 1931, social and economic history of Russia.

УДК 93/94

А. А. Куреньшев

**ВЛАДИМИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И. Ф. НАЖИВИН
О РЕВОЛЮЦИИ 1917 – 1922 гг. В РОССИИ**

В статье идет речь о творчестве уроженца г. Владимира писателя И. Ф. Наживина, ярко отразившего в своих произведениях события революции 1917 – 1922 гг. в России.

Ключевые слова: революция, Россия, писатель-толстовец, крестьянство, гражданская война, творчество.

В. И. Ленин употребил в свое время в отношении Льва Толстого определение «зеркало русской революции», имея в виду революцию 1905 – 1907 гг. В отношении писателя Наживина, толстовца, кстати говоря, можно употребить тот же термин, но уже в отношении революции 1917 г. или шире, включая граж-

данскую войну 1917 – 1920 гг. Ленин полагал, что граф Толстой отражал крестьянскую позицию и психологию, но гораздо сильнее эти аспекты были выражены в творчестве Наживина. Мнение о Наживине как о выразителе «темных инстинктов» деревни, отразившем кулацко-мужицкую природу, ее», сло-

жилося еще в годы, предшествовавшие драматическим событиям Великой русской революции. Согласно мнению официального советского литературоведения, отраженному в «Литературной энциклопедии»: «Он – сын кулака, уже с самого начала литературной деятельности (ок. 1890 г.) числился наиболее реакционным сторонником толстовства...» [1, с. 106]. «Сопоставление имени великого художника с революцией, которую он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным», – отмечает Ленин [3, с. 206]. [«Не называть же зеркалом того, кто, очевидно, не отражает явление правильно? – пишет он далее. «Но наша революция – явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий» [Там же, с. 207].

Вот что отражалось в зеркале Толстого, по мысли Ленина. «Толстовские идеи, это – зеркало слабости и недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка» [Там же, с. 212].

Вот интересы такого же мужичка выражал в 1917 – 1920-х гг. Наживин. Более того, в творчестве Наживина отразился, если можно так выразиться, эдакий вселенский мужик, вселенский, но все-таки исконно русский. Революция оценивается в произведениях Ивана Фёдоровича глазами крестьян, крестьян основательных, обстоятельных, косо

смотревших на приход к власти разного рода голытьбы, смутьянов, хулиганов и прочей сомнительной публики, включая и таких столпов новой власти, как Александр Федорович Керенский. В романе «Распутин» Наживин рисует сцену явления во сне Керенскому этого «черного человека» российской действительности последних предреволюционных лет. Во сне Керенского Распутин выступает в роли больной совести премьера. Одновременно он высказывает сомнения в правомерности, логичности и полезности для страны всего, что делают новые революционные власти. «Рази забыл ты, каким соловьем ты в Думе, бывало, заливался? А скольких людей по темницам ты теперь запер да держишь? Вон сенатор твой хошь две слезинки над ними пролил, а ты? Потому-то и говорю я, что не убили меня, не сожгли меня и ничего, ничего не кончено, а, может быть, самое главное только еще начинается... Много у меня наследников, ох, много! И зря вы замучили меня ни за што...

– Никогда я тебя не мучил!

– Не токма что мучили, а и жизни решили... – сказал печально Григорий. – За что?» И далее явившийся Керенскому во сне Распутин заявляет: «И одно мне больше всего чудно: не вы ли на всех перекрестках оралы, чтобы приходил мужик Расеей управлять, а стоило только мне нос показать, как вы же кричать стали: "А-а, сиволдай! Куда лезет! Нешто это мысленное дело, чтобы безграмотного дурака к такому важному делу подпускать? [5, с. 57]. Народ... Дак я и есть народ... Какого же вам еще народа надобно? Али вы ждали, что к вам оттедова все одни преподобные придут? Преподобных, братец ты мой,

там весьма даже малое количество, весьма малое, а остальные все с червоточинкой... Да опять же, ежели и коло преподобных полутче пошарить, то тоже, может, такого откопашь, что и не возрадуешься... Все-то мы, друг ты мой ситнай, пьяницы, все деньгу любим, а пуще всего все, как и ты вот, себя уважают... Все люди, все человеки: ты – это я, я – это ты...». [5, с. 58.]

Наживин своим творчеством заставляет так обратить внимание на крестьянство, его роль и значение, его суждения и мнения. Это весьма важно и необходимо, поскольку, как считают некоторые историки и публицисты: «В отечественном общественном сознании все еще преобладает интеллигентский взгляд на события российской истории, а порой и прямо противоположный крестьянскому – дворянско-помещичий. Е. П. Прудникова пишет в своем исследовании: «Российская элита не воспринимала крестьянство как существо, подобное себе, – не воспринимала на уровне подсознания, и следы этого отношения можно легко найти во множестве мемуаров, рассказов, художественных произведений». Известный русский философ Николай Бердяев дал этому явлению и научное обоснование. В труде «Философия неравенства» он писал: «... просветительное» и «революционное» сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрасу-

док, это есть неопровержимый и неизбежный антропологический факт». «В общем-то – да, сие есть факт, – добавляет от себя Прудникова, – बारे физически и душевно отличаются от мужиков». Действительно, в течение долгих лет вторичность мужика была общепринятым социологическим фактом. «Чумацкий не может играть на пианино», – говорил один из персонажей фильма Н. С. Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино». К сожалению, такая историографическая парадигма преодолевается с большим трудом. «Как, почему вышло, что нас, сплошь и рядом потомков черного люда, приучили смотреть на Россию глазами дворян?» – задает вопрос Прудникова. «С чем это вошло в нашу жизнь? С русской историей, которая наполнена деяниями 338 князей да царей? Хотели написать другую, да не получилось», – пишет она далее. «Невнимание советских историков к крестьянскому сословию позволило нынешним агитаторам утверждать, что крестьяне были лояльны к властям Российской империи. Мужики, мол, богобоязненны, царелюбивы и революции не хотели» [2, с. 337 – 338].

«Я пошел домой, полный самой тяжелой тревоги: с первых же минут понял я, что будет значить республика в наших русских условиях при семидесяти пяти процентах безграмотных, при повальной продажности нашей, при озлоблении народа, при остервенелой, лишенной всякой сдержанности борьбе наших малокультурных политических партий. А между тем ближайшие же дни подтвердили страшное сообщение моего спекулянта» [6, с. 62] ... Наша деревня первые дни как-то затаилась,

сдерживалась, точно еще не веря случившемуся, остерегаясь, чья еще там возьмет, а потом начались митинги, и все зашумело недобрым шумом. Раз как-то, в начале первой нашей революции, я беседовал о ней со Львом Николаевичем Толстым. Мне, тогда еще очень «революционно настроенному», было тяжело его резко отрицательное отношение к революционерам, которое он с такой прямоотой и таким мужеством выражал тогда в своих писаниях. – И вы особенно удивляете меня..., – сказал старик, останавливаясь среди снежных полей. – Ведь вы знаете народ не из окна какой-нибудь петербургской редакции... Ну, скажите по совести: кто первый пристал в деревне к революции?... Я – увы!.. – знал, кто пристал к ней» [6, с. 64].

Мужичок быстро смекнул, что красная шпана при поддержке центральной большевистской власти приберет к рукам не только имущество капиталистов и помещиков, но и его «крепкое», разьевшееся в годы военного лихолетья, хозяйство. Помещик, царь, попы – плохо, но и матрос с батраком не лучше. Вот и метался крестьянин от белых к красным и обратно через «зеленых». И вместе с ним метался Наживин. Он уже в 1926 г. подал прошение о возвращении ему советского гражданства, а в 1930-е писал самому Сталину просьбы об амнистии. Он сообщал в газету «Правда» о появившемся в бельгийской прессе призыве атамана Семенова атаковать Советский Союз и предупреждал: «Оглашайте эти факты. Готовьтесь, не спите». Сам Семенов был оголтело враждебен «Интернационалу», оккупировавшему, по его мнению, Россию. И после ликвидации Коминтерна в 1943 г. был сильно

обескуражен и готов был даже к сотрудничеству с Советами, поскольку исчез объект его многолетней борьбы, уничтоженный самими большевиками.

Наживин был готов вычеркнуть из своих произведений все антисоветские высказывания и предложил Академии наук издать 40-томное собрание своих сочинений. А. И. Солженицын много в свое время разглагольствовал в своем антишолоховском опусе о том, что настоящий писатель-автор на переработку своего творения по требованию властей никогда не пойдет... Тут мы видим, что не только Шолохов и Фадеев корежили свои романы, но и «свободный художник», живший в свободной стране готов был заняться тем же самым...

«Крестьянин-писатель И. Ф. Наживин отверг старую Русь, но новой России не принял» [1, с. 269]. Эмигрантские политические и литературные «чистоплюи» отвергали наживинские оценки революции. «Автор записок, “не понимая революции, так и говорит..., а раз не понимает, то все это чепуха, мерзость”; книга Н. – “незаменимое руководство к тому, чтобы поближе узнать автора, приглядеться к нему – бунтующему обывателю революции”, – писал меньшевик Ст. Иванович [8, с. 173]. Как “воплъ обывателя, маленького, задавленного грандиозностью событий человека” оценивалась книга Н. и в журнале “Сполохи”» [1, с. 205].

Н. Л. Мещеряков, известный советский публицист, писал о Наживине и его книге о революции: «Картину если не полного распада толстовства, то перерождения консервативной его части дает вышедшая недавно в Вене книжка Ив. Наживина «Записки о революции».

«Сам по себе Ив. Наживин – фигура малоинтересная. Это серый, заурядный человек и писатель. Но именно как заурядный человек из массы нашего народничества, Наживин представляет интересную фигуру. Перелом в его настроениях и идеологии типичен для рядовой, заурядной массы интеллигентов и обывателей. С этой стороны и интересна его книжка. С другой стороны, Ив. Наживин откровенно выбалтывает многое такое, о чем человек более умный и менее озлобленный счел бы лучшим временно промолчать. Ввиду этого я и займусь несколько подробнее книгой Ив. Наживина. Как кулак, с одной стороны, и как интеллигент-кадет, с другой, Ив. Наживин с самого начала февральской революции почувал, что революция несет ему большие неприятности. Когда в конце февраля 1917 г. по телефону один знакомый сообщил ему о начавшейся революции, о падении самодержавия, о том, что вместо монархии будет “как будто” республика, Ив. Наживин “пошел домой, полный самой тяжелой тревоги”. Эта “тревога” скоро перешла в открытую вражду к революции не только к пролетарской, но и ко всякой революции. Это был определенный отказ от прошлого. До революции Наживин был или считал себя народником. А теперь он смотрит на народ, как на “толпу, которая с полной развязностью лезет туда, куда вход ей был жизнью запрещен”. Наживин тосковал о городском. Так же тосковал он и по жандармам. “В Ростове, – пишет он, – каюсь, не без удовольствия я увидел первых жандармов, вежливых и исполнительных, как в старину”» [4, с. 144].

Наживин тоскует и по казненной бывшей царице. «За что освистывали

всякие негодяи эту больную и страдающую женщину, – пишет он. – За что кидали в нее грязью люди с репутацией явно позорной», и т. д. и т. п.

Наживину хотелось бы вернуть и городского, и жандармов, и царя, и старых чиновников. А потому на выборах он голосует... за меньшевиков. И в то же время он чуть не объясняется в любви Н. Н. Львову, председателю союза земельных собственников, и передает ему для издания свою брошюру. «Наша беседа с Н. Н. Львовым, – пишет он, – то и дело прерывалась тем, что мы вставали, долго с улыбкой трясли друг другу руки и потом опять садились и снова продолжали беседу» [5, с. 43].

Классовый инстинкт собственника помогает Наживину быстро и верно разглядеть классовую сущность партий: работая с крупными помещиками (союза земельных собственников), он голосует за меньшевиков. Когда ему предлагают стать кандидатом в учредилку от энэсов (народных социалистов), он отвечает: «Будем откровенны: мне думается, что вы называете себя народными социалистами только потому, что у вас нет мужества откровенно назваться кадетами». И тут же прибавляет: «Я ваше предложение пообдумаю» [4, с. 233].

Относительно аграрного вопроса Наживин думал, что помещичьи земли надо было передать крестьянам, но, конечно, обязательно за выкуп, «ибо за время войны они припрятали в землю миллиарды, и нельзя было не извлечь этих денег из их мошны».

Естественно, что Н. Н. Львов так горячо дал руку Наживину. Его книжка была издана союзом земельных собственников в 100 тысячах экземпляров.

Наживин был толстовцем и отвергал поэтому всю обрядность православия. Но, чтобы спастись от революции, он готов отречься от всего, готов принять снова и проповедывать православие со всей его обрядностью. «Без Бога жить трудно» [5, с. 234].

Человек, дошедший до такого градуса черносотенства, не мог, конечно, ужиться в советской России. Он бежал к Деникину. Работал у Деникина. Но, по его собственным признаниям, из этой работы ничего не выходило.

«Не более толку получалось и из моих выступлений среди народа», – пишет он.

«Особенно запомнилась мне почему-то моя речь к гарнизону Геленджика после парада во время какого-то добровольческого праздника. Я говорил солдатам о нашей России, о долге нашем перед ней, перед нашими детьми, о законности, о порядке, говорил понятно, говорил с огоньком, говорил и смотрел на ряды этих тупых, совершенно равнодушных лиц. Публика аплодировала, а они, серые, тупо смотрели перед собой, ко всему равнодушные» [6, с. 234].

Наживин ненавидит революцию смертельной ненавистью и с восторгом приветствует тех, кто вступил в борьбу с нею.

«Вот на глазах у всех развратничает и пьянствует генерал Добровольский, назначенный к ним главноначальствующим по борьбе с "зелеными"... А посмотрите на переполненные кафе на бойких улицах городов. Прекрасные дамы в сногшибательных туалетах – ничем не проймешь этих бесстыжих – и полковники генерального штаба, и черномазые восточные человеки, и шустрые евреи, и совсем зеленые молодые

люди, несомненно, призывного возраста, и чиновники, и бывшие помещики спекулируют на дамских чулках, на валюте, на спичках, на пуговицах, на хинине, на всем, что угодно, жадно, лихоградошно, отвратительно... И тут же за столиками сидят больные и раненые офицеры, изможденные, часто грязные, оборванные, часто в не раз простреленных шинелях, часто с пятнами высохшей крови на них, и пьют холодный поддельный чай с противным привкусом сахара. Так как ни квартир ни комнат нет, то ютятся они на подоконниках у знакомых, в передних, во вшивых тифозных общежитиях» [Там же, с. 235, 286 – 287].

«Страшный, невероятный, моральный развал царил в это время не только в администрации, но и среди интеллигенции... Сколько молодых, сильных людей слоняется по тылам. Сколько людей порядочных, культурных, погрязло в самой бесстыжей, наглой спекуляции. И видя это, снова глухо ворчит народ» [7, с. 286 – 287]

Хулиганство этого сброда доходило до того, что даже такой крайний монархист и черносотенец, как Наживин, признается: «При взгляде на эти сонмища негодяев, на этих разодетых барынь в бриллиантах, на этих выложенных тыловых молодчиков, я думал, я чувствовал только одно, я молился: Господи, пошли сюда большевиков хоть на неделю, чтобы хотя среди ужасов чрезвычайки эти животные поняли, наконец, что они делали, что они сделали с людьми. И я верю, что чаша гнева не минует их, – без этой веры невозможно жить» [6, с. 236].

Поведение Милюкова Наживин называет «растерянностью, политической

неопрятностью, шарлатанством, жалким карьеризмом». Бурцев произвел на него впечатление «человека тупого».

Насмотревшись на эти картины белогвардейщины и на ее вождей, Наживин начинает терять веру и надежду на победу контрреволюции. Мы видели, как он хотел восстановить патриархальное православие со всей его обрядностью, со всеми его нелепостями, с его обеднями и вечернями, в которых ничего нельзя понять. Но он видит и признает, что это воскресение православия «может совершиться только чудом». В нем «тяжело поднимались иногда ядовитые сомнения: а может быть, тщетны эти попытки оживить и удержать умирающее православие? Ведь стоят же на наших глазах опустевшие египетские или греческие храмы... И как за смертью тех богов не последовало решительно ничего страшного, так не будет ничего страшного и за смертью наших богов».

Наживину приходит в голову мысль, что, пожалуй, гибнет вся старая русская дворянско-буржуазная культура и не только русская, а и европейская. «А что если мы и в самом деле умираем, – пишет он, – сходим в Вечность, и через некоторое время развалины наших храмов будут посещаться туристами новых стран, которые еще не родились, и над Василием Блаженным или Московским Кремлем они будут мечтательно грустить о бренности всего земного?.. Может быть, умирает даже вся Европа. Ведь не даром же, в самом деле, все чаще и чаще слышатся там голоса о возможной гибели всей нашей цивилизации со всеми ее богами, упованиями, храмами, библиотеками, форумами и проч.»

Вот мысли, вот настроение, с которым Наживин бежал из России после

поражения Деникина. «Первый этап был кончен, мы были на пороге Европы, Европы новой, взбаламученной, незнакомой... Что-то ждет нас в ней»...? Этими словами Наживин оканчивает свою книгу [6, с. 287].

Как кулак-собственник Наживин глубоко ненавидел пролетарскую революцию и энергично боролся с ней. Но эта ненависть и борьба не прошли для него даром. Он заплатил за них жестокой, дорогой ценой. Он превратился в монархиста-черносотенца, поклонника городских и жандармов. Он ставит под знак вопроса всю русскую литературу, впадает в нелепейшую форму мистицизма, становится поклонником обрядности православия и в то же время теряет веру в возможность торжества этого православия, теряет веру в прочность всей буржуазной культуры. Судьба Наживина типична. Это – судьба многих русских интеллигентов, разорвавших с революционным народом и крепко привязавших свою утлую ладью к корме гибнущего буржуазного корабля.

Очень многие бывшие русские демократы произвели переоценку всего своего прежнего миросозерцания и мечтали теперь не о свободе, а о возвращении к временам самой темной реакции. Вот, например, о каких порядках мечтал Ольденбург на так называемом «национальном съезде», который состоялся весной 1921 г. в Париже: «Русское общество, – говорил он в своем докладе, – не должно рассчитывать на свободу, когда Россия восстановится. Еще, может быть, будет дана та доза свободы, которая была при Александре III, но речи не может быть о свободе, которой оно пользовалось в довоенное время».

Но и самодержавие Александра III не удовлетворяет русских белогвардейцев. Чем яснее обнаруживается их поражение, чем безнадежнее их положение, тем реакционнее становятся их мечтания. От Александра III они переходят к Павлу I.

История жизни и деятельности И. Ф. Наживина, его описание и осмысление революции и последующих событий демонстрируют какую-то патологическую неспособность нашей страны, нашего народа к демократии, самоуправлению, свободе и болезненную приверженность к авторитарным, диктаторским формам правления, к патернализму, вранью о себе и своем прошлом, а попытки сказать правду встречают бешеную ненависть и преследование тех, кто эту правду пытается нести людям...

Наживину хотелось «дать голос... настоящей, русской, кондовой и несколько не черносотенной, но просто отрезвевшей и практичной России». Он обращался за поддержкой к К. Крамаржу, имевшему репутацию русофила и панслависта, писал и другим видным деятелям. В том числе Наживин обращался за помощью к герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому, и на этот раз мечты превратились в жизнь: новое издательство получило название «Детинец». В первую очередь Наживин-издатель озаботился привлечением к работе известных писателей и формированием идеологической направленности. Так, например, он активно призывал И. А. Бунина к совместному сотрудничеству. Изначально издательство планировалось как монархическое: недавний толстовец, Наживин поддерживал хорошие отношения со сторонниками Белого движения, например с П. Н. Красновым. В начале 1920-х гг. он писал резко

антикоммунистические повести с автобиографической основой. В этот период Наживин подвергся нападкам со стороны левой части политической эмиграции в значительной степени из-за резких высказываний по еврейскому вопросу.

Вот несколько картин жизни революционной деревни по Наживину. «У нас, в Буланове, первую скрипку схватили наши учителя, Шипов и Скобенников, молоденькие мальчишки-недоучки, столь обычные, к несчастью, хозяйственные, степенные мужики молчаливо не одобряли и любили ставить в пример свое хозяйство: разве это мысленно, чтобы хозяйство шло без хозяина? Но громко, вслух, при всех говорить это остерегались... И все были в затруднении: вот скоро – говорят – будут голосовать куда-то там такое, так за кого же надо подавать голос, за царя или за студентов? Прибежавший с фронта дезертир – ими кишели в это время деревни – разъяснил, что теперь уж мужиков и господ больше не будет, а будут все потомственные почетные граждане. Бабы пугались предстоящего введения не то баранского, не то барбанского брака: какую хошь, ту и взял, сколько хошь, столько с ней и прожил, а надоела – по шапке. Тревожило их бабье сердце думка о детях. Вообще, нашу политическую терминологию, которою мы так усердно жонглировали в наших газетах и на митингах, среди крови и безумия, деревня переводила как-то по-своему, и никак нельзя было мне в разговоре с моими бородатыми республиканцами предвидеть, как изуродуют они тот или иной политический термин, без которого часто и разговора вести нельзя было. И потому от чтения газет, от речи заезжего “орателя” в головах республиканцев получался невероятный кавардак. Так, земством у нас

назывался какой-то искони проклятый аппарат для причинения мужику всяких неприятностей и учинения всяких поборов. На знамение прямое, равное, тайное... мы смотрели как на новый тяжкий вид натуральной повинности, от которой всякий порядочный гражданин должен всемерно отделяться. И потому, когда у нас назначены были первые выборы в это новое треклятое волостное земство, почти никто к "урнам" – ящикам из-под мыла – не явился; наши политические заправилы распустили тогда слух, что все не явившиеся на выборы будут оштрафованы, и назначили вторые выборы; несмотря на эту угрозу, явилось выбирать вместо трех

процентов, как на первый раз, всего пятнадцать процентов выборщиков, выбрали заведомых горлопанов и, выбрав, немедленно стали ругать и выбранных – вот навывбирали всякой сволочи на свою шею!» [6, с. 46]. В этом заигрывании с «гунном» был присущий интеллигенции страх перед крестьянином (это прекрасно отразилось в дневниках М. М. Пришвина – мелкого помещика и либерала, вынужденного жить среди ненавистных ему крестьян). Когда рухнул старый порядок, и тонкий «модернизированный» слой столкнулся лицом к лицу с народом, это вызвало настоящее потрясение – и многие возненавидели свой народ и свою страну [7].

Библиографические ссылки

1. Куденис К. Иван Наживин в Бельгии // Культурное наследие Российской эмиграции 1917 – 1940. Книга вторая. М. : Наследие, 1994. С. 265.
2. Куренышев А. А., Хомякова Т. В. Русский крестьянин на войне и о войне. Дневник крестьянина Алексинского уезда Тульской губернии П. Е. Ермакова о событиях Первой мировой войны и революции 1917 – 1918 гг. // Война и революция: социальные процессы и катастрофы : материалы Всерос. науч. конф., г. Москва, 19 – 20 мая 2016 г. [Электронное издание] / под ред. А. Б. Ананченко ; Моск. пед. гос. ун-т ; Ин-т истории и политики. М. : МПГУ, 2016. 349 с.
3. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 17.
4. Мещеряков Н. Л. Распад // Красная новь, 1922, № 1.
5. Наживин И. Ф. Распутин. Т. III. Лейпциг 1923.
6. Наживин И. Ф. Записки о революции 1917 – 1921. М. : Кучково Поле, 2016. С. 46.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 115 оп. Ед. хр. 52. Л. 12.
8. Шелухаев В. В. Энциклопедия Русской эмиграции. М. : РОСПЭН, 1997.

A. A. Kurenyshev

VLADIMIR WRITER I. F. NAZHIVIN ON THE REVOLUTION OF 1917 – 1922 IN RUSSIA

The article is about the creative activity of the writer I.F. Nazhivin, a native of Vladimir, who reflected the events of the Revolution of 1917 – 1922 in Russia in his works.

Keywords: Revolution, power, people, peasantry, Tolstoyism, literary creativity, Civil War.

**О ПРЕДСЕДАТЕЛЯХ КОЛХОЗОВ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ И СМИ
(1945 – 1948 ГГ.)**

В статье рассматривается обобщенный образ председателей колхозов Рязанской области в первые годы после окончания Великой Отечественной войны (с 1946 по 1948 гг.). Дается анализ изменений по полу, образованию, членству в партии, происшедших за рассматриваемый период. Также анализируются взаимоотношения председателей с колхозниками и с районным руководством. Автором были использованы документы Государственного архива Рязанской области, хранящиеся в фонде Рязанского обкома партии, и публикации в областной газете «Сталинское знамя» за исследуемый период.

Ключевые слова: председатель колхоза, советское крестьянство, исторический источник, периодическая печать, послевоенная деревня.

Восстановление страны после Великой Отечественной войны – это чрезвычайно трудный период для советского народа. По тому напряжению сил, которое потребовалось от людей для преодоления военной разрухи, этот период вполне сопоставим с войной. Основная тяжесть послевоенного времени легла на плечи сельских жителей, поскольку они обеспечивали страну продовольствием и фактически гарантировали физическое выживание народа. Ключевой фигурой на селе в то время были председатели колхозов, от которых во многом зависел как объем производства продовольствия, так и материальное благополучие односельчан. Тем не менее в настоящее время исследователи не так много внимания в своих работах уделяли анализу положения председателя колхоза. О правовом статусе председателей, оплате их труда и материальном положении пишут историки М. А. Безнин и Т. М. Димони [1], В. С. Жукова [11] и Л. В. Изюмова [12].

Пристальное внимание государства на корпус председателей колхозов было обращено в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Советский историк Ю. П. Денисов отмечает: «Особое значение задача укрепления кадров председателей колхозов специалистами приобрела с укрупнением колхозов в 1950 г.» [10, с. 38]. В самые первые и самые трудные годы после окончания Великой Отечественной войны не существовало государственной программы по их подготовке. Какими же были эти люди, взявшие на себя большую ответственность за восстановление сельского хозяйства после войны?

В данной статье попробуем по документам и материалам местных газет восстановить собирательный образ председателя колхоза Рязанской области с 1945 по 1948 г. В это время в Рязанской области было более трех тысяч колхозов и, соответственно, столько же председателей.

Во время коллективизации колхоз, как правило, создавался из жителей одного села, и такая ситуация сохранялась до начала укрупнения колхозов. Председателей сельчане избирали из своих рядов. Эту же тенденцию отмечает историк Л. В. Изюмова, основываясь на материалах российского Севера [12, с. 496]. При просмотре делопроизводственной документации колхозов Рязанской области это также легко заметить. Фамилия председателя нередко такая же, как у многих колхозников — известно, что жители одного села или деревни часто носили одинаковые фамилии. Например, в протоколе отчетно-перевыборного собрания колхоза «Нацмен» Кадомского района от 7 февраля 1947 г. работа председателя была признана «плохой». В итоге вместо М. А. Ширинской председателем был избран В. Д. Ширинский [9, с. 2 – 4]. В докладной записке одного из бригаиров от 24 июня 1947 г. среди отказавшихся от поездки в Сасово колхозников упоминается П. Д. Ширинский. В протоколе заседания правления от 16 августа 1947 г. зафиксировано решение о взыскании штрафа за жеребенка, съеденного волками, с колхозника С. Ширинского [8, с. 14, 25].

Поскольку председатели в исследуемый период выбирались из сельчан, то можно предположить, что уровень их образования был низок. Документы это предположение подтверждают. Согласно сведениям, сохранившимся в фонде обкома ВКП (б) ГАРО, в 1945 г. 93 % председателей имели только начальное образование. К 1948 г. число председателей с начальным образованием снизилось до 84,5 %, но их по-прежнему было подавляющее большинство. В целом по

стране этот процент был еще выше. Денисов, основываясь на общегосударственной статистике, утверждает, что на 1 января 1950 г. около 90 % председателей имели лишь начальное образование [10, с. 41].

В связи с катастрофической нехваткой мужчин в военные годы председательский пост занимало немало женщин. В 1945 г. в каждом шестом колхозе председателем была женщина. К 1948 г. их число снизилось втрое. Почти вдвое за эти три года среди председателей уменьшилось число инвалидов войны. Несомненно, уменьшение числа женщин и инвалидов войны на председательском посту связано с возвращением фронтовиков. Заметно возросло в исследуемый период и количество членов партии (с учетом кандидатов в члены ВКП (б)) — с 46 % до 64 %. Посчитано на основании [3, с. 53] для 1945 г. и [7, с. 1] для 1948 г.

Согласно примерному Уставу сельхозартели 1935 г. на председателя были возложены важные обязанности по руководству хозяйством. Кроме руководства текущими делами колхоза председатель был уполномочен заключать договоры с различными внешними организациями от имени колхоза, проверять качество выполненных работ как колхозными бригадами, так и МТС. Причем в случае нарушения договора между колхозом и МТС председатель должен составить акт и направить его на рассмотрение райисполкома. И, безусловно, самой главной обязанностью председателя было обеспечение исполнения обязательств перед государством [15, с. 82].

Очевидно, что эффективное руководство общественным хозяйством требовало от председателя серьезных лич-

ностных качеств и определенного уровня компетенции по широкому кругу вопросов. Также очевидно, что сельские жители, не имевшие образования и должного опыта руководящей работы, зачастую не были способны качественно выполнить возложенные на них обязанности даже при самом добросовестном к ним отношении. А в условиях общего упадка сельского хозяйства за годы войны и при жестких требованиях государства задача председателя и так непростая, значительно осложнялась. Возможно, именно с этим связано практически повсеместное пьянство председателей, даже женщин – об этом постоянно писали колхозники в своих письмах в органы власти.

Вне всякого сомнения, председатель в колхозе был первым человеком, поскольку от него во многом зависел доход сельчан от работы в общественном хозяйстве. Для колхозников понятие «хороший председатель» означало добросовестно относящийся к своим обязанностям, хороший хозяин, радеющий за интересы колхоза. Для районного же начальства это понятие имело совершенно другой смысл. Руководству района было важно, чтобы председатель обеспечивал выполнение всех спущенных сверху планов госпоставок и разнарядок на различные работы: лесозаготовки, строительство дорог, местных ГЭС и т. д.

Грубость по отношению к колхозникам, воровство, пьянство и бесхозяйственность однозначно осуждалось односельчанами. В каждой жалобе из села говорится об этом. Районное же руководство на все это закрывало глаза, если колхоз справлялся с заданиями государства. Методы председателя и

благосостояние колхозников райком совершенно не интересовали. Например, в 1945 г. за избиение колхозников и нарушение прав семей красноармейцев было вынесено лишь около 10 % из всех приговоров председателям, привлекавшимся к уголовной ответственности [4, с. 23]. Наказанием за подобные дела в основном служил штраф, а не лишение свободы.

Таким образом, положение председателя было двойственным. Он обладал практически безраздельной властью в своем колхозе и при этом очень сильно зависел от районных властей. Если председатель пытался отстаивать интересы своего колхоза и односельчан, то он непременно вступал в конфликт с районным руководством. Попытка подержать колхозников, выдать им на трудодни хотя бы немного зерна до выполнения плана госпоставок или оставить зерно и картофель на семена для весеннего сева жестко осуждалась на государственном уровне. Такие действия назывались «разбазариванием». В исследуемый период государство действовало по отношению к колхозному крестьянству в «лучших» традициях военного коммунизма. Считалось правильным не оставлять ничего на семена для будущего сева и не выдавать колхозникам плату за их тяжелый труд. Хотя очевидно, что подобные действия ни к чему хорошему в конечно итоге не могли привести.

В областной газете «Сталинское знамя» от 16 января 1946 г. говорится: «Главной причиной неудовлетворительного хода хлебозаготовок является распространенная среди председателей практика чрезмерного расходования зерна на так называемые внутривосполь-

ственные нужды». Далее рассказывается о «чрезмерном расходовании зерна» некоторыми председателями. В частности том, что председатель колхоза им. Ворошилова тов. Кузьмичев израсходовал «сверх положенных 15 процентов 21 тонну зерна». Райком партии решил снять Кузьмичева с работы и отдать под суд, но за него вступился даже прокурор: «Этого саботажника взял под свою защиту районный прокурор тов. Травин», – говорится далее в заметке [13].

Сообщения подобного рода публиковались в областной газете регулярно. Так, 9 октября 1946 г. в материале «Порочные методы руководства хлебопоставками» осуждаются действия правления колхоза: «Руководители колхоза им. Кирова скрыли 426 центнеров хлеба. Часть зерна с общих посевов они засыпали в семенной фонд, а 128 центнеров незаконно раздали на трудовни». В заметке осуждается и районное руководство: «Райком партии и райисполком не приняли никаких мер, чтобы этот хлеб был своевременно сдан государству» [14].

Несмотря на жесткую риторику газет, к судебной ответственности привлекалось не так много председателей. Согласно документам, сохранившимся в фонде обкома партии, в 1945 г. были переданы в суд документы на 276 председателей, что составляло менее 9 % от их общего числа. При этом в санкции на предание суду было отказано по 150 заявлениям. В итоге к судебной ответственности было привлечено 126 председателей, т. е. 4 % от общего числа. Почти половина дел была возбуждена в связи со срывом сева или уборки урожая, а главное – за срыв заготовок сельхозпродуктов. Почти половине осуж-

денных председателей было назначено наказание, не связанное с лишением свободы: 39 человек были приговорены к исправительно-трудовым работам, 18 – к другим видам наказания. К 10 годам заключения были приговорены 3 председателя. 44 человека получили по 5 лет лишения свободы, 22 – по 2 года [4, с. 22].

Многие работники райкомов, пользуясь зависимостью председателей от районного аппарата, беззастенчиво грабили колхозы. Сведения об этом содержатся во многих жалобах колхозников в органы верховной власти. Вот одна из типичных историй. Жители села Ермишь в феврале 1946 г. пишут о первом секретаре райкома Каухове и его подчиненных (здесь и далее орфография и пунктуация оригиналов сохранены. – В. Б.): «К нам обещал приехать товарищ Пронин, депутат. Райком партии воспользовался этим, набрал во всех колхозах продуктов» [5, с. 111].

Следует отметить, что райкомовские работники использовали колхозные продукты не только для представительских расходов, но и для личного обогащения: «Каух[ов] все колхозы разорил, на трудовень нигде не дали план заготовок не выполнили... Теща спекулирует крахмалом с завода нашего, и ковры покупают. Живут как помещики, а народ голодает нищенствует в колхозах» [Там же, с. 112]. Несмотря на то, что факты незаконных действий тов. Каухова подтвердились, его не только не привлекли к уголовной ответственности, но даже не объявили партийного взыскания. В докладной записке в обком коллеги Каухова по партии написали о своем неодобрении действий первого секретаря райкома: «Считаю несправедливым действия секретаря Ер-

мишинского райкома ВКП(б) тов. Каухова, вставшего на путь обогащения за счет наиболее легких путей» [5, с. 116].

Многие председатели также использовали свое служебное положение для личного обогащения. Сообщениями об этом буквально пестрят письма колхозников. Вот один из примеров – письмо Г. И. Моргачева из села Теплое Воскресенского района о председателе Стукалове: «На колхозные средства Стукалов приобрел своему сыну хорошее пальто, часы, гармонь и другие ценные вещи. Вальготно живет за спиной у честных хлеборобов пред. колхоза Стукалов. Артельное хозяйство он превратил в свою вотчину с 1947 года и по сей день» [6, с. 231].

Большинство колхозов Рязанской области в первые послевоенные годы едва сводили концы с концами, чрезвычайно мало выплачивали по трудодням своим работникам, многие председатели не могли эффективно выполнять возложенные на них обязанности. Тем не менее почти в каждом районе области были и крепкие хозяйства.

Безусловно, феномен возникновения передовых колхозов требует отдельного исследования. Однако, наряду с другими факторами, личность председателя имела большое значение для развития общественного хозяйства. Вот, например, письмо из Сараевского района, написанное в июне 1945 г. В письме сельчане просят вернуть председателя Муромского, переведенного на работу в райисполком. Муромский возглавлял колхоз, состоящий из 400 хозяйств, в течение 10 лет. Колхозники считают, что никто другой не сможет сохранять и развивать хорошо налаженное хозяйство. В колхозе строится гидроэлектростанция, имеется ферма крупного рога-

того скота на 150 голов, птицеводческая ферма, пасека на 130 ульев. Есть подсобные предприятия: мельница, маслобойка, просорушка (небольшая мельница, очищающая просо от шелухи). Даже «во время войны колхозники неплохо обеспечивались на трудодни» [2, с. 284].

Еще один пример крепкого хозяйства, созданного во время председательства П. Е. Бирюкова, описан в письме из села Старый Киструс Спасского района: «За короткое время было построено и пущено в действие: кирпичный завод, просорушка, маслобойка, мельница, баня, кузница, столярная мастерская, клуб, 4 конюшни, 5 овощехранилищ, три больших кирпичных склада, льносушилка, льнотеребилка, 5 колхозных риг, молочнотоварная ферма, свиноферма, овцеферма, птицеферма, гараж, приобретена автомашина, посажено 18 гектаров колхозного сада, завели пасеку и др. На трудодень выдавали до 8 кг зерновых» [5, с. 165].

Таким образом, в трудные годы восстановления страны после Великой Отечественной войны большое значение для подъема сельского хозяйства и обеспечения страны продовольствием приобретала фигура председателя колхоза. В 1945 – 1948 гг. подавляющее большинство председателей Рязанской области имели только начальное образование и не всегда могли эффективно руководить сложным многоотраслевым хозяйством. Нередко председателям была свойственна грубость по отношению к колхозникам, бесхозяйственность и стремление к личной наживе. Следует отметить и двойственное положение председателей: почти неограниченная власть в своем селе и сильная зависимость от районных властей, чем послед-

ние беззастенчиво пользовались. Тем не менее среди председателей встречались и успешные руководители, сумевшие даже в чрезвычайно сложных условиях создать на базе своих колхозов прибыльные хозяйства.

Библиографические ссылки

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930 – 1980-х годов, М., 2014. 607 с.
2. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 1022.
3. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 1072.
4. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 129.
5. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 392.
6. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 857.
7. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 994.
8. ГАРО. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 33.
9. ГАРО. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 34.
10. Денисов Ю. П. Кадры председателей колхозов в 1950 – 1968 гг. // История СССР. 1971. С. 38 – 57.
11. Жукова В. С. Формирование объемно-правового статуса председателей колхозов в 1930 – 1980-е гг. // Правовое положение социальных слоев российской деревни: советское и постсоветское общества. Вологда, 2011. С. 33 – 47.
12. Изюмова Л. В. Руководители колхозов в 1930 – 1960-е годы: социальный облик и место в колхозном социуме (по материалам Европейского Севера России) // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова. Вологда, 2010. С. 496 – 503.
13. Когда нет чувства ответственности // Сталинское знамя. 1946. 16 января.
14. Порочные методы руководства хлебопоставками // Сталинское знамя. 1946. 9 октября.
15. Справочник председателя колхоза. Л., 1945. 455 с.

V. V. Bozhichko, E. D. Tverdukova

CHAIRMEN OF COLLECTIVE FARMS IN RYAZAN REGION IN THE FIRST POSTWAR YEARS BASED ON ARCHIVAL MATERIALS AND MEDIA (1945 – 1948)

The article considers the generalized image of the collective farm chairmen of the Ryazan region in the first years after the end of the Great Patriotic war (1946 – 1948). The analysis of changes in gender, education, the Communist party membership that occurred during the period under review is given. Also, the relationship of the chairmen with the collective farmers and the district leadership is analyzed. The author used documents of the State Archive of the Ryazan Region, stored in the Fund of the Ryazan Regional Party Committee, and publications in the regional newspaper "Stalin's Flag" of the period under study.

Keywords: collective farm chairman, Soviet peasantry, historical source, periodical press, the post-war village.

«САПФИРОВЫЙ ЮБИЛЕЙ» ЕЛИЗАВЕТЫ II И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БРИТАНСКОЙ МОНАРХИИ

Статья посвящена королеве Елизавете II. Она отметила «сапфировый юбилей» – 65 лет со дня восшествия на престол. Елизавета является 40-м монархом и только шестой королевой с тех пор, как Вильгельм Завоеватель начал править более 1000 лет назад. Королева представляет собой преемственность и стабильность, она демонстрирует это с непревзойденной преданностью долгу. В статье дается анализ перспектив развития британской монархии.

Ключевые слова: Великобритания, Елизавета II, королева, принц Чарльз, принц Уильям, британская монархия, «сапфировый юбилей».

6 февраля 2017 года британская королева Елизавета II отметила «сапфировый юбилей» – 65 лет пребывания на троне. И это абсолютный «рекорд» – она стала первым британским монархом в истории, празднующим подобную дату.

Британцы в определенной степени считают монархию символом нации. Большинство из них к королеве Елизавете II относятся с уважением. Об её чувстве долга хорошо известно, вся жизнь государыни подчинена неукоснительному исполнению обязанностей. Популярность королевы во многом связана с её работоспособностью и общественной активностью.

Длительное правление Елизаветы II в какой-то степени объясняет смысл существования самого института британской монархии. За 66 лет в мире произошло множество знаковых событий, но в Великобритании во главе страны находится один человек, который символизирует собой постоянство и стабильность. Елизаветы II и сама уже превратилась в некий символ стабильности.

В настоящее время роль британской монархии и монарха понимаются так: «Монархия является старейшей формой правления в Соединенном Королевстве. В монархии король или королева является главой государства. Британская монархия известна как конституционная монархия. ...Хотя суверен больше не имеет политической или исполнительной власти, он или она по-прежнему играют важную роль в жизни нации. Как глава государства монарх обязуется выполнять конституционные и представительские обязанности, которые разрабатывались на протяжении более чем тысячелетней истории. В дополнение к государственным обязанностям монарх играет менее формальную роль в качестве «главы нации». Суверен является фокусом национального самоопределения, единства и гордости; дает ощущение стабильности и преемственности; официально представляет собой успех и совершенство и поддерживает идеал добровольного служения. Во всех этих ипостасях монарха под-

держивают его ближайшие родственники» [17].

За прошедшее столетие в институте монархии Великобритании происходили перемены. И основная часть этих перемен пришлась на период правления Елизаветы II. Монархия меняется и под давлением обстоятельств, и в результате решений самой королевы.

Однако вполне определённо можно сказать, что «сапфировый юбилей» Елизаветы II стал своеобразным рубежом. Начался новый этап в долгом правлении королевы и новый этап в развитии британской монархии. Вполне очевидно, что королева прекрасно осознаёт свой более чем почтенный возраст – ей 92 года. Не стоит забывать, что и наследник престола – её сын Чарльз, принц Уэльский, тоже находится в уважаемом возрасте – 14 ноября 2018 года ему исполнилось 70 лет, он является самым пожилым принцем Уэльским и дольше всех в истории британской монархии находится в статусе наследника.

Общеизвестно, что в Великобритании всегда были и есть противники монархии, которые видят в самом факте существования этого института анахронизм. Разговоры об упразднении монархии время от времени поднимаются. Часть британцев, например, не устраивает закрытость Виндзорской династии от народа, особенно когда в XX веке активно развивались средства коммуникации и всё большее значение получали СМИ. Королевская семья действительно была далека от подданных и поступала так в силу сложившихся традиций. Дру-

гие противники недовольны большими финансовыми расходами, которые связаны с содержанием монархии: сюда следует отнести содержание королевских дворцов и резиденций, членов королевской семьи, расходы, связанные с безопасностью, транспортные расходы, расходы на оплату персонала, коммунальных услуг и т. д. [8]. Иные противники, открыто называя членов королевской династии Виндзоров иждивенцами, не признают их очевидных заслуг на общественном поприще и в области благотворительности.

Необходимо отметить, что после трудных для королевской семьи 90-х годов XX века, когда в Великобритании пошатнулся авторитет Елизаветы II и значительно снизилась популярность Виндзорской династии из-за череды скандалов с участием членов семьи и разводов трех из четырех детей королевы, институт британской монархии начал постепенно модернизироваться и были проведены реформы. Часть реформ была связана с теми вопросами, которые всегда вызывали критику со стороны противников монархии, с финансовым содержанием королевской семьи. Королева Елизавета была освобождена от уплаты налогов, но в силу обстоятельств начала добровольно платить подоходный налог и налог на прибыль в 1992 году, чтобы показать, что она, как и ее подданные, законопослушна [10]. Позже финансовые реформы продолжились. Как известно, в 1760 году при короле Георге III появился гражданский лист, а в 2012 году был введен так называемый «суверен-

ный грант». Он представляет собой единый консолидированный годовой грант вместо предыдущих разрозненных цивильных листов. Сумму гранта пересматривают раз в 5 лет королевские попечители – в их числе премьер-министр Великобритании и канцлер казначейства [6]. В настоящее время вся выручка «Собственности Короны» перечисляется в казну, а 15 % причитаются королеве. Елизавета II также согласилась взять на себя часть расходов по реставрации исторических зданий своих резиденций [9, с. 506 – 507].

Монархия продолжает меняться, приспособляясь к современному ритму. Одним из таких решений стало желание пересмотреть положения Акта о престолонаследии 1701 года и ввести равные права на престолонаследие, а также отменить условие, что правителем страны не может быть католик или человек, который состоит в браке с католиком. Но в этом случае предусмотрена долгая процедура. Для начала реализации этих изменений понадобилось одобрение 16 государств – членов Содружества, в которых королева Елизавета II является главой. В 2011 году эти предложения начали обсуждать, а в октябре 2011 года на саммите глав Содружества они были одобрены. Данные изменения касаются правил наследования британского трона: предложено ввести абсолютную примогенитуру, когда наследником считается первый ребёнок, рожденный у монаршей четы, вне зависимости от пола, и предложено аннулировать принцип, по которому члены королевской семьи не могут вступать в брак

с лицом, исповедующим католицизм [Там же, с. 517 – 518]. В апреле 2013 года в Великобритании Акт о престолонаследии был принят, но он вступит в силу, когда государства Содружества примут те же изменения и они будут внесены в их законодательство.

Последнее десятилетие показало, что королева Елизавета весьма осторожно и последовательно проводит модернизацию института монархии. Монархия изменяется под влиянием внешних обстоятельств, в контексте исторических процессов и конкретных событий.

Сила и значение монархии – в преемственности власти и в продолжении династии. Однако за последние несколько лет появились спекуляции на предмет отречения королевы от престола в силу возраста. В пример приводят традицию Нидерландов, где монарх отрекается в пользу наследника при жизни. Так, там произошла смена монарха 30 апреля 2013 года, когда королева Беатрикс отреклась от престола в пользу сына Виллема-Александра, принца Оранского, и он в возрасте 46 лет вступил на престол.

Принцу Чарльзу исполнилось 70 лет, а он по-прежнему находится в статусе наследника престола. Он имеет хорошие знания, огромный опыт, понимает бремя ответственности. Чарльз много делает по линии благотворительности. Например, его «Фонд принца», учрежденный в 1976 году, помогает молодым безработным людям до 30 лет изменить жизнь. Согласно статистическим данным, фонд под покровительством принца Уэльского с 1976 года

оказал помощь свыше 870 000 обездоленным молодым людям по всей Великобритании в получении образования, профессиональной подготовки или поиске работы [14]. Тем не менее фигура принца Чарльза уже сейчас вызывает споры в качестве будущего монарха. Над ним всегда довлеет авторитет королевы. Существуют определенные опасения в политической элите, что Чарльз может не справиться с ответственностью и с ролью монарха. Он и сам даёт поводы для подобных сомнений. В отличие от своей мамы королевы Елизаветы II, которая никогда не дает интервью, Чарльз более прогрессивен, открыт для общения, у него есть собственные мнения по множеству проблем. Он сторонник пересмотра положений Акта о престолонаследии 1701 года. Чарльз как будущий глава Церкви Англии тем не менее является сторонником решения межрелигиозных противоречий, стремится к достижению терпимости между религиями (он уделяет много внимания установлению контактов с представителями различных конфессий, которые проживают в Великобритании, глубоко вникая в проблемы). Чарльз считает, что нужно шире смотреть на современную Великобританию в силу мультикультурализма, и у него есть желание внести правку в коронационную клятву, чтобы монарх выступал защитником всех вероисповеданий, а не «защитником веры» [1, с. 254]. В таком случае, как опасаются противники принца Чарльза, может снизиться влияние англиканства и его ценности будут приуменьшены [19].

Известны попытки Чарльза влиять на политику и британских политиков. В качестве доказательства можно привести опубликованные в 2015 году письма принца, адресованные премьер-министру Тони Блэру и некоторым государственным чиновникам. В 2004 и 2005 годах принц Чарльз написал 27 писем, в которых делился своими соображениями с премьер-министром Блэром, членами парламента и министрами по ряду вопросов (он предлагал премьер-министру поддержать программу «Покупай британское» или, например, предлагал кандидатуру на один из постов в сельскохозяйственной отрасли Соединенного Королевства, писал Блэру о плохом оснащении британских войск в Ираке и неэффективности одного из летательных аппаратов в условиях ближневосточной жары и т. д.). Чарльз, безусловно, продемонстрировал свой широкий кругозор, но нарушил сложившиеся правила поведения и политическую нейтральность.

Поскольку должность главы Содружества, которую пожизненно занимает королева Елизавета II, не является наследственной, а выборной, т. е. вероятность, что принца Чарльза могут не избрать, когда придет срок. С другой стороны, есть предубеждения и относительно того, что при будущем преемнике Елизаветы II – Чарльзе – Содружество будет видоизменено и ряд стран вообще выйдут из его состава, если принц все же станет во главе этой организации. Сама роль королевы в объединении Содружества в целом вызывает одобрение со стороны ее подданных.

Но также высказываются опасения, что авторитета Чарльза может не хватить для сохранения Содружества в нынешнем виде и составе [11]. Королева стояла у истоков формирования организации, много приложила усилий для ее расширения и развития. Поэтому она по праву гордится этой частью своих обязанностей. Выступая с речью на Мальте 27 ноября 2015 года перед началом заседаний 24-го саммита Содружества, она впервые открыто сказала: «Дамы и господа, я чувствую себя чрезвычайно гордой от того, чего достигло Содружество, и что все это произошло в моей жизни». И уже тогда, понимая все трудности и проблемы в функционировании этой организации и думая о перспективах ее развития и, безусловно, зная о мнениях, которые существуют в отношении принца Чарльза, и желая подчеркнуть преемственность, Елизавета II в завершении этой речи произнесла, что не может желать лучшего человека, поддерживающего и представляющего организацию, чем принц Уэльский, который дает так много Содруеству [16]. Затем спустя 3 года, на саммите глав государств Содружества в Лондоне 19 апреля 2018 года в речи в день открытия саммита королева уже достаточно откровенно сказала: «По-прежнему большое удовольствие и честь служить вам в качестве главы Содружества и наблюдать с гордостью и удовлетворением, что это процветающее сообщество. Я искренне желаю, чтобы Содружество продолжало представлять стабильность и преемственность для будущих поколений, и примет решение

о том, что однажды принц Уэльский должен продолжить важную работу, начатую моим отцом в 1949 году» [3], т. е. уже при своей жизни королева Елизавета II добивается определенности относительно вопроса преемника на должность главы Содружества, используя свой непререкаемый моральный авторитет, пытается лоббировать кандидатуру своего сына.

По всей видимости, когда придет его срок, принц Чарльз продолжит модернизацию института монархии, поскольку уже известно, что для уменьшения финансовых расходов на содержание монархии он планирует сократить количество членов королевской династии Виндзоров, которые получают финансирование по суверенному гранту и выполняют представительские функции [1, с. 254]. Он предполагает сузить круг до членов своей семьи – сыновей и внуков.

В последние годы в ряде СМИ Британии периодически появляются материалы и ведутся дискуссии на тему, что Елизавета II в силу своего возраста должна «передать престол» принцу Чарльзу или сразу внуку, принцу Уильяму, герцогу Кембриджскому, минуя Чарльза. Высказываются даже такие предположения, что сам принц Чарльз должен отказаться от своих прав на престол в пользу сына, поскольку Уильям и его семья более популярны в Британии и странах Содружества, чем он.

Несмотря на рассуждения о возможном досрочном отречении королевы в пользу сына Чарльза, этого не произойдет. Елизавета II помазана на цар-

ство (2 июня 2018 года в Великобритании отметили 65 лет со дня ее коронации) и не сложит с себя полномочия, осознавая сам факт этого таинства и сохранения традиции. Ей, безусловно, будет следовать сын принц Чарльз, а ему, в свою очередь, принц Уильям, поскольку именно в этом и заключается смысл монархии – в преемственности власти и передаче престола согласно законной линии наследования.

20 декабря 2016 года пресс-служба Букингемского дворца объявила, что 90-летняя королева Елизавета покинет посты руководителей 25 национальных организаций из более чем 620, патронессой которых является [15]. Эта информация была расценена как подтверждение того, что британскому монарху необходимо уменьшить нагрузку. В силу солидного возраста это очевидно. А спустя полгода был обнародован пресс-релиз с сообщением, что супруг королевы принц Филипп, герцог Эдинбургский, которому на тот момент было 95 лет, больше не будет выполнять общественные обязательства с осени 2017 года. Он являлся покровителем, президентом или членом 780 организаций. Отмечалось, что принц Филипп будет продолжать ассоциироваться с ними, но не станет больше принимать активного участия в их работе. Во избежание спекуляций о возможном досрочном отречении королевы Елизаветы II в этом же пресс-релизе указывалось, что она продолжит осуществление полной программы своих официальных обязательств при поддержке членов королевской семьи [4]. Перераспределение

организаций-патронатов королевы и принца Филиппа произошло в пользу младших представителей Виндзорской династии. Первыми из них являются внуки королевы Елизаветы и принца Филиппа, сыновья наследника престола принца Чарльза, принцы Уильям и Гарри, а также супруга принца Уильяма Кэтрин, герцогиня Кембриджская.

Еще одним несомненным подтверждением того, что начался новый этап в правлении королевы Елизаветы, можно считать те перемены, которые произошли в 2017 году в образе жизни семьи принца Уильяма. 20 января 2017 года пресс-служба Кенсингтонского дворца обнародовала пресс-релиз с сообщением, что к лету 2017 года принц Уильям, герцог Кембриджский оставит работу пилота вертолета экстренной медицинской службы в Восточной Англии и сосредоточится на участии в официальных мероприятиях, представляя свою бабушку королеву Елизавету II. Это произошло в июле 2017 года. В пресс-релизе сообщалось, что принц Уильям «готов продолжить наращивать свое участие в официальных мероприятиях от лица королевы, что потребует от него более длительного присутствия в Лондоне». Семья принца Уильяма прежде постоянно проживала в поместье Анмер-холл в графстве Норфолк, живя там уединённо с 2013 года, и покидала его для участия в публичных мероприятиях. Начиная с осени 2017 года, герцог и герцогиня живут теперь в своей резиденции в Кенсингтонском дворце в Лондоне, а их дети принц Джордж и принцесса Шарлотта пошли в школу и

детский сад в Лондоне: Джордж в сентябре 2017 года, а Шарлотта – в январе 2018 года [5].

Популярности британской монархии в 2018 году добавили счастливые события в жизни королевской семьи Великобритании: рождение 23 апреля 2018 года принца Луи, третьего ребенка в семье принца Уильяма и Кэтрин и, соответственно, шестого правнука королевы [12]; свадьба внука королевы Елизаветы II принца Гарри и американской актрисы Меган Маркл 19 мая 2018 года [18] и объявление 15 октября 2018 года о том, что пара ожидает рождения ребенка весной 2019 года [13]; свадьба внучки Елизаветы II Юджинии, принцессы Йоркской, которая состоялась 12 октября 2018 года [7].

Пока очевидно одно. Королева Елизавета II, будучи конституционным монархом, не «правит» страной, но выполняет важные церемониальные и формальные обязанности: глава государства, глава вооруженных сил, глава Церкви Англии. Хотя королева не обладает всей полнотой власти, она по-прежнему играет важную консолидирующую роль в жизни нации и Содружества. Более чем 66 лет правления Елизаветы II показали, что она хорошо выполняет долг, обладает величественностью, соблюдает политическую нейтральность и монархия под ее руководством способна адаптироваться к меняющейся обстановке, сохраняя при этом свой престиж. Монархия не столько

влияет на политическую жизнь, сколько выполняет функцию исторической преемственности и стабильности институтов общества.

Елизавета II – символ национального единства, олицетворение истории и традиций страны и семейных ценностей. 20 ноября 2017 года королева и её 96-летний супруг принц Филипп, герцог Эдинбургский отметили 70-летие брака. Можно предположить, что цель королевы и её ближайшего окружения состоит в том, чтобы монархия воспринималась одновременно и как традиционный институт, и как прогрессивный. Как отмечала Г. С. Остапенко в своем исследовании, «обязанности королевы и сохранение престижа монархии стали приоритетными в ее жизни» [1, с. 212]. И королева осознает, что постепенная модернизация для монархии необходима – и ее прямые наследники принц Чарльз и принц Уильям также понимают это – для сохранения и упрочения монархии и ее дальнейшей жизнеспособности. А Елизавета II несет своё бремя с подлинно королевским достоинством и величием. Как в самом начале своего долгого правления сказала сама королева: «И мой отец, и мой дед до него посвятили свои жизни делу сплочения Британии и верой и правдой служили идеалам Содружества, которые всегда носили в сердце. И я обещаю свято соблюдать их традиции и следовать их вере» [Там же, с. 37].

Библиографические ссылки

1. Остапенко Г. С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М. : Наука, 2006. С. 212, 254.
2. Сьюард И. Королева говорит / пер. с англ. А. Галль. М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2017. С. 37.
3. A Speech given by Her Majesty The Queen, Head of the Commonwealth, at the Formal Opening of CHOGM. 19 April 2018 // The official website of the British Monarchy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/speech-given-her-majesty-queen-head-commonwealth-formal-opening-chogm>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 02.02.2018).
4. An announcement regarding The Duke of Edinburgh 4 May 2017 // The official website of the British Monarchy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/announcement-regarding-duke-edinburgh>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 11.03.2018).
5. An update from Kensington Palace about the plans for The Duke and Duchess of Cambridge in 2017. 20 January 2017 // The official website of the British Monarchy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/update-kensington-palace-about-plans-duke-and-duchess-cambridge-2017>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 07.03.2018).
6. Civil List and Grant-in-Aid // The official website of the British Monarchy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/royal-finances-0>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 04.03.2018).
7. Princess Eugenie and Mr Jack Brooksbanks's Wedding Day in Windsor 12 October 2018 // The official website of the British Monarchy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/princess-eugenie-and-mr-jack-brooksbanks-wedding-day-windsor>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 21.01.2018).
8. Royal Finances // The official website of the British Monarchy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/royal-finances-0>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 06.04.2018).
9. Smith S.B. Elizabeth the Queen: The Woman Behind The Throne. L. : Penguin Books, 2012. P. 506-507, 517-518.
10. Taxation // The official website of the British Monarchy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/royal-finances-0>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 29.03.2018).
11. The Daily Telegraph. March 8. 2010.
12. The Duke and Duchess of Cambridge's Third Baby 23 April 2018 // The official website of the British Monarchy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/baby>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 10.04.2018).

13. The Duke and Duchess of Sussex are expecting a baby. Published 15 October 2018 // The official website of the British Monarchy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/duke-and-duchess-sussex-are-expecting-baby>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 03.08.2018).
14. The Prince of Wales's Charities // The Prince of Wales and Duchess of Cornwall's website [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.princeofwales.gov.uk/prince-wales-charities>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 21.07.2018).
15. The Queen's Patronages. 20 December 2016 // The official website of the British Monarchy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/queens-patronages>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 16.05.2018).
16. The Queen's Speech at the Commonwealth Heads of Government Meeting in Malta, 27 November 2015 // The official website of the British Monarchy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.royal.gov.uk/LatestNewsandDiary/Speechesandarticles/2015/TheQueensspeechattheCommonwealthHeadsOfGovernmentM.aspx>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 14.06.2018).
17. The role of the Monarchy // The official website of the British Monarchy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/role-monarchy>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 17.02.2018).
18. The Royal wedding 2018 // The official website of the British Monarchy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.royal.uk/royal-wedding-2018>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 31.01.2018).
19. The Sunday Times. Nov. 16. 2008.

E. N. Tishakova

**«SAPPHIRE JUBILEE» OF ELIZABETH II AND PROSPECTS
FOR THE DEVELOPMENT OF THE BRITISH MONARCHY**

The article is dedicated to Queen Elizabeth II. She has celebrated her Sapphire Jubilee – 65 years since she ascended the throne. Elizabeth is the nation's 40th monarch and only the sixth queen since William the Conqueror took the crown over 1,000 years ago. The Queen represents continuity and stability, and she has been doing this with an unmatched devotion to the duty. The article analyses the prospects for the development of British monarchy.

Keywords: Great Britain, Elizabeth II, Queen, Prince Charles, Prince William, British monarchy, «Sapphire Jubilee».

УДК 8.81

Е. Н. Варюшенкова, И. А. Хохлова

О КОННОТАЦИИ В АКТАХ СОГЛАСИЯ (на материале драматургии А. Н. Островского)

Статья посвящена анализу коннотаций в репликах-согласиях как важных характеристик речевого общения, видам коннотаций, их экспликации в диалогической речи в целях создания характеристики персонажей.

Ключевые слова: согласие, ответная реплика, коннотация, диалог, восприятие.

В настоящее время значительное внимание лингвистов привлекает разговорная речь. Связующим звеном между устной и письменной речью служит, например, театральная речь, поскольку в ней обнаруживается более богатая, по сравнению с прозой, языковая ситуация конкретной эпохи, конкретного произведения. Поэтому интересным становится анализ жанра драматургии, где «разговорность» – средство создания художественного образа. Когда мы читаем литературное произведение, мы невольно становимся его соавторами, так как читатель видит то, что хотел сказать автор, и то, что видит сам. В воплощении пьесы на сцене это наиболее заметно. Зритель слышит автора, режиссера, актера и анализирует происходящее через призму своего мировосприятия. Этот процесс (автор изображает, зритель/читатель внимает) обеспечивается репликами, в том числе репликами-согласиями. В этой связи становится интересным, как построены и как воспринимаются эти реплики, поэтому резонно связывать восприятие с

коннотациями, которые можно наблюдать в диалоге.

Диалог – это своего рода фокус, в котором преломляются все пласты и процессы, благодаря которым нами воспринимается литературный герой: его социальная природа, его свойства и душевные состояния, управляющие его поведением, ценности и цели, психологический компонент [3, с. 16]. Наиболее перспективным и интересным направлением исследования художественного диалога представляется изучение его коммуникативных особенностей. Спектр возможных реакций говорящего предельно широк: от бранного, грубого и пренебрежительного выражения до уважительного, одобрительного, уменьшительно-ласкательного и т. д.

Понятие коннотации очень широко. Оно определяет грамматические и семантические свойства структуры. Однако в нашу задачу не входит анализ собственно-грамматической стороны проблемы, несмотря на то что непременно приходится касаться грамматики, когда анализируется смысл. *Коннота-*

ция в языкознании представляет собой добавочное, сопутствующее значение некоторой языковой единицы или же категории [1, с. 28]. Она отражает такой признак обозначаемого единицей объекта, который, хотя и не составляет необходимого условия для применения данного слова, но устойчиво связан с обозначаемым объектом в сознании носителей языка. Коннотации являются разновидностью связанной со словом, так называемой прагматической информации, поскольку отражают не сами предметы и явления действительного мира, а отношение к ним, определенный взгляд на них [4, с. 119].

Коннотативные признаки характеризуют ситуацию общения, участников акта общения и их отношение к предмету речи, включают в себя эмоциональный, оценочный, интенсивно-экспрессивный и стилистический компоненты. При этом коннотация не добавляется количественно к свойствам лингвистического явления ни во времени, ни в пространстве так, чтобы ее можно было отследить. Не всегда коннотативный смысл перерастает в смысл основной, поэтому его нужно вычленивать, увидеть его необходимость.

В настоящее время противопоставляют коннотации *пейоративную* (отрицательная оценка человека или явления) и *мелиоративную* (положительная оценка, одобрение). Однако все коннотации не исчерпываются пейоративностью и мелиоративностью – между ними есть пространство, и в наши задачи входит его максимально описать. Очень важно, что отсутствие пейоративности – уже мелиоративность, но отсутствие мелиоративности – не всегда пейоративность.

Мелиорация характеризуется стремлением к контакту, желанием создать комфортные условия для общения, соблюсти взаимную корректность, избежать конфликтов. Н. В. Коробова в широком смысле определяет категорию мелиоративности как «совокупность языковых средств и речевых действий, направленных на положительную оценку предмета речи, комфортное, бесконфликтное и эффективное взаимодействие и протекание, удовлетворительный результат и положительную метаязыковую оценку речевого взаимодействия» [Там же, с. 166]. Явление мелиоративности мы можем наблюдать в таких согласиях А. Н. Островского:

1. *Фоминишна: То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.*

Липочка: Ах, маменька, как это кстати! («Свои люди – сочтемся»)

2. *Липочка (сквозь слезы). Тогда я перестану, как замуж выду. (Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна: Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня! ... («Свои люди – сочтемся»)

Положительная оценка в репликах-согласиях обнаруживается с помощью различных языковых средств: в первом примере это междометие «ах» (морфологический и синтаксический способ), «маменька» – употребление ласкательного суффикса «-еньк-» (морфологическое и лексическое средство). Следует сказать, что слово «маменька» обязательно имеет ласкательное значение, поскольку в середине XIX века в купеческой среде слово было просто этикетным. Во втором примере положительная оценка подкрепляется повторением слов «выдешь, выдешь», создающим

напевность фразы, и нежным обращением «голубчик ты мой». Таким образом построенное сочетание (существительное + местоимение + местоимение), живущее в сознании в готовом виде, приближающееся к фразеологической единице, может быть отнесено только к единицам с положительной коннотацией. Оба средства можно отнести к синтаксическим.

Пейоративность, в свою очередь, включает в себе неодобрение, порицание, иронию или презрение [2, с. 46]. Невзирая на то, что благодаря пейоративам выражаются негативные эмоции, стоит отметить, что этот вид коннотации необходимо отличать от ругательств, ввиду того, что ненормативная лексика, равно как и бранные выражения, в пейоративах обычно не содержатся [4, с. 159]. Пейоративная оценка охватывает номинации, которые являются общепризнанными, основывающимися на социальных нормах общества. Даже в актах согласия часто можно встретить негативную коннотацию, поскольку герой, соглашаясь, может испытывать эмоции отрицательного характера, которые отражаются в репликах, где наблюдаются вспышки гнева и выражение досады. Например:

1. *Аграфена Кондратьевна: Бегу, батюшко, бегу.*

Большов: Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю, уж не вам меня учить. («Свои люди – сочтемся»)

2. *Устинья Наумовна: А что, ведь и правда, бралянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказывала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.*

Подхалюзин: То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то. А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча де-

нег-то, нешто вы считали? («Свои люди – сочтемся»)

Герои выражают формальное согласие со своим оппонентом, при этом злорадуясь и не скрывая своих негативных эмоций. Угрожающие словосочетания «то-то же», «то-то вот». Обратим внимание, что эти словосочетания никогда не связаны с выражением положительных эмоций в русском языке – это междометные нечленимые предложения. К этому добавляются сочетания «не вам меня учить» и «прытки вы очень + инфинитив». Их можно отнести к идиомам с возможными вариантами. Однако семантически обе идиомы также носят характер выражения с негативной оценкой.

Существует масса средств, которые помогают обнаружить коннотации в репликах-согласиях: различные лексические, синтаксические средства.

Так, в репликах-согласиях с известным общим словом «да» мелиоративность и пейоративность обнаруживают себя самым непосредственным образом:

1. *Кнуров: А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.*

Вожеватов: Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч! («Бесприданница»)

2. *Паратов: ... Надо было поправить свое состояние. Да бог с ним, с состоянием! Я проиграл больше, чем состояние, я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил страдать.*

Лариса: Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь. («Бесприданница»)

В обоих примерах согласие эксплицировано словом «да». В обоих это слово

выполняет функцию нечленимого предложения. На первый взгляд, невозможно решать вопрос, к какому полюсу нужно отнести предложение-реплику. Тем не менее в первом предложении обнаруживаем слова «не скучно», «приятная», а во втором – устойчивое сочетание «отравили ... жизнь». Казалось бы, отнесение реплики-согласия здесь к пейоративной или мелиоративной границе можно оправдать только за счет смыслового плана, обеспеченного на лексическом уровне. Однако вполне очевидно, что само слово «да» в этих репликах читается с совершенно определенной, особенной интонацией. В обоих случаях «да» произносится несколько протяжно, только в первом – со спокойным оттенком умиротворенности, а во втором – иронично, саркастично. Интонация здесь – суперсегментное синтаксическое средство.

Между полюсами, как можно заметить, располагаются следующие реплики со словом «да»:

1. *Лебебкина: Чему тут удивляться, мой друг!*

Николай: Да, вы правы. (Подает ей бумагу.) («Поздняя любовь»)

2. *Большев: Который? Лазарь, что ли?*

Рисположенский: Да, Лазарь Елизарыч. («Свои люди – сочтемся»)

Сравнивая эти реплики с двумя предыдущими, замечаем, что в них не содержатся только нотации, которые относят высказывания к пейоративно или мелиоративно окрашенным. Вполне вероятно, что это обеспечивается отдельными смысловыми чертами фразы и конструктивными свойствами каждого конкретного диалога. Однако заметим, что интонация в предложении «да» не похожа на интонацию предыдущих контекстов. Она отрывиста и, таким образом, «безучастна к эмоциям».

Из сказанного можно сделать выводы: реплики-согласия (в анализе всего только одной конструкции со словом «да») могут обнаруживать полярные коннотации, а могут находиться между полюсами пейоративной и мелиоративной оценки. К этому следует добавить, что в обнаружении коннотации в реплике согласия значительную роль играют не только лексические средства, но и надсегментное синтаксическое средство – интонация.

Библиографические ссылки

1. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995
2. Горбачева Е. Ю., Безрукова О. Э. Пейоративная коннотация интернет-дискурса в современной разговорной речи // Молодой ученый. 2016. № 11.
3. Коробова Н. В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи: на материале британского ареала : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 16 с.
4. Перервина Н. В. Структурные особенности речевых актов согласия (на материале романа У. С. Моэма «Театр») // Молодой ученый. 2016. № 6.

**CONNOTATION IN THE ACTS OF CONSENT
(Case-Study: Drama by A. N. Ostrovsky)**

The article is devoted to the analysis of connotations in replicas of consent as important characteristics of speech communication, types of connotations, their explication in the dialogical speech in order to establish characteristics of the characters.

Keywords: consent, response, connotation, dialogue, perception.

УДК 811.111'42:82-1

О. А. Климова, С. В. Гончарова

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ЦВЕТОВЫЕ
КОНЦЕПТЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МЭРИ ОЛИВЕР**

В статье проанализирован лингвокультурологический аспект и цветовые концепты в произведениях Мэри Оливер на материале оригинальных поэтических произведений автора.

Ключевые слова: концепт, цветовой концепт, картина мира, концептосфера.

Среди многосложных и многомерных концептуальных структур поэтических текстов особое место занимают концепты цвета, так как зрительное восприятие человека чрезвычайно важно. Язык имеет сотни наименований для обозначения цветовой палитры. Характеризующая функция цветообозначения проявляется как вторичная образная номинация, происходит изменение исходной референциальной соотнесенности, свойства первоначального референта переносят на другой референт. Как показывают исследования вторичной семантической плоскости цветовых микрополей, в английском языке насчитывается 32 цветовых поля [6, с. 196].

Цель статьи – выявить и рассмотреть цветовые концепты в произведе-

ниях Мэри Оливер на материале оригинальных поэтических произведений автора.

Актуальность темы обусловлена неразработанностью лингвокультурологического аспекта изучения произведений, а также неизученностью концептов произведений.

В современных исследованиях в области когнитивной лингвистики очень важно определить понятие «концепт» и «концептосфера».

Категория концепта фигурирует в исследованиях философов, психологов и несет в себе информацию внелингвистических интерпретаций. Основопологающий вклад в изучение концептов через соотношение с материалом языка внесли Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубря-

кова, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, Э. М. Медникова, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина. В одних случаях концепт ничем не отличается от традиционного значения слова. Это может быть истолковано как логическая категория, которая выражается целым набором языковых средств. В то же время концепт может пониматься как чистая идея, напрямую с языковыми средствами не связанная [3, с. 132].

В. А. Маслова, например, дает такое определение понятия «концепт» – это «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [5, с. 28].

Термин «концептосфера» в отечественной науке был введен академиком Д. С. Лихачевым – это совокупность нации, образованная всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [4, с. 5].

Концепты обладают национальной спецификой, следует понимать, что это совокупность категоризованных, обработанных концептов в сознании народа. В этой связи особый интерес приобретает исследование концептосфер творчества А. Ахматовой, А. Блока, Н. Гумилева, М. Цветаевой и др.

Особый интерес не только для лингвокультурологии, а также для теории и практики перевода представляют цветочные концепты, так как цвет является важной зрительной характеристикой.

Учеными-когнитивистами концепты цвета признаются как образующие одну из концептосфер, границы которой четко

определены. Основными считаются: *white, black, red, green, blue, yellow* [2, с. 55]. Объем семантических структур совпадает в английском и русском языках, если они берутся как отдельные языковые единицы. Если включить в рассмотрение значения, проявляемые концептами цветообозначений в составе фразеологических единиц, то объем этих значений существенно отличается, что выявляется при их сопоставительном анализе. Это можно объяснить тем, что метафорическое осмысление цвета тем или иным народом отражает образную языковую картину мира в призме его мировоззрения. У каждого народа есть свои национально-специфические символы, которые отражают особенности идиоматического восприятия, когда ситуация выступает в качестве эталона или стереотипа.

Таким образом, концепт цвета – это сложная ментальная единица, которая существует в сознании человека, закрепляющая весь его предшествующий опыт путем сравнения и сопоставления, а также ассоциирования цвета с предметами окружающего мира или единица, отражающая универсальное, общечеловеческое восприятие предметов и событий через цвет.

Цвет – это очень важная зрительная характеристика. Феномен цвета, восприятие цветов, название цветов и цветочная символика пользуется повышенным вниманием представителей разных наук. Цветовое восприятие является одним для всех групп людей, но языковая концептуализация различна в разных культурах. «Цветовых универсалий» не может быть, так как категория «цвет»... не универсальна» [1, с. 5]. И именно при переводе обнаружива-

ются информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках. Обыкновенным словам сопутствуют в художественных текстах того или иного языка страноведческие фоновые знания, фоновая информация.

Поэтическая картина мира – особенная, богатая, образная. Особенности цвета поэтом отражаются в использовании совокупности лексических единиц, передающих цветовую семантику текстов.

В поэтическом произведении цвет не только способствует созданию образности, но и является значимым компонентом поэтической картины мира, выразителем философско-мировоззренческой концепции поэта. Цветовой концепт – это понятие цвета с потенциально заложенной возможностью развивать метафорические, символические нецветовые значения.

Проанализировав поэтические произведения Мэри Оливер, выделим следующие основные цветовые концепты: 1) *цвет виски* (whisky-colored), 2) *цвет пшеницы* (wheat-colored), 3) *сине-зеленый* (blue-green), 4) *красно-коричневый* (red-brown), 5) *серо-голубой* (grey-blue). Автором вводится «новый» цвет – *розовые цветы* (pink flowers). Эти лексические единицы, передающие цветовую семантику, составляют индивидуально-авторское лексико-семантическое поле цветообозначений поэта.

Анализ материала показал, что зеленый цвет и оттенки синего в описании пейзажа и ландшафтных зарисовок являются доминирующими в количественном плане. Мэри Оливер использует зеленую и синюю цветовую харак-

теристику для описания следующих объектов: *зеленый пруд* (green pond), *зеленая река* (green river), *зеленое тело* (green body), *зеленый океан* (green ocean), *голубое небо* (blue sky).

Для Мэри Оливер характерно использование прилагательных цветообозначений по отношению ко времени суток и описанию небесных светил: *тучи тьмы* (clouds of darkness), *даже зеленый* (even green), *серебряная луна* (silver moon), *золотое солнце* (golden sun), *белая кость* (bone white).

Следует отметить наличие большего количества сложных цветообозначений в произведениях автора: *белый веер с розовыми и фиолетовыми прожилками* (white fan streaked with pink and violet), *серо-голубые перья на крыльях* – о цапле (gray-blue sheets of her wings), *розовые и желтые цветы* (pink and yellow flowers).

Таким образом, субъективность и избирательность видения мира художником слова является важнейшей особенностью его индивидуальной поэтической картины мира. Мэри Оливер создает свой мир, богатый и насыщенный, по-своему окрашивая его. Поэтесса заимствовала цвета в национальной картине мира, которые представлялись ей наиболее важными и необходимыми. Основные цвета – зеленый и синий – основные цветовые концепты, составляющие концептосферу Мэри Оливер.

Перспективы дальнейшего изучения обозначенной проблемы заключаются в исследовании других концептов, а также рассмотрении способов перевода концептов с точки зрения национально-культурной информации.

Библиографические ссылки

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Наука, 1996. 416 с.
2. Герасименко И. А. Языковые средства актуализации цвета сквозь призму современной лингвистики как науки гуманитарного цикла // Вестник Владимирского государственного университета. Сер. Социальные и гуманитарные науки. 2014. № 4(2). С. 50 – 61.
3. Колоколова Л. П. К вопросу о концепте и концептосфере // Коммуникативно-функциональное описание языка : сб. науч. ст. Ч. 1. Уфа : РИО БАШ ГУ, 2005. С. 132 – 138.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. Литература и языки. Т. 52. 1999. № 1. С. 3 – 9.
5. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой / В. А. Маслова. М. : Флинта : Наука, 2004. 256 с.
6. Шубина Л. В. Свет и тень в художественном мире А. С. Пушкина, Дж. Брайтона // Когнитивная парадигма : тез. междунар. конф., г. Пятигорск, 27 – 28 апр. 2000 г. Симпозиум 1, Лингвистика, литературоведение. Пятигорск, 2000. С. 196 – 198.

О. А. Klimova, S. V. Goncharova

**LINGUOCULTURAL ASPECT AND COLOUR CONCEPTS
IN THE POETIC WORKS BY MARY OLIVER**

The article analyzes linguocultural aspect and colour concepts in the works by Mary Oliver, by means of studying the original poetical works of the author.

Keywords: concept, colour concept, picture of the world, sphere of concepts.

УДК 81'373.2

Т. А. Ерохина

**ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ ИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. А. ВОЛОШИНА**

В работе рассмотрена перифраза как особый тип номинации персонажей лирических произведений. Материалом для исследования послужили поэтические тексты М. А. Волошина.

Ключевые слова: перифрастическое именование, собственное имя, поэтоним.

Со времён античных поэтик и риторических теорий стиля перифрастические наименования квалифицируются как высокоценный стилистический приём. Перифраза (от греч. *periphrasis* – «описательное выражение, иносказа-

ние») является номинативной единицей описательного характера, которая может обладать иносказательностью или представлять собой логическое переименование предметов, качеств или явлений. К числу перифраз исследователи относят различные языковые явления, в том числе генитивные конструкции (*брат Христов* – Иоанн); конструкции с придаточной определительной частью (*град, что строил Долгорукий* – Москва); предложные субстантивные словосочетания (*брат по шахматам*); словосочетания, образованные именем-символом и конкретизирующим его прилагательным или местоимением (*новая Троя, наш Ликург*); согласованные словосочетания с зависимым оттопонимным прилагательным, которое является носителем перифразируемой информации (*египетская земля* – Египет); именованья эмоционально-оценочного характера с одиночным приложением (*Волга-матушка*); описательные обороты в виде распространённого обособленного или необособленного приложения (как *Одиссей, боец в Пергаме; маленький корсиканец Наполеон*); конструкции, расположенные по отношению к перифразируемому слову в позиции предиката (Не раз сгорая дотла и восставая из пепла, *Москва*, – даже оставшись после Петра Великого «*порофиноносной вдовой*», – не утратила своего значения, она продолжала быть *сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия* даже в самые мрачные времена) и др. [4, 5, 7, 8, 9, 10, 11].

Следует сказать, что вопрос о том, являются ли перифразами описательные конструкции, расположенные ря-

дом с перифразируемым словом, относится к разряду дискуссионных. Одни из исследователей (В. П. Москвин [8], Ж. Н. Маслова [7] и др.) выделяют данные номинации в качестве зависимых перифраз и противопоставляют им перифразы самостоятельные (свободные). По мнению Ж. Н. Масловой, между зависимыми и свободными перифрастическими номинациями есть существенное различие: «Если зависимые перифразы лишь характеризуют объект с иных точек зрения, то свободные перифразы связаны скорее с процессом переименования, они одновременно называют и маскируют объект, превращающийся в языковую игру, и обращаются к общей и национально обусловленной культурной эрудиции читателя» [Там же, с. 88].

В. М. Калинин, рассматривая перифрастические номинации, связанные с собственными именами, отметил, что «... перифразой в подлинном смысле можно считать только такой способ номинации (лица, объекта, явления и т. д.), при котором внутри высказывания прямая форма номинации отсутствует, а замещающая ее номинативная конструкция представляет собой троп или является иносказательной хотя бы минимально. Обороты же, относимые некоторыми исследователями к перифрастическим, но не расположенные дистантно по отношению к прямой форме номинации (перифраза выступает как приложение, обособленное определение, либо предикат), по сути дела, лишь предвестники перифраз, хотя, несомненно, каждый из замещающих ономастическую единицу оборотов – это не только способ передачи некоторой информации, выражения мыслей и

чувств, изображения лиц, предметов и явлений, но и потенциальная «добавка» в коннотативную сферу поэтонима» [6, с. 225]. Данное утверждение наглядно подтверждают примеры из поэтических текстов М. А. Волошина.

В одних случаях образная конструкция находится после имени собственного, выполняя роль обособленного приложения: / И, ставя сеть у древних стен Хавона, / В тиши ночной видали рыбаки / Алмазный торс гиганта *Ориона*, / *Ловца зверей, любовника зари*. / [1, с. 115]. В отрывке образные определения выполняют поясняющую функцию. Они указывают на то, что поэтоним *Орион* не только экваториальное созвездие, но и персонаж греческой мифологии – красивый, статный юноша Орион (иногда его звали великаном), влюбившийся в богиню утренней зари Эос. Тем самым поэт подчеркнул, что звёздное небо, хранящее в себе «все летописи мира», «все имена, все славы, все победы», связано с «миром на земле» многовековым сосуществованием.

Образный оборот может выступать в роли сказуемого по отношению к прямой форме номинации: / Я буду помнить Лувра залы, / Картины, золото, паркет, / Статуи, тусклые зеркала, / И шелест ног, и пыльный свет. / <...> / *Буше – изящный, тонкий, лживый*, / *Шарден – интимный и простой*, / *Коро – жемчужный и седой*, / *Милле – закат над желтой нивой*, / *Веселый лев – Делакрыуа*, / И в Saint-Germain l'Auxerrois – // Vitreaux – камней прозрачный слиток: / И аметисты, и агаты. / [Там же, с. 52]. В примере представлена поэтическая характеристика полотен французских живописцев. Творчество яркого представителя культуры рококо Франсуа Буше

поэт определил как *изящное, тонкое, лживое*. Быть может потому, что работы Жана-Батиста Симеона Шардена выполнены в спокойной, задушевной манере и посвящены сценам из повседневной жизни обычных людей, его картины поэт охарактеризовал как *интимные и простые*. В Лувре среди работ Жана-Батиста Камиля Коро представлено полотно «Женщина с жемчужиной», а также «Портрет Клер Сеннегон», на котором изображена девушка в платье цвета жемчуга, сидящая на фоне серого неба. Возможно, именно эти работы и послужили основанием для определений *жемчужный и седой*. Картины Жана Франсуа Милле посвящены сценам из жизни крестьян, работающих в поле, вероятно поэтому творчество живописца поэт назвал *закатом над желтой нивой*. А вот ответить на вопрос, почему Эжена Делакрыуа, известного своими стремительными, выражающими часто трагические чувства картинами, М. А. Волошин обозначил словосочетанием *весёлый лев* – затруднительно. Делакрыуа действительно любил рисовать львов, но художник изображал не их портреты в статике, а яростную борьбу хищников за существование. Вот только некоторые названия его работ: «Лев, пожирающий кролика» (Лувр), «Охота на львов в Марокко», «Охота на львов», «Лошадь и всадник сражаются со львом», «Львы, терзающие лошадь».

Образная конструкция может также располагаться перед прямой формой номинации, которая в предложении находится в сильной позиции – в финале поэтической мысли. Благодаря такому приёму не только объект получает метафорическую характеристику, но и его имя приобретает особую выразитель-

ность: / Зубец, над городищем вознесенный / Народ зовет «Иссыпанной Короной», / Как знак того, что сроки истекли, // Что судьб твоих до дна испытает мера, / *Отроковица эллинской земли / В венецианских бусах – Каллиера!* / [1, с. 175]; / Из недр изверженным порывом, / Трагическим и горделивым, / Взметнулись вихри древних сил – / Так в буре складок, в свисте крыл, / В водоворотках снов и бреда, / Прорвавшись сквозь упор веков, / Клубится *мрамор всех ветров* – / *Самофракийская Победа!* / [Там же, с. 168].

В лирике поэта широко представлены собственно перифрастические именованья, многие из которых отсылают к историческим личностям. Как известно, созданию поэтических текстов у М. А. Волошина часто предшествовал этап серьёзного ознакомления с письменными источниками, среди которых были документальные материалы, исторические хроники, узкоспециальная научная литература. Поэтому часто для идентификации персонажа, именованного перифразой, требуется культурная эрудиция читателя.

Рассмотрим перифрастическое именование в поэме «Китеж». Центральными образами произведения, в заголовке которого вынесено имя легендарного русского города, являются *Святая Русь* и *Русь грешная*. Для поэта *Святая Русь* и есть тот самый *Китеж*, навеки ушедший по воле милосердного Бога под воды Светлояра вместе с благочестивыми китежанами, чтобы избежать глумления от неверных монголо-татар. В семантическом поле *Святой Руси* находятся – *Сергиев, Оптина, Саров*. Поэтонимы указывают на святые места русского православного мира – Троице-

Сергиеву лавру, Введенскую Оптину пустынь и Свято-Успенский Саровский монастырь. *Святой Руси* противопоставлена *Русь грешная* во главе с *Москвой*, которую поэт определил как *наша душная плоть* и сравнил с *лютым крестовиком-пауком*: / В тиши ночей, звездных и морозных, / Как лютый крестовик-паук, / Москва пряла при Темных и при Грозных / Свой тесный, безысходный круг. / [Там же, с. 280]. Поэтонимы с авторской семантикой в конструкции *при Темных* и *при Грозных*, данные во множественном числе, не отсылают к прозвищам русских царей Василия II Васильевича Тёмного и Ивана IV Грозного, а являются образом всех жестоких правителей Руси. Как обобщённый образ представлены в произведении *страшилища иных веков* – предатели земли русской и предводители кровавых народных бунтов: / Анафем церкви одолев оковы, / Повоскресали из гробов / Мазепы, Разины и Пугачевы – / Страшилища иных веков. / [Там же, с. 281]. Упомянул поэт и конкретные личности, не удостоив при этом некоторых из них чести называться по имени: / Ломая кость, вытягивая жилы, / Московский строился престол, / Когда *отродье Кошки и Кобылы* / *Пожарский* царствовать привел. / [Там же, с. 280]. Перифрастическое именование *отродье Кошки и Кобылы*, имеющее ярко выраженную негативную характеристику, указывает на царя Михаила Фёдоровича Романова – прямого потомка Андрея Кобылы и Фёдора Кошки. М. Ф. Романов стал российским государем во многом благодаря Дмитрию Михайловичу Пожарскому.

Целый ряд исторических личностей представлен с помощью перифраз в поэме «Россия». Императора Николая II,

по приказу которого Санкт-Петербург в 1914 году был переименован в Петроград, поэт упомянул во фразе: / Санкт-Петербург был скроен исполином, / Размах столицы был не по плечу / *Тому, кто стер блистательное имя.* / [1, с. 372]. В письме к Ю. Л. Оболенской от 25 января 1915 года М. А. Волошин написал: «Петрограда я не принимаю. Зачем обижать Петра и голландцев? Что за варварство топтать исторические имена!? Меня коробит всего, когда даже улицы переименовывают. В неуважении к имени есть определенное кощунство» [3, с. 292]. В следующем примере поэт обозначил перифрастическими именованиями сразу двух персонажей: / Голштинский лоск сержант наводит палкой, / *Курляндский конюх* тычет сапогом; / *Тупейный мастер* завивает души; / Народ цивилизуют под плетью / И обучают грамоте в застенке... / [1, с. 370]. Перифразой *курляндский конюх* автор именвал Эрнста Иоганна Бирона – фаворита императрицы Анны Иоанновны. Недоброжелатели Э. И. Бирона утверждали, что его дед был конюхом курляндского герцога. Перифрастическим именованием *тупейный мастер* поэт обозначил графа Ивана Павловича Кутайсова. Слово «тупей» переводится с французского языка как «пучок волос». Так в XVIII веке называли модную причёску в виде хохолка на макушке, а самих парикмахеров именовали тупейщиками. И. П. Кутайсов был любимцем и личным камердинером Павла I, а одной из обязанностей камердинера, как известно, были парикмахерские услуги. Их и оказывал, помимо всего прочего, хорошо обученный этому ремеслу граф.

В поэтических текстах М. А. Волошина представлено несколько собственных имён, в состав которых входит приложение. В одних случаях оно передаёт логическую информацию, указывая на род деятельности лица, возраст и т. п. (*Евдокия-старица, Синбад-скиталец, Лука-иконописец, Махмут-завоеватель* и др.), в других – приложение является частью перифрастического именования. Пример такой номинации содержится в стихотворении «Диана де Пуатье»: / Дворцов Фонтенебло торжественный ущерб / Тобою осяян, *Диана-Одалиска*. // Богиня строгая, с глазами василиска, / Над тронном Валуа воздвигла ты свой герб, / <...>. / [Там же, с. 30]. Поэтонимы *Диана де Пуатье* и *Диана-Одалиска* отсылают к возлюбленной и официальной фаворитке французского короля Генриха II Диане де Пуатье. В имени из заголовка фамильная приставка *де* указывает на знатное происхождение героини стихотворения. Дополнительная характеристика *Дианы де Пуатье* содержится в семантике поэтонима *Диана-Одалиска*. Первый компонент имени – *Диана* (от лат. *deus* – бог) – не только повторяет имя возлюбленной короля, но, прежде всего, указывает на древнеримскую богиню охоты и женственности. Приложение *Одалиска* в переводе с турецкого языка означает «горничную, рабыню, служанку». Так называли женщин, состоящих в гареме султана, статус которых был ниже статуса официальных жён. Расширение семантического объёма имени *Диана-Одалиска* происходит благодаря сравнительно-отождествительной конструкции *богиня строгая, с глазами василиска*.

Тем самым поэт «размывает» начальный образ: *Диана-Одалиска* – богиня и безвольная наложница, но с глазами *василиска*, то есть с глазами опасной ядовитой змеи. По сути имя *Диана*, имеющее божественную природу, и номинация *Одалиска* антонимичны, но для поэта только образ, заложенный в единстве звучания этих имён в дополнении к имени из заголовка в полной мере передаёт представление о героине произведения. Известно, что Диана де Пуатье имела огромное влияние на Генриха II. Историк Г. Шоссинан-Ногаре в книге «Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей» сообщил о ней: «Придя к власти, Генрих II позволил возлюбленной осуществлять полный контроль над делами королевства. Никогда в истории этой монархии никакой фаворитке не удавалось достичь оболыщением или авторитетом такого абсолютного и эффективного воздействия на особу короля, а тем более убедить иностранных государей в своем всемогуществе. Послы адресовали ей свою корреспонденцию, и она переписывалась с самим Папой. Король ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ней» [12, с. 40 – 41].

В произведении «Святая Русь» с помощью перифрастического именования, в состав которого входит приложение, поэт сказал о Петре I: / Не тебе ли на речных истоках / *Плотник-Царь* построил дом широко – / Окнами на пять земных морей? / [1, с. 257]. В стихотворении речь идёт о Петре I как основателе Санкт-Петербурга. Отапеллятинный поэтоним *Плотник-Царь*, основанный на оксюмороне, сочетает понятия, в действительности противоречащие друг другу, – *Плотник*, который не может

быть царём, и *Царь*, который не должен быть плотником. Однако это может быть справедливым, когда речь не идёт о царе Петре I, который однажды инкогнито, под видом простого плотника, обучался в голландском городе Саардаме корабельному мастерству. Этот исторический анекдот, рассказанный Вольтером, лёг в основу сюжета нескольких драматических и оперных произведений, среди которых, к примеру, комическая опера немецкого композитора Альберта Лорцинга «Царь и плотник, или Два Петра» (в русских постановках «Царь-плотник»). Название «Царь-плотник» носит памятник Петру I в Санкт-Петербурге. Он изображает государя, высекающего топором лодку. Можно также упомянуть, что поэтонимом *Царь-Плотник* Петра именovala Марина Цветаева: / <...>, // Не на своих сынов работал, а – Бесам на торжество! – / *Царь-Плотник*, не стирая пота / С обличья своего. / (М. И. Цветаева «Петру»). Таким образом, сочетание *царь-плотник* для именования Петра I имеет устоявшуюся традицию. Но у М. А. Волошина российский государь назван именем, в котором главное место занимает *Плотник*, а *Царь* является только приложением и следовательно, определением к нему. Иными словами, не *Царь* какой? *Плотник*, а *Плотник* какой? *Царь*. В таком исполнении номинация воспринимается как имя, обладающее негативной семантикой. Это становится особенно очевидным, если вспомнить перифрастические именования, которыми поэт называл Петра I в других произведениях: / Но, роковым охвачен нетерпением, / Всё искажил *неистовый Хирург*, / Что кесаревым вылушил сечением / Незрелый плод Славянства – Пе-

тербург. / [1, с. 267]; / Люблю сей град, открытый зимним пургам / На тонях вод, закованных в гранит. / Он создан был безумным Демидургом. / [2, с. 417]; / Антихрист-Петр распаренную глыбу / Собрал, стянул и раскачал, / Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу, / Наукам книжным обучал. / [1, с. 280].

Анализ поэтических текстов показал, что использование перифрастических именований является характерной

чертой идиостиля М. А. Волошина. Перифразы, отсылающие к историческим личностям, представлены: 1) генитивными конструкциями (*отродье Кошки и Кобылы*); 2) согласованными словосочетаниями (*Курляндский конюх, Тупейный мастер*); 3) конструкциями с придаточной определительной частью (*тому, кто стер блистательное имя*); 4) именами, в состав которых входит приложение (*Диана-Одалиска, Плотник-Царь*).

Библиографические ссылки

1. Волошин М. А. Собрание сочинений: в 13 т. (17 кн.). Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899 – 1926 / сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова ; коммент. В. П. Купченко. М., 2003. 608 с.
2. Волошин М. А. Собрание сочинений: в 13 т. (17 кн.). Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891 – 1931 / сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова ; коммент. В. П. Купченко. М., 2004. 768 с.
3. Волошин М. А. Собрание сочинений: в 13 т. (17 кн.). Т. 10. Письма 1913 – 1917 / сост. А. В. Лаврова ; подгот. текста, коммент. К. М. Азадовского, В. П. Купченко. М., 2011. 832 с.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 10-е изд. М., 2008. 448 с.
5. Ильин Д. Ю. Ономастические вторичные наименования в языке региональной прессы // Ученые записки орловского государственного университета. 2010. № 3 – 2 (37). С. 140 – 145.
6. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк, 1999. 408 с.
7. Маслова, Ж. Н. Перифраза в поэтике Иосифа Бродского (опыт исследования в контексте лингвофилософии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 85 – 91.
8. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 184 с.
9. Рогозина В. И. Косвенная ономастическая номинация в поэзии В. Брюсова // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., г. Минск, 6 – 7 апр. 2006 г. : в 2 ч. Минск, 2006. Ч. 2. С. 107 – 110.
10. Тимофеева Т. П. Перифраза в тексте художественного произведения (на примере романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»). Вестник КГУ, 2014. № 3. С. 113 – 118.
11. Федотова К. С. Онимная лексика писателя: поэтонимографический аспект (на материале творчества Н. С. Гумилева) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2018. 232 с.
12. Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей. М., 2003. 131 с.

**PERIPHRASTIC NAMING OF CHARACTERS
IN POETIC TEXTS BY M. A. VOLOSHIN**

The paper considers the paraphrasis as a special type of nomination of the characters of lyrical works. The material for studying was the poetic texts by M.A. Voloshin.

Keywords: periphrastic naming, proper name, poetonym.

УДК 821.161.1; 801.7

А. В. Гик

**ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И РЕЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ
ПРИЕМОВ ДРАМ ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ**

Драмы¹ Ильи Зданевича являются одними из наиболее интересных и загадочных произведений русского футуризма. Языковые приемы драм, будучи пионерскими для начала XX века, используются и современными российскими поэтами. В работе описывается и систематизируется рецепция способов и методов подачи языкового материала в творчестве Бориса Констриктора, Германа Виноградова, Сергея Бирюкова и других авторов.

Ключевые слова: лингвистическая поэтика, словообразование, язык драм Ильи Зданевича, футуризм, неология, заумь.

В культурном ландшафте классического авангарда особую роль играют драмы цикла «Аслаабличья» Ильи Зданевича (Ильезд). Во многом влияние этих произведений на развитие поэтических нововведений еще недостаточно оценено. Зданевич занимал значительное место как теоретик и практик в кругу русских футуристов и французских дадаистов [4]. Драмы, отражая уникальный опыт автора, вобрали в себя максимум авангардных исканий и находок. Заумь Крученых, алогизм Малевича, неологизмы Хлебникова, футу-

ристические шрифтовые выделения Каменского, Бурлюка и Маяковского, футуристические оперы Крученых и Матюшина, примитивистский театр Бонч-Томашевского, театральные идеи Большакова и Ларионова, «слова на свободе» Маринетти, опто-фонетические поэмы Хаусмана – все это было использовано и развито в цикле драм. Произведение внесло вклад в развитие нескольких поколений российских поэтов – непосредственных учеников Зданевича (Поплавский), группы ОБЭРИУ, Лианозовской группы, поэтов Оттепели

---

¹ Драмы или «дра» – термин Ильи Зданевича.

(Вознесенский). Опосредованно, вместе с типографскими экспериментами Дада, Зданевич повлиял на развитие конкретной поэзии 1960-х (Гомрингер, де Кампосы) и через них на современных западных визуальных поэтов. Визуальная поэзия Зданевича считается классикой жанра у современных дизайнеров и типографов. Влияние драм Зданевича на современных российских поэтов оказывалось с двух сторон: прямое наследование приемов Зданевича от автора или его российских учеников; заимствование этих приемов у современных иностранных авторов.

Рассмотрим основные особенности языка драм Зданевича. Драмы написаны на «албанском»² языке – сам автор настаивал, что это заумь. В авторском предисловии к первой драме говорится, что язык произведений похож на русский, однако слова могут оказаться омонимичными известным, иметь другие значения и правила формо- и словоизменения. Таких лексем, «похожих» на общеупотребительные, в драмах не очень много, и основной текст, большинство его образований, необходимо расшифровывать.

Текст в драмах Зданевича традиционно представлен в виде реплик персонажей и авторских ремарок, содержит, например, нумерацию партий для удобства хорового воспроизведения. Автор смело расширяет границы традиции. Нововведения можно вычленить на разных уровнях печатного текста: уровень

буквы, уровень слова, уровень строки, уровень страницы. Большинство приемов рассчитано на визуальное восприятие текста. Так что расположение языковых элементов и является главным для разгадки содержания произведения.

На уровне «буквы» Ильязд вводит в текст дополнительные элементы в виде цифр и математических знаков, сочетает русские буквы и буквы греческого и латинского алфавита, а также буквы «старой азбуки» «ер» и «ять» – частично их введение обосновывается во введении к пятой драме. На уровне «слова» используется шрифтовое выделение частей слов (заглавными или полужирным шрифтом), чаще всего для обозначения ударения. Основной новацией Ильязда является появление «многоэтажных» слов. На уровне предложения интересным экспериментом является использование формы таблицы. И, наконец, на уровне «страницы»: автор располагает на ней текстовые элементы с визуальными целями, чтобы страница не только читалась, но и выглядела как графический объект – с этой же целью выбирается и размер текстовых элементов, которые в ряде случаев состоят из типографских символов (шариков, узоров, квадратиков, изображений короны). Причем служебные элементы, например, номера страниц, являются полноценными членами визуальной композиции текста на странице. Рассмотрим использование перечисленных приемов у современных российских авторов.

Понятие «заумь» не имеет четкого определения. Основоположителем заумного языка считается Алексей Крученых, хотя с самого начала эта роль оспаривалась другими русскими футуристами. Классической заумью занимались,

² О влиянии «албанского» языка Ильязда на современный «олбанский» см. в работе: Преображенский С. Роль личности в истории социолекта (олбанская канонизация круля албанского – продолжение следует) // ДАДА по-русски / ред.-сост. Корнелия Ичин. Белград, 2013. С. 225 – 229.

помимо Крученых – Хлебников, Малевич, Терентьев, Якобсон (Алягров) и другие поэты-футуристы. В драмах Ильязда используется не только заумь, но и ономотопея, и запись фонетической транскрипцией русского или иностранного языка, и обычные лексемы русского языка, но заумь обычно занимает не менее 50 % текста.

Современные авторы активно используют эти приемы. Так, Борис Констриктор комбинирует заумные и конвенциональные слова в одном поэтическом тексте. При этом заумные слова часто являются омонимичными обценным или собственно обценными:

ЖООП ХЕР сона
УООПОУУ
Псу под хвост
Белый лист Василиска
у ш о д ц и
[1, с. 77].

Сравни с «жзи какал какал мно»
[8, с. 482].

Также обценная лексика используется в заумных стихах Сергея Сигова (псевдоним Сигей):

изу зузузу гуз
дюфрен френ хрен рен
еенеенеенеене ен
[11].

При этом Сигов является одним из основных исследователей драм Ильязда³, то есть здесь мы можем говорить о прямой преемственности традиций классического авангарда в творчестве современного поэта.

³ Сигов С. Онолатрическая мистерия Ильи Зданевича // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре / под ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. Верн, 1991. С. 209 – 221.

Обценную заумь использует в своем творчестве Герман Виноградов:

Герр Хитчкок
Чирик чинил
Почк Б-Б-Б
Кококогого дротч?
[1, с. 111].

Как и Ильязд, поэт использует иностранные слова (Herr = господин (нем.)) [5]. Например, один из героев первой драмы Ыренталь говорит немецкие слова: мутыр, клопс и др. В другом стихотворении Виноградова имеем похожий на используемый Ильяздом ритм заумного стихотворения:

Рыч бач цыгла могла ц+ць
Челиг бо-бо-бо и-и-и, еяё у-у!
[1, с. 112].

Сравни с песней разбойников Ильязда:

млеч там пижам аби ризо
таб ри гамгам угве угво [8, с. 492].

Заумь на основе иностранных слов использует в своем творчестве классик «лианозовской школы» Всеволод Некрасов:

Авангард
Так уж авангард
Аж из кожи вон
Как живой
Кель орёр
Ля мордар
Ля мордотёр
Доктор Хагенс
Тотал тодт ...
[1, с. 55]

Отметим сознательное употребление зауми на основе иностранных слов как отсылку к классическому авангарду.

Сергей Бирюков применяет особый вид зауми, основанный на подмене первой буквы слова:

вырс
но бырс
но бырс-вырс
но вырс
нет
бырс
[1, с. 120].

Хотя текст заумный, слова «но» и «нет» играют роль метатекстовой информации, придают структуре текста логическую последовательность. Что-то или кто-то «вырс», его противоположность «бырс», потом (?) смесь «бырс-вырс», противоположная «бырс», которая получается опять «вырс», дальше – негация «нет», которая делает из «вырс» опять «бырс»⁴.

Похожий прием изменения первых букв в слове мы встречаем у Ильязда в первой дра:

ливот дувот равот...
...
ковот зывот хювот
[8, с. 486].

Сигей [11] использует прием алфавитизации в одном из своих заумных стихотворений. Каждое заумное слово начинается с новой согласной в алфавитном порядке:

я вдохновляюсь запахом
куриного помета
бр
вр

⁴ Отдельно активные процессы в словообразовании в современной художественной речи см.: Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы : монография. М., 2009. 336 с.

гр
др
жр
и тому подобные
ср

Прием алфавитизации является основным в первой драме Ильязда. Фактически на этом приеме построены первые 2 страницы драмы, где разбойники режут и дерутся между собой [6, 7].

аб бевегбевиг ге де е
[8, с. 482].

Ильязд в своих дра использует формулы – словосочетания с использованием знака равенства. Этот же прием мы можем найти в заумной поэзии современного поэта Михаила Вяткина. Причем формулы подобия Ильязда использует в правилах чтения последней драмы «лидантЮ фАрам»: например, «h = звОнкай х» [Там же, с. 625]. Точно так же использует формулу Михаил Вяткин: «Арбуц» с заменой «ц» на «з» – получается «Арбуз»:

Неучтение Плоскогубцы Табу
Арбуц **З=Ц**
[3, с. 92].

Слова в драмах Ильязда имеют разнообразные выделения. Часто выделяются ударные звуки или слоги: «я**н**ко **б**анка казы**б**ланка кыпа**б**ланка шахма**т**ист» [8, с. 489]. Но выделяются также и согласные звуки / «слоги»: «т**п**р**в** мкст нш**п**рс ут**п**р **в**ек». Отметим, что выделения букв в словах является фирменным приемом футуристов: от Маринетти до Бурлюка и раннего Маяковского. Этот прием интенсивно используется современными поэтами в основном для указания ударений – как в за-

умных, так и в традиционных словах. Например, Михаил Вяткин показывает таким образом ударные гласные:

Наступ**и**ла Вто**р**ая Поло**ви**на Лета
Нет Не Вто**р**ая

А ка**к**а**я**-то Е**щ**ё...

[3, с. 23].

В стихотворении не используются знаки препинания, и заглавные буквы в словах расставляются по авторским законам, что также характерно для драм Ильязда.

Ударные слоги выделяет в своих стихах Наталья Азарова:

энер**г**ия-жиз**н**и
бежит-от-к**р**асок-и-форм
жё**с**тким-приз**ы**вом
мягко**с**ть-пр**е**снеет-мор**я**
с**р**ез-п-**р**е-в-**р**а-щ**е**ний-бе**р**ег

[2, с. 24 (порядок страниц восстановлен)].

Прием выделения жирным шрифтом, а также использования заглавных букв в центре слова использует Татьяна Грауз:

Неба печальное ш**е**ствие
Сны утрачен**н**ых ж**и**зней
Тыс**я**че-тыс**я**че-ли**с**т**н**ик
Очерта**н**ия з**р**ячих
Звёзд-зи-**р**Ок-и-фо**н**арей

[1, с. 106].

Сравни с песней разбойников из первой драмы:

бми**М**Ас бми**М**Ас

[8, с. 493].

Прием выделения жирным шрифтом букв в центре или окончании слова, а также выделение остальных букв курсивом использует в своем творчестве Лоренс Блинов:

Отогнал бы я *акналп*
от окна.

Обогнул бы я *лунгобо*,
абы гну

[1, с. 117].

Блинов использует обратное написание слов: акналп – планка, лунгобо – обогнул, причем жирным шрифтом выделены, как и у Ильязда, ударные гласные в этих словах. Здесь налицо преемственность от Хлебникова, который также любил переворачивать слова и даже писал целые поэмы, состоящие из палиндромов. Отметим, что вторая строфа состоит фактически из одного слова «обогнул» в прямом и обратном написании, а также в фонетической транскрипции (обогнул – абы гну). Первая строка здесь почти образует палиндром.

Евгений Степанов в своем стихотворении «Памяти Маяковского» использует такой характерный для Ильязда прием как многоэтажные строки:

к
ли**я** – а**г**ан
н
[13, с. 137].

В драмах Ильязда этот прием применяется повсеместно и служит основой для его теоретических рассуждений о языке: многовой поэзии [9], жемчужинах в складках языка [14] и т. п. Приводим пример многоэтажной строки (рис. 1) Ильязда из его третьей драмы «Остраф Пасхи» [8, с. 541 – 573].

Рис. 1. Пример многоэтажной строки из драмы «Остраф Пасхи» Ильязда

Ильязд в своих драмах располагает отдельные части текста в виде таблицы (рис. 2) [8, с. 493].

Наталья Азарова также использует в своем творчестве текст в виде таблицы (рис. 3) [1, с. 131]:

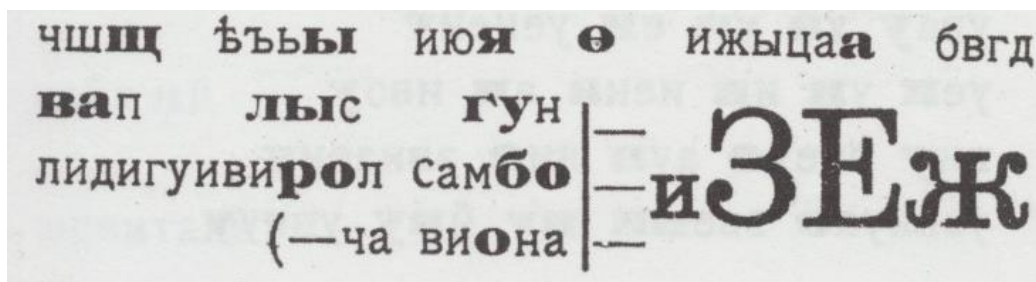

Рис. 2. Пример таблицы из драмы Ильязда «Янко круль албанскай»

яуза					
реплика преля					
за	пах	ша	ф	ра	на
за	пахом	ре	ф	ре	на
за	еуы	за	у	мь	
за	крученна	я			
	учёна	я			
	я	у	за		
	я	у	мь		
				молния	
				ша	ра

Рис. 3. Пример таблицы из поэмы Натальи Азаровой «Яуза»

В этом тексте используются как обычные, так и заумные слова: еуы,

яумь. «Еуы», также как и «закрученная» являются аллюзиями на творчество основателя зауми Алексея Крученых. «Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия захватанное и «изнасилованное». Поэтому я называю лилию еуы – первоначальная чистота восстановлена» [10, с. 296].

Современные российские поэты склонны к визуально-поэтическим экспериментам в духе слов на свободе Маринетти или оптофонетики Дада. Наиболее полно визуальная поэзия Ильязда представлена в последней его драме «лидантЮ фАрам» (рис. 4). Одна из поэм Евгения Степанова [12, с. 230] повторяет характерный визуальный жест в драме Ильязда (рис. 5) [8, с. 660].

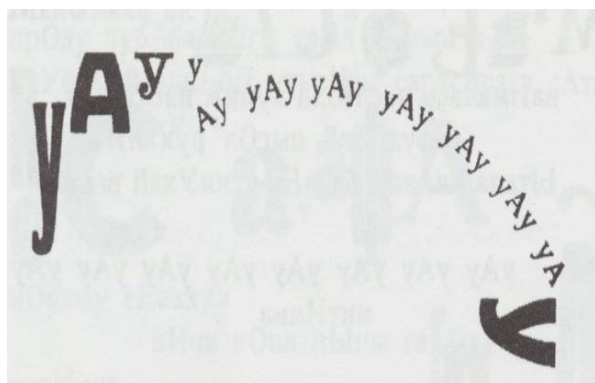

Рис. 4. Часть драмы Ильязда «ЛидантЮ Фарам»

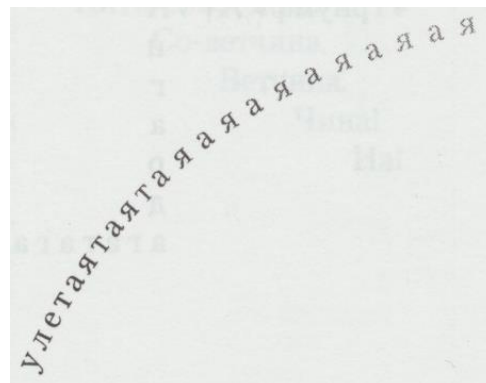

Рис. 5. Поэма Евгения Степанова «Улетая»

5. Гик А. В. Лингвистические особенности поэтики драм «Аслаабличья» Ильи Зданевича // Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 25 февр. 2018 г. Ч. 2. Пермь, 2018. С. 148 – 164.
6. Гик А. В. Приемы речевого воздействия на аудиторию в выступлениях футуристов начала XX века (на материале выступлений Ильязда: юриста и футуриста) // Культура русской речи (Гротовские чтения) : V Междунар. науч. конф. М., 2017. С. 25.
7. Гик А. В. Речевая агрессия как способ воздействия футуристов на аудиторию (на материале выступлений Ильи Зданевича) // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : тр. и материалы междунар. конф. В 2 т./ под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Д. А. Мартыанова, Г. А. Николаева. М., 2017. С. 66 – 70.
8. Зданевич И. М. (Ильязд). Философия футуриста: Романы и заумные драмы. М., 2008. 840 с.
9. Зданевич Илья. MV. Многовая поэзия. Манифест всёчества // Футуризм и всёчество. В II т. Т. I. М., 2014. С. 182 – 183.
10. Крученых Алексей. Декларация заумного языка // К истории русского футуризма. Воспоминания и документы. М., 2006. С. 296 – 297.
11. Сигов Сергей. Из сборника «Тетрадь футуропадаистов №3» (1963) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rvb.ru/np/publication/01text/27/02sigey.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 04.02.2018).
12. Степанов Е. Портрет. М., 2006. 248 с.
13. Степанов Е. Разные жанры жары. М., 2004. 224 с.
14. Zdanovic Il'ja. LE DEGRE 41 SINAPISE a cura di Marzio Marzaduri // L'Avanguardia a Tiflis: Studi, Ricerche, Cronache, Testimonianze, Documenti. Edited by Luigi Magarotto, Marzio Marzaduri, Giovanna Pagani Cesa. Quaderni del Seminario di Iranistica, Uralo-Altaistica e Caucasologia dell'Università degli Studi di Venezia, no. 113. Venice: Università degli Studi di Venezia, 1982. P. 281 – 308.

A. V. Gik

**FEATURES OF WORD FORMATION AND RECEPTION
OF THE LANGUAGE TECHNIQUES OF DRAMAS BY ILIA ZDANEVICH
IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY**

Dramas by Ilia Zdanovich are among the most interesting and enigmatic works of Russian literary futurism. Language techniques of dramas, being a novelty in the early 20th century, are in use by contemporary Russian poets. This work describes and systematizes dramas methods in the poetic works by Boris Constrictor, German Vinogradov, Sergey Biryukov and other Russian contemporary poets.

Keywords: linguistic poetics, derivation, language of dramas by Ilia Zdanovich, futurism, neology, zaum'.

УДК 291.12

П. Е. Матвеев

ТЕРРОРИЗМ И ПРОБЛЕМА САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ

Статья посвящена проблемам суицидального терроризма. Исследуются философские, религиозные, нравственные, психологические аспекты данного сложного феномена. Анализируются идеи классиков гуманитарной мысли на данные проблемы. Приводится авторская точка зрения на поднятые вопросы.

Ключевые слова: терроризм, суицид, самопожертвование, религиозный аспект, нравственный смысл, жертва, презумпированный акт.

Терроризм является сложным социальным и нравственным феноменом. Здесь сходятся Бог и дьявол, любовь и ненависть, самопожертвование и насилие. Рассмотрим важнейшую клеточку терроризма – террористический акт. Террористический акт имеет и положительное и отрицательное значение, он связан и добром и злом, поэтому он не может считаться нравственной ценностью, которая по природе своей одноразовая. Террористический акт имеет и социальные, и политические, и религиозные, и нравственные аспекты. Мы будем исследовать данный акт в основном с его религиозной и нравственной сторон, но начнем с его социологии и философии.

К какому виду человеческих деяний отнести террористический акт, связанный с невинными жертвами и с гибелью самого террориста? Подобные поступки в литературе получили название «терроризм смертников» или «суицидальный терроризм» [13]. Элемент

суицида действительно присутствует в данном акте. Но есть в нем и элемент бунта человека против объективных обстоятельств, и есть несомненное насилие, приведшее к невинным человеческим жертвам. Рассмотрим эти элементы суицидного террористического акта подробнее.

Одно из лучших исследований суицида принадлежит французскому социологу начала XX века Эмилю Дюркгейму. В 1897 году он опубликовал книгу «Самоубийство», которая в 1912 году была переведена на русский язык под названием «Самоубийство. Социологический этюд» [7]. Данная работа является классической для социологии. В ней представлена определенная методология, проведена классификация самоубийств, выявлены причины суицида, приведены соответствующие социологические данные. «Самоубийство» Дюркгейма не потеряла своей научной значимости и для настоящего времени.

Э. Дюркгейм дал следующее определение самоубийства: «Самоубийством называется каждый смертельный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [6, с. 210]. Согласно данному определению самоубийства, с которым можно согласиться, подавляющее число самоубийц были вполне нормальными, а не сумасшедшими людьми. Дюркгейм проблеме соотношения самоубийства и сумасшествия посвятил целую главу, – глава 1 книги первой называется «Самоубийство и психопатическое состояние».

Вывод, к которому пришел выдающийся социолог, следующий: «Самоубийство умалишенных не обнимает собой всех случаев; это только известная разновидность, и поэтому психопатические состояния, характеризующие психические расстройства, не могут служить показателем склонности к самоубийству вообще» [Там же, с. 18]. Данный вывод вполне актуален и для нашего времени. Большинство террористов, совершивших акт суицида с жертвами других людей, были вполне нормальными людьми. Об этом свидетельствуют оставленные некоторыми из них записи, оценки знавших их людей. Поведение сумасшедшего в местах скопления людей всегда будет обращать на себя внимание, а успех террориста в его смертельном варианте во многом зависит от адекватности его поведения.

Э. Дюркгейм проклассифицировал самоубийства. Он выделил три социальных типа суицида: эгоистическое,

альтруистическое и аномичное. Современные террористические акты, которые являются предметом нашего рассмотрения, предстают особым типом, где присутствуют элементы всех трех типов самоубийств, выделенных Дюркгеймом.

Э. Дюркгейм исследует и важнейшие причины самоубийств. Более того, саму данную классификацию он выводит из классификации причин. «Единственный практически возможный метод, – пишет Э. Дюркгейм, – это классифицировать самоубийства по их причинам» [Там же, с. 210]. Среди социальных причин Дюркгейм указывает и на религию. На это приходится обращать внимание при анализе сегодняшних террористических актов, поскольку большинство из них совершается лицами, исповедующими ислам. Поэтому и существует в общественном мнении гипотеза, что ислам способствует террору, ибо обещает мученикам за Аллаха райское вознаграждение в загробном мире не взирая на их земную жизнь и на совершенные в этой жизни зло и грех.

В поле исследований Э. Дюркгейма попали католицизм, протестантизм, иудаизм, – ислам в то время еще был не актуален. Социологические данные к концу XIX века свидетельствовали, что наибольшее число самоубийц приходится на приверженцев протестантизма, их меньше у католиков и евреев. Дюркгейм объяснил этот факт тем, что «иммунитет католиков зависит не от того, что они составляют меньшинство в протестантских странах, но от того, что им в меньшей степени свойственен религиозный индивидуализм и что в

следствие этого католическая церковь является более сплоченной» [6, с. 210]. Дюркгейм отмечал, что религиозный индивидуализм развивается параллельно развитию знаний у соответствующей группы населения. «А вкус к знаниям сильнее выражен у народов протестантских, чем у народов католических» [Там же, с. 211].

Если обратиться к современной эпохе, т. е. к концу XX – началу XXI века, то рост знаний наблюдается у всех групп населения. В XX веке произошла, как известно, настоящая революция в системе образования. Вместе с ростом знаний ослабевают традиции, ранее служившие основой солидарности социальных групп. Растет индивидуализм, анонимия, в том числе и среди исламистов. И не исключением, а лишь подтверждением данного вывода служит тот факт, что многие из современных террористов-исламистов получили образование в развитых европейских странах.

Террористический акт, связанный с жертвами людей, несет в себе, как говорилось выше, и элементы бунта. Одна из наиболее значимых работ о бунте – это книга Альбера Камю «Бунтующий человек» (1945 года издания) [9]. В творчестве Камю выделяются две философские работы: «Миф о Сизифе» и «Бунтующий человек». Они тематически связаны между собой, а также с исследуемой нами темой.

Главный вопрос, который анализируется в «Мифе о Сизифе» – это вопрос самоубийства. Камю пишет в начале данного эссе: «Есть лишь одна по настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее про-

жить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [8, с. 24]. А основным вопросом «Бунтующего человека» является вопрос об убийстве другого человека. Во «Введении» Камю отмечает следующее: «Мы ничего не сумеем сделать, если не будем знать, имеем ли мы право убивать ближнего или давать согласие на его убийство» [Там же, с. 121].

А. Камю исследует здесь логику «логического убийства», если, конечно, она там есть. И он начинает с анализа бунта. Почему с бунта? Дело в том, что «логические убийства» оправдание себе стараются найти именно в бунте. «Избравшие убийства и выбравшие рабство, – заявляет Камю, – будут последовательно занимать авансцену истории от имени бунта, отвернувшегося от своей истины» [Там же, с. 232].

Но что такое «бунт»? Как его понимал А. Камю? И почему бунт стал предметом философского анализа? Сам Камю не давал строгой дефиниции бунта, а использовал это слово в обычном, общечеловеческом интуитивном понимании, исследуя формы бунта, примеры бунтовщиков. Из понятия «бунта» следует, что бунт близок по значению к мятежу и восстанию. Но если мятеж – это стихийное явление, то в бунте есть элемент организованности. От восстания бунт отличается, напротив, элементом стихийности, – в восстании больше проявляется организация. Бунт заслуживает, по Камю, философского анализа, ибо «для человеческого духа доступны только два универсума – универсум священного и универсум бунта» [Там же, с. 133]. Следует при этом иметь в виду, что мы встречаемся с экзистен-

циальной интерпретацией бунта по Камю, с его контекст/правдой, что не отрицает иных философских интерпретаций.

«Бунт порождается, – пишет А. Камю, – с осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятого и несправедливого удела человеческого» [8, с. 126]. «Бунтующий человек», по Камю, «это человек, говорящий «нет», но отрицая он не отрекается» [Там же]. Таким образом, бунтующий человек – это не разрушитель только, он разрушитель и созидатель. «Это человек, уже первым своим действием говорящий «да». Раб, всю жизнь повиновавшийся господским распоряжениям, неожиданно считает последнее из них неприемлемым» [Там же, с. 127]. При этом взбунтовавшийся индивид не только сам себя хочет защитить, но и всех людей, т. е. общечеловеческую справедливость, общечеловеческие ценности. «В бунте, выходя за свои пределы, человек сближается с другим». Так через бунт возникает солидарность. Солидарность рождается в оковах. Отметим, что солидарность считал важнейшей социальной ценностью Э. Дюркгейм.

А. Камю сравнивает бунт с озлоблением, со злобой, т. е. с проявлением ресентимента, что исследовал Макс Шелер в работе «Ресентимент в структуре моралей» [12]. Камю пишет, что «Шелер прав, говоря, что озлобление ярко окрашивается завистью. Но завидуют тому, чем не обладают. Восставший же защищает себя такого, каким он есть». Озлобленный наслаждается муками обидчика, а бунтарь против унижения личности. Камю делает заключение, что кажущийся негативным «бунт в дей-

ствительности глубоко позитивен, потому что он открывает в человеке то, за что стоит бороться [8, с. 132]. Афоризм Камю: «Я бунтую, следовательно мы существуем» [Там же, с. 134].

Бунт исторически конкретен. Камю исследует конкретные формы и типы/примеры бунта. Камю выделил две формы бунта: метафизический бунт и бунт исторический, иногда его называют политическим. Метафизический бунт – это протест личности против основ мироздания; он соответствует стремлению человека к целостности бытия, поиску подлинных идеалов. Исторический бунт – это протест против исторической участи человека и человечества, борьба с существующими социальными условиями. Исторический бунт может перерасти в революцию. Но революция приводит к результатам, противоположным бунту, а именно – к насилию, убийствам, террору и рабству во имя защиты революции. Таким образом, по Камю террор может начаться с бунта, но по своей сущности террор есть измена бунту. О себе Альбер Камю писал: «Я ненавижу палачей».

В «Бунтующем человеке» проанализированы различные типы (примеры) метафизического и исторического бунта. В историческом бунте обнаруживаются пять типов, которые включают ряд более частных, конкретных примеров. Это – цареубийство, богоубийство, индивидуальный терроризм, рациональный и иррациональный терроризм. К данной Камю типологии терроризма можно добавить, опираясь на современный опыт, международный терроризм. Международный терроризм – это не только террор, принявший междуна-

родный характер, но и определенная политика некоторых государств, организаций по отношению к другим государствам, организациям, лицам, являющимся представителями иных стран. Необходимо учитывать также экономическую составляющую современного террора: он должен быть спонсируемым, хорошо оплачиваемым.

На страницах, посвященных террору, Камю приводит много примеров из истории России XIX – XX веков. Он анализирует идеи и действия декабристов, Писарева, Нечаева, русских террористов – Каляева, Савинкова, Желябова и др. Логико-философской основой их терроризма, по Камю, был нигилизм. Логика развития нигилизма приводит к терроризму. «Нигилизм, тесно связанный с развитием этой обманчивой веры, – пишет А. Камю, – завершается, таким образом, терроризмом» [8, с. 241]. Камю отмечает такую особенность первых русских террористов, как их определенную сентиментальность, определенный гуманизм. «И в то же время эти палачи, бестрепетно ставившие на карту собственную жизнь, – замечает Камю, – долго колебались, прежде чем посягнуть на жизнь других» [Там же, с. 248]. Так, Каляев отказался совершать покушение на великого князя Сергея, потому что в его карете находились дети. Савинков отказался от покушения на адмирала Дубасова в скором поезде «Петербург – Москва»: «При малейшей неосторожности снаряд мог взорваться в вагоне и убить посторонних людей». Войнаровский заявлял: «Если Дубасова в скором поезде «Москва – Петербург» будет сопровождать жена, я не брошу бомбу» [Там же].

И Камю, с нашей точки зрения, дает правильное объяснение их поведению. Первые русские террористы верили, что жизни людей равноценны и не ставили идеи выше человеческой жизни, хотя действовали согласно определенным идеям. «Строго говоря, – заявляет Камю, – они жили на высоте идеи. И в конце концов оправдывали ее, воплощая в собственной смерти» [Там же, с. 249].

На смену первым русским террористам придет новое поколение, которое будет расценивать методы своих предшественников как чрезмерно сентиментальные. Они откажутся признавать равноценность человеческих жизней и поставят идею выше жизни. Ведь совершать суицидальные террористические акты они будут ради идей. Если обратиться к современному терроризму, то оценки Камю верны в определенной степени и сейчас. Если не всем современным террористам можно приписать идейность, то недооценка ценности человеческой жизни у них налицо.

В суицидальном терроризме присутствует и насилие. Мы обратимся к учению о насилии одного из лучших политических философов современности – Ханны Арендт [2]. Ханна Арендт в книге «О насилии» ставит ряд проблем, связанных с насилием, в частности, проблему природы данного феномена. Она критикует точку зрения на насилие как появление животного начала в человеке. Она пишет, что эта точка зрения является развитием понятия человека как «разумного животного». Х. Арендт отмечает, что возникла даже особая наука – полемология, которая старается объяснить агрессивность человека, опираясь на биоло-

гию, физиологию, этнологию и зоологию. Но Х. Арендт считает, что для объяснения агрессивности, насилия, встречающихся у человека, нет необходимости обращаться к отмеченным наукам. «Чтобы узнать, что люди будут сражаться за свое отечество, мы вряд ли нуждаемся в открытии инстинктов «групповой территориальности» у муравьев, рыб и обезьян; а чтобы узнать, что чрезмерная скученность приводит к раздражительности и агрессивности, нам не требуются эксперименты с крысами – хватило бы и одного дня, проведенного в трущобах любого большого города» [1, с. 34].

Х. Арендт разделяет насилие и власть, считая, что «насилие всегда способно разрушить власть; из дула винтовки рождается самый действенный приказ, приводящий к самому немедленному и полному повиновению. Но власть родиться оттуда не может никогда» [Там же, с. 31]. «Насилие способно разрушить власть; оно совершенно не способно ее создать». Х. Арендт отмечает философские корни подобной веры в связь насилия и власти: они идут от диалектики Гегеля и Маркса. «Глубокая вера Гегеля и Маркса в диалектическую «власть отрицания», благодаря которой противоположности не разрушают друг друга, а плавно друг в друга переходят, потому что противоречия стимулируют, а не парализуют развитие, эта вера основана на более старом философском предрассудке, что зло – это всего лишь привативный модус добра, что добро может возникнуть из зла; что, короче говоря, зло – всего лишь временное проявление скрытого добра» [Там же, с. 33]. И Ханна Арендт

справедливо заявляет, что «эти освященные временем представления стали опасны».

Идеи Ханны Арендт о противоречии насилия и власти важны и в настоящее время. Терроризм – это не показатель силы власти государства, организации, группы людей, а показатель их слабости. Нет оснований бояться террористов, как бы жестоки не были их действия. Это «пир во время чумы», агония в стремлении изменить или удержать власть. Правда, агония эта может продолжаться длительное время.

В нравственном аспекте террористический акт имеет две взаимосвязанные стороны (два плана) – внутреннюю, субъективную, относящуюся к самому террористу, и внешнюю, объективную, относящуюся к его жертвам. Мы остаемся на определенном виде террористического акта, связанного с *самопожертвованием* террориста, так как данный вид террористического поступка представляется наиболее сложным для оценки. В данном трагическом случае мы имеем дело одновременно с несколькими ответственными поступками и со связанными с ними несколькими «ценностными центрами» или с несколькими «ценностными контекстами», говоря языком М. Бахтина [4], или с несколькими «правдами». Во-первых, это ценностный контекст/правда террориста-смертника, во-вторых, это ценностный контекст/правда жертвы террористического акта, в-третьих, это ценностный контекст/правда постороннего наблюдателя совершившегося действия, в данном случае – это ценностный контекст/правда нас с вами, исторических свидетелей.

Итак, мы сталкиваемся с проблемой внутренней мотивации человека, идущего на самопожертвование. Проследить до конца всю субъективную мотивацию подобного выбора невозможно. «Чужая душа – потемки». Индивидуальное сознание бесконечно по своим вариациям. Человек может совершить акт самопожертвования по разным причинам. Так, кто-то может совершить акт из-за сумасбродства, из-за личной прихоти, из-за желания собственной смерти, когда на совершение суицида не хватает сил и т. д. Сколько людей, столько и вариантов мотивации выбора. И не все они являются нравственными, а среди собственно нравственных мотиваций есть и нравственно-положительные (добрые) и нравственно-отрицательные (злые), приводящие человека к жертвенности самим собой. Здесь мы используем метод идеализации и остановимся на «идеальном типе» нравственной самодетерминации террориста, когда мотивы его поступка воспринимаются как положительные, ибо если в данном сильнейшем варианте мы получим в итоге отрицательный результат, отрицательную оценку, то таковой она будет и в любом другом случае.

Представим, что мы имеем будущего террориста, который мотивирован только положительным нравственным выбором, который считает, что террористический акт, связанный с его гибелью и гибелью других людей, является всецело добром. Но почему некий индивид считает, что террористический акт является добром? Он так может считать из-за несомненной нравственно-положительной ценности акта самопожерт-

вования, который здесь присутствует. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [5]. У субъекта такая установка может быть сформирована в процессе воспитания, обучения. Общечеловеческий жизненный мир свидетельствует о ее аподиктической истине, которую никак логически не объяснить. Однако реальный акт самопожертвования ради другой жизни требует реального присутствия иной жизни и осознания ее ценности. Жертва жизнью ради идеи или виртуальной иной жизни – неоправданная, ибо жизнь и идея, жизнь и виртуальность не равноценны.

В террористическом акте, связанном с самопожертвованием, мы как раз имеем дело с неравноценным обменом реальной жизни смертника на идею или виртуальную жизнь своих соплеменников, единоверцев, которых он, таким образом, защищает или за смерть которых мстит. Но ситуация усугубляется тем, что гибнут не действительные враги, «чужие», а вполне возможные «свои» или «нейтральные» люди. – Мы проигрываем сильнейший вариант. Сформировать подобное жертвенное сознание возможно только в результате определенных конструктивных действий с сознательным или неосознанным отрешением от реальности.

Здесь присутствует еще одна ноза [11], а именно оценка уничтожения чужой и нейтральной жизни. Нравственный реализм в данном случае свидетельствует о моральной равноценности жизни как таковой у разных субъектов. Однако осознанное или стихийное конструктивное воздействие на сознание террориста заслоняет от него данную

нравственную абсолютную истину. Таким образом, конструктивизм может сформировать ошибочное нравственное сознание, но конструктивный реализм может его исправить, может изначально развить истинные нравственные нозы.

В мотивации террориста пойти на самопожертвование может присутствовать еще один момент – долг. Долг играет важную роль в деонтологии, в этике Канта. Действия, совершаемые ради долга, кажутся абсолютно «чистыми» от неморальных установок, здесь соблюдается важнейший нравственный принцип, сформулированный Кантом, а именно принцип «чистоты морального мотива». У Канта на страницах его серьезного философского труда, посвященного морали, «Критики практического разума», присутствуют настоящие лирические панегирики в адрес долга. «Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы побудить волю, и не угрожаешь тем, что внушало бы естественное отвращение в душе и пугало бы; ...» [10].

К Канту обращались и обращаются преступившие общечеловеческую мораль довольно часто и именно из-за его учения о долге. Одним из таких был нацистский палач еврейского народа Эйхман, который вспомнил о Канте во время судебного процесса над ним в Иерусалиме. Это очень удивило присутствующую в зале Ханну Арендт, это она отмечает в своей книге «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». «Первым указанием на смутное представление Эйхмана о том, что за всем этим кро-

ется нечто большее, чем вопрос о солдате, выполняющем заведомо преступные приказы, – пишет здесь Х. Арендт, – было его выступление во время полицейского расследования, когда он вдруг с большой горячностью заявил, что всю свою жизнь следовал моральным представлениям Канта, и в особенности кантовскому определению долга.

Заявление было возмутительным и, по сути, маловразумительным, поскольку моральная философия Канта тесно связана с человеческой способностью к суждению, которая исключает слепое повиновение» [14, с. 204].

Ханна Арендт справедливо отметила, что если для Канта источником долга был практический разум, то для Эйхмана – воля фюрера или нацистской партии. Аналогичное можно сказать и в отношении террористов любой «масти» для них долг наполняет содержанием не Бог, и не всеобщий практический разум, а воля и человеческий разум их вождей, командиров. Только в одном отношении следовал представлениям Канта Эйхман: «Закон есть закон, и исключений быть не может» [Там же, с. 206].

Однако откуда берется само сознание долга данного поступка? М. Бахтин считал, что долженствование никак не связано с истинностью суждения. «Попытка помыслить долженствование как высшую формальную категорию (утверждение – отрицание Риккерта) основано на недоразумении», – писал он. «Из теоретически-познавательного определения истинности отнюдь не вытекает ее долженствование, этот момент совершенно не содержится в ее определении и не выводим оттуда: он может

быть только извне привнесен и пристегнут (Гуссерль)» [3, с. 10].

И с этими утверждениями о долге, с нашей точки зрения, следует согласиться. Известен принцип Юма, что из существования не следует должное. М. Бахтин делает вывод, что и из истинности суждения не следует ни какого должного существования. «Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство есть мой поступок), есть некая установка сознания, структура которой и будет нами феноменологически вскрыта» [Там же]. Поэтому он связывал с поступком не долг и не рациональность, а ответственность, и использовал такие понятия как «участное мышление», «не-алиби бытие» т. е. «ответственное бытие». М. Бахтин отмечал: «Поступок в его целостности более чем рационален – он ответственен. Рациональность – только момент ответственности» [Там же]. А когда человек ответственно подходит к своим поступкам, тогда он предстает ценностным существом, он совершает свои действия с позиций ценностного подхода. Таким образом, долг есть определенная нравственная конструкция, созданная самим субъектом, и выведенная им не из данного поступка, а привнесенная извне, из определенных ноэм, стихийно воспринятых или кем-то сознательно «вложенных» в него.

Обратимся к анализу второго ценностного контекста, связанного с террористическим актом, а именно к анализу жертв террора. Также используем метод идеализации и представим себе человека, выжившего после террористического акта, и никоим образом не связанного с активной борьбой про-

тив террористов, их идей и т. п., т. е. представим себе человека, случайно оказавшегося в поле действия террориста, случайно вовлеченного в определенную ситуацию. У него, как непосредственного участника события, есть «участное мышление», и он имеет право на такое мышление. И это существенно для ценностного подхода, ибо только «участное сознание», «не-алиби бытие» позволяет дать оценку поступку изнутри самого поступка, провести собственно ценностный анализ его. Любой другой анализ здесь также возможен, однако он не даст нам собственно моральной оценки, а уведет в дебри теоретического научного анализа или в трясины обыденного мнения.

Какова ценностная осознанность «идеальной» жертвы террористического акта, произошедшего с ней и с другими находившимися рядом людьми? В сознании жертвы террора может быть ужас, страх, негодование, недоумение и т. п. Он может ощущать себя невинной жертвой. И он может чувствовать, что имеет право на отмщение – этого требует справедливость. У него может быть ненависть, презрение к террористу, его неправоту он ощутил собственным телом, испытал на собственной коже, как и собственную правду критического отношения к насильнику, долга борьбы с подобными идеями и практиками.

Он может также ощутить великодушные в отношении террориста и простить его. В этом потолке сознания присутствуют и психические, и нравственные, и политические, и религиозные элементы. И нам необходимо проделывать определенное эпохе и пробиться к чисто феноменологическому нравствен-

ному слою его сознания. Какие аподиктические истины тогда откроются нам? Сейчас мы можем сказать, что такой несомненной истиной предстает идея о том, что мы можем что угодно чувствовать в отношении террориста и как угодно оценивать его, но мы не можем ничего подобного совершать за погибших в результате террористического акта. И не только по физическим, но и по нравственным основаниям. У них, погибших, своя, третья правда. И эта правда, преобладающая по значимости. Следовательно, судить террориста за его поступок мы должны не только от имени живых, но и мертвых. И их оценка окончательная хотя и презумпированная. Они также может быть простили террориста, если есть бессмертие и потусторонний мир. Но мы должны исходить здесь, в этом посюстороннем мире, снова из «сильнейшего варианта», а именно из того, что кто-то из погибших мог не простить субъекта действий, приведших к гибели невинных людей. И следовательно, террорист может и должен быть осужден. На насколько истинна эта третья правда?

Вторая и третья правды наряду с первой касаются одного и того же поступка. Можно ли их соединить? Можно ли дать какую-то четвертую, итоговую оценку? Иными словами, может ли быть четвертая, обобщающая правда? Казалось бы, что такой обобщающей правды не найти, ибо возможно множество правд, которые выскажут не-участники конкретного исторического события. Сколько людей, столько и мнений. Однако для ценностного анализа данные мнения не существенны, ибо представлены «безучастным мышлением», «алиби-бытием». А возможна ли чет-

вертая правда, репродуцированная участным мышлением, не-алиби бытием, но не непосредственного участника, т. е. не-участника? Возможна, когда такого не-участника конкретного события мы сконструируем как участника события, когда его мышление сделаем «участным», а его бытие «не-алиби бытием». Это и будет наша новая конструкция. Данного четвертого субъекта, назовем его «неучастным свидетелем», надо включить в какую-то общую для всех четырех ситуацию. И это реально, ибо все четверо причастны к одной социальной общности – к человечеству. И конкретный террористический акт – это не только поступок отдельного индивида, но и поступок человечества. А человечество имеет и свой ценностный контекст, в рамках которого ценность жизни человека важнейшая, о чем свидетельствует и общечеловеческий принцип «Не убий!». И с этой точки зрения террористический акт, уничтожающий жизни, есть зло.

Даже если бы не было реально такого общечеловеческого морально-ценностного контекста, общечеловеческих моральных ценностей и принципов, к ним надо подходить как к презумпированным, являющимся гарантом единства и единственности, т. е. ценности человеческого бытия. Это напоминает известную дилемму узника Гоббса, показывающую необходимость общественного договора как гаранта доверия. Здесь вновь проявляется конструктивизм, ибо можно сказать, что общечеловеческая мораль – это идеальная конструкция человечества, гарантирующая ему реальное единство и единственность, которые в свою очередь определяют ценность его реального бытия.

Библиографические ссылки

1. Арендт Х. О насилии. М., 2014.
2. Ханна Арендт (1906 – 1975) – немецко-американский философ еврейского происхождения, оставившая свой след в исследовании тоталитаризма, нацизма, моральной философии, философии жизни.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч. : в 7 т. М., 2003. Т. 1.
4. См.: Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч. : в 7 т. М., 2003. Т. 1. С. 7 – 68.
5. Библия. Ин 13,15.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
7. См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
8. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
9. Альбер Камю (1913 – 1960 гг.) – замечательный французский философ, писатель, публицист, лауреат Нобелевской премии (1957 г.). А. Камю – один из основателей французского атеистического экзистенциализма.
10. Кант И. Критика практического разума // Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1.
11. «Нозса» и «ноэма» – одни из центральных понятий в феноменологии Гуссерля. При этом «ноэма» у Гуссерля предстает как определенное значение восприятия или как «интенциональная предметность», а «ноэса» как то, что «наделяет смыслом» интенциональное переживание.
12. См.: Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999.
13. См.: Чудинов С. И. Терроризм смертников. Проблемы научно-философского осмысления. М., 2016. С. 8.
14. Ханна Арендт. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.

P. E. Matveev

TERRORISM AND THE PROBLEM OF SELF-SACRIFICE

The article is devoted to the problems of suicidal terrorism. Philosophical, religious, moral, psychological aspects of this complex phenomenon are explored. Ideas of classics of the humanitarian thought about these issues are under analysis. The article provides the author's point of view on the issues raised.

Keywords: suicide terrorism, self-sacrifice, religious aspect, moral sense, victim, possible act.

НОВЫЕ ТАБУ В РЕЛИГИИ И БЫТУ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН

Исследование новых религиозных запретов и предписаний, которые сформировались в конце XX – начале XXI века в среде православных христиан, является одним из перспективных и недостаточно изученных направлений в современном религиоведении. Этот непродолжительный период можно считать переходным этапом в существовании православной общины. Для него характерна трансформация политического строя страны, повлекшего отказ государства от жесткой атеистической доктрины.

В эти годы идет процесс формирования «новых религиозных предписаний», которые противоречили официальной церковной традиции. Новые запреты охватывают разнообразные области религиозной и бытовой жизни: пост и церковную молитву, погребение умерших, различные сферы быта, сексуальные ограничения.

Ключевые слова: Русская православная церковь, религиозная жизнь, религиозные табу, повседневность.

Исследование новых религиозных запретов и предписаний, которые сформировались в конце XX – начале XXI века в среде православных христиан, является одним из перспективных и недостаточно изученных направлений в современном религиоведении [11, с. 13 – 14]. Этот непродолжительный период можно считать переходным этапом в существовании православной общины. Для него характерны трансформация политического строя страны, повлекшая отказ государства от жесткой атеистической доктрины как доминирующей идеологии, эволюция религиозной политики власти от репрессивных мер в отношении верующих к лояльному отношению, а затем и к предоставлению различных преференций «традиционным конфессиям». Это неизбежно привело к увеличению числа приходов Рус-

ской православной церкви¹. Однако политическая либерализация не могла в одночасье изменить или упразднить сложившиеся нормы религиозного поведения верующих, которые сформировались в последние десятилетия существования советской власти.

Несмотря на существование обширного количества религиозных табу,

¹ По статистическим данным 1988 г. в Московском Патриархате было зарегистрировано: 76 епархий и 74 архиерея, 6 893 приходов, 6 674 священника и 723 диакона, 22 монастыря и около 1200 монахов, монахинь и послушников. Через 20 лет в РФ на 2008 год числилось: 142 епархий и 189 архиереев, 29 751 священнослужитель, более 16 тысяч монашествующих. Образование они получали в 5 духовных академиях, 4 православных вузах, 37 семинариях, 38 училищах, 23 регентских и 4 иконописных школах [3, с. 131].

представленных в священных текстах, церковных канонах, это не остановило религиозное творчество народа. Одна из причин появления новых запретов и ограничений – историческое наследие атеистической власти, фактически уничтожившей богословски образованных носителей православной традиции, что привело к деградации религиозной жизни. Одновременно с этим надо отметить специфическую черту народной религиозности – разнообразное табуирование бытовой жизни, стремление отделить «чистое» от «нечистого», сакрализация и ритуализм повседневного [1, с. 20 – 21].

В 70 – 90-е XX века идет процесс формирования «новых религиозных предписаний», которые противоречили официальной церковной традиции. Возрождению религиозной жизни в начале 90-х годов сопутствует проникновение табу-конструктов в церковную ограду, интенсивное сращивание «новоделов» с каноническими предписаниями. Новые запреты охватывают разнообразные области религиозной и бытовой жизни: пост и церковную молитву, погребение умерших, различные сферы быта, сексуальные ограничения и т. п. Ответом Церкви на новые практики стала миссионерская и катехизическая деятельность среди населения.

Несмотря на то что появление новых табу связано с дефицитом богословского знания, в некоторых зародившихся практиках исследователь может найти следы древних табу, ранее отвергнутых Церковью: представление об особенной нечистоте женщины, плотской жизни, беременности и т. п. [10, с. 131].

Источником для данного исследования послужили личные наблюдения автора, опирающегося на свой двадцатисемилетний опыт священнического служения в различных приходах Владимирской епархии Московского Патриархата, беседы и интервью с прихожанами и священниками. Этот опыт вполне соответствует таким антропологическим методам, как интервьюирование и включенное наблюдение.

Духовенство и неформальные религиозные лидеры

Характерной чертой изучаемого периода был переход от сложившегося при советской власти дефицита священнических и церковных кадров к их интенсивному воспроизводству. На примере Владимирской епархии, входящей в Центральный регион страны, соседствующей со столицей, дисбаланс между количеством населения и числом духовенства выглядит отчетливо. Владимирская епархия к 1991 году насчитывала 49 приходов, 1 епископа и 54 священника и дьякона. Монастыри были упразднены при советской власти, но существовало 3 сельских прихода, в которых несли церковное послушание женщины – монахини «тайного пострига». Только 8 храмов находились в городах области: 2 во Владимире, и по одному в Муроме, Суздале, Юрьев-Польском, Гороховце, Александрове и Вязниках. Остальные приходы были сельскими. Все духовенство епархии имело как минимум семинарское образование. К началу 90-х годов в области проживало около 1,6 млн человек, во Владимире – 330 тыс. Количество хра-

мов и священников для такой численности населения было ничтожным [3, с. 131].

В таких условиях удовлетворять религиозные нужды жителей должны были, говоря современным языком, волонтеры из числа мирян. Они замещали собой духовенство, становились неформальными религиозными лидерами на «своей» территории, которая чаще всего включала границы нескольких бывших приходов с ранее закрытыми или руинированными храмами.

Всех волонтеров следует классифицировать по их связи с официальной церковью: первая группа – лица получившие благословение (разрешение) на духовную деятельность от священнослужителей; вторая группа – «самовыдвиженцы», не имеющие прямой связи с церковной иерархией; третья группа – представители «народной религии», занимающиеся ворожбой, гаданием и «заговорами», лишь косвенно связанные с христианской традицией.

Миряне, получившие право совершать отдельные православные обряды, к концу 80-х годов были немногочисленны. Во-первых, для несения такого служения были необходимы знания и достаточная богослужебная практика, которой в реальности обладали только те, кто начал церковную жизнь ранее 1917 года – до эпохи гонений. Если до революции прихожане получали массово первичное церковное образование в приходских школах, в гимназиях и реальных училищах на уроках «Закона Божьего», участвовали в храмовой жизни, то в советскую эпоху не только система начального религиозного обра-

зования, но и приходская жизнь были уничтожены. Во-вторых, лица, обладавшие такими «профессиональными» навыками, как умение крестить, исповедовать, совершать погребение (самые необходимые в обыденной жизни мирян таинства и обряды) по «чинопоследованию для мирян», находившиеся в достаточно дееспособном возрасте, как правило, были выходцами из среды антисоветской оппозиции, бывшими политзэками, выходцами из западных областей СССР, присоединенных после 1939 года. Эта первая группа была укоренена в знаниях вероучения и обрядовой жизни православной церкви, не допускала «вольностей», чтילה и свято хранила традицию неповрежденной.

Вторая группа самочинных лидеров возникла как ответ на неудовлетворенный религиозный запрос со стороны населения. Ее представители, пожалуй, были самым многочисленным слоем, который обладал скудными навыками в области совершения церковных обрядов, практически не имевшим элементарных знаний о вероучении. Как правило, их религиозные практики были связаны с обрядами погребения и поминовения усопших. В народе они получили меткое прозвище – «читалки». В их обязанность входили действия по приготовлению тела к похоронам, погребальные песнопения, заменявшие церковное отпевание усопших, поминальное чтение псалтыри. Эти лица порой невольно выступали главными «экспертами» для народа в области знаний о религии. Именно они становились у истоков появления новых обря-

дов и табу, конструируя новые религиозные практики из невеликого багажа имеющихся у них знаний.

Наконец, третья группа – представители «народной религии», практического язычества, занимавшегося преимущественно лечением духовных и телесных недугов посредством «заговоров». В народе они получили характерное прозвище – «бабушки». С одной стороны, название указывает на преклонный возраст и одновременно на гендерную специфику религиозной практики. «Бабушки», как правило, обладали еще меньшим церковным багажом знаний, чем «читалки». Но его отсутствие они с лихвой восполняли собственным харизматичным служением – авторитетом народных «целителей». Впрочем, они не только «заговаривают» хвори (иногда используя молитвы церковного обихода – «Отче наш», «Богородицу»), но и «отчитывают» от злых духов, «сглаза и порчи». «Если считать, что первым значением слова «отчитывать» было исцеление священником одержимого бесом, то можно прийти к выводу, что к середине XX века оно приобретает уже вполне определенно новое значение, становясь практически омонимом исходному. «Отчитывание» понимается как магическое действие, к которому может прибегнуть и не священник, и не с целью изгнания бесов из одержимого» [7, с. 99].

К началу 2000-х годов первая и вторая группа исчезают полностью из-за ликвидации дефицита профессиональных кадров священнослужителей, для которых они были, скорее, не помощниками, а ненужными спутниками и

конкурентами. А «бабушки» превращаются в оппозицию православию, с которой активно борются с церковных амвонов. За «языческие обряды» целительниц и их верных последователей отлучают от храмов, призывают к покаянию.

К 2011 году во Владимирской епархии уже существовало 530 церквей, 8 молитвенных домов, 155 часовен, 31 монастырь (14 мужских), 34 монастырских скита и подворья. Владимирская область оказалась самым «монашеским регионом» в стране. Для сравнения: соседняя древняя Рязанская епархия насчитывает только 15 обителей и 2 скита. Современная Владимирская епархия по числу монастырей превзошла дореволюционное состояние – на 1900 год в ней действовало 18 мужских и 11 женских обителей. При населении в 1,5 млн человек в губернии тогда насчитывалось 1449 церквей. До революции служило почти 2500 священнослужителей, в 2013 году – 448 священников и дьяконов.

Несмотря на стремительный рост числа представителей духовенства, вытеснение из религиозного поля неформальных духовных лидеров, быстрых перемен в качестве религиозных практик быть не могло. Отказ от сложившихся устоев в традиционалистской среде процесс долгий. Кроме того, в 80 – 90-е годы священнические кадры преимущественно формировались из числа мирян-неофитов, как правило, не имевших соответствующего профессионального богословского образования. Лишь в 2009 году решением Священного Синода было запрещено рукоположение

священнослужителей, не получивших семинарское образование. Массовое пришествие мирян «без диплома» в клир было одним из факторов, способствовавших распространению суеверий и новых табу-конструктов.

«Новые табу»

Одними из главных традиций, которые объединяют все авраамические религии, являются пост и пищевые запреты. Для ислама и иудаизма запретной пищей являлось свиное мясо, рыба без чешуи, морепродукты. В православии подобные канонические табу отсутствовали, но существовали культурно-бытовые предпочтения. В советский период массовой бедности, разумеется, морепродукты не могли быть пищей народа, и отказ постсоветских православных от нее, с одной стороны, опирался на социалистическое прошлое, а с другой – подкреплялся ветхозаветной нормой. Так, в Великий пост Типикон разрешает употребление «черепокожих», т. е. раков, крабов, моллюсков и т. п. Однако появление этих продуктов в свободном доступе в 2000-е годы не привело к их широкому распространению среди православных в провинции, которые считали, что «не могли святые отцы это употреблять, черепокожие – это орехи».

Другим запретным продуктом в постсоветские годы стала пища, содержащая кровь животных. Строго говоря, в крестьянской среде начала XX века также не употребляли мясо неправильно забитого скота, без надлежащего спуска крови. Однако этот запрет не был всеобъемлющим: использовалась, хотя и с оговорками, охотничья

добыча от капканов, силков и т. п. Но в 80 – 90-е годы это табу внезапно распространяется на некоторые виды лекарственных препаратов, содержащих биоматериал, произведенный из крови: «Солкосерил», «Интерферон», «Гематоген». В советскую эпоху никаких дискуссий по данному вопросу не возникло. Возможно, это было следствием наличия достаточного количества людей, получивших дореволюционное церковное образование и воспитание, которое исключало «ревность не по разуму». Но и должного массового лекарственного обеспечения народа долгие годы СССР не имел.

Кризис отечественной государственности – не только разочарование во власти, но и подозрение в том, что «она травит людей», «она – антихристова» (то, что можно назвать духовной болезнью неопита). Такие взгляды стали распространенным явлением и иногда поддерживались священнослужителями, выходцами из малообразованных слоев общества. У этого лекарственного табу была опора не только на известный ветхозаветный текст, но и на политический контекст.

Последний особенно хорошо прослеживается в 90-е годы, когда началась тотальная маркировка продуктов питания с использованием штрих-кода. У ряда радикально настроенных священнослужителей использование новой технологии и введение ИНН вызвали протест, который был подкреплен соответствующей мобилизацией паствы. Классический пример – проповедь в Боголюбовском монастыре Владимирской епархии: «Гитлеровский

фашизм прообразовал царство антихриста. И вот такой концлагерь сделает из нас антихрист, если мы примем номер и печать. От нас отойдет благодать Святого духа, если мы продадимся за чечевичную похлебку» [8, с. 332]. Причиной неприятия стала уверенность в наличии тайного шифрования в штрих-коде, который якобы содержал «печать антихриста». Это непримиримое отношение к новым технологиям, недоверие к власти, зависящей от «мирового сообщества», стремящегося истребить христианство, привело к экстраполяции пищевого табу на другие предметы потребления: бытовую технику – мобильные телефоны, персональные компьютеры, наручные часы; все виды персональных документов – паспорта, карты социального страхования, билеты, некоторые виды иностранной валюты (доллар США). Необходимо отметить, что сборник проповедей архимандрита Петра был запрещен к распространению в храмах РПЦ специальным решением Издательского Совета Московской Патриархии в 2009 году.

Последние запреты – на личные документы и использование «антихристовых денег» – встречались и значительно раньше. Например, в конце XIX века в Российской империи были христиане, протестовавшие против переписи населения и паспортизации по тем же идейным причинам. В середине XX века последователи течения истинно-православных христиан отказывались принимать паспорта советского образца, использовать в обращении купюры с изображением В. И. Ленина. В начале 80-х годов автор лично общался с христиан-

ками, не имевшими паспортов и получавшими государственные пенсии денежными знаками достоинством 1, 3, 5 рублей без профиля «Ильича».

В 90-е годы табу в среде ревнителей подвергается корректировке: отныне они хранят паспорта советского образца, отказываясь получать документы Российской Федерации. Происходит удивительная сакрализация «задним числом» советского прошлого. С одной стороны, это объясняется притоком неофитов, застрявших ментально в советском прошлом, с другой, традиционалистскими установками: «Раньше все было лучше».

Запрет на использование документов нового образца, «закодированных» товаров ограничивал социальные связи адептов православного алармизма, выталкивал из круга социально-экономических отношений на периферию. Они и их семьи вынуждены были переходить к новым стратегиям выживания в информационном обществе: замена светской школы на домашнее образование детей, бегство из крупных городов в сельскую местность, занятие натуральным хозяйством как единственным способом жизнеобеспечения: «Батюшка схиархимандрит Хрисанф (Тульский) очень отрицательно относился к квартирам. «Покупайте, говорил, – домик с земелькой. Родственники не разъезжайтесь, а соединяйтесь, покупайте вместе. Покупайте домики в деревне, хоть земляночку. Божие благословение на это есть. Покупайте и сразу копайте колодец, чтоб у вас была своя водичка, и сразу посадите вербу (на северной стороне), потому что под вербой всегда вода. Вот будет страшный голод, трупы

будут валяться, а у вас будет своя земля, она вас будет кормить. И не лениться, не лениться» [9, с. 11]. В 90-е годы, сопряженные с экономической разрухой в стране, такое поведение многим казалось естественным, но последовавший в 2000-е годы подъем привел к критическому переосмыслению новых предписаний и «бегства из мегаполисов». Православный народный эсхатологизм конца XX века прекрасно сочетался с экологическим дауншифтингом и, возможно, частично превратился в него, отказавшись от ожиданий апокалипсиса.

Далеко не все приходы были одержимы эсхатологической горячкой, подавляющее большинство прихожан в провинции предпочитали ничего не менять в привычном, размеренном образе жизни. Сложившееся табу на работу в праздничные и воскресные дни старались соблюдать неукоснительно. Однако традиция была секвестирована – отказ от трудовой деятельности не требовал обязательного посещения храмового богослужения, доминировал, скорее, советский обычай «выходного дня» и праздного времяпрепровождения.

С развитием бытовой культуры, гигиенической грамотности населения практически уходит в небытие табу на «банный день» в религиозные праздники, стирку одежды и т. п. Покаяние в этих «грехах» практически исчезает из исповедной приходской практики.

Существенные перемены происходят в традиционном понимании женской ритуальной «нечистоты», ранее не допускавшей посещение храма, прикосновение к реликвиям, участие в ре-

лигиозных обрядах. Если в конце 80-х годов табу на это могло распространяться и на беременных (!), то к 2000-м годам совершилась либеральная трансформация – ограничения уже не касаются посещения богослужений [6, с. 239].

Одна из самых трудных областей исследования в силу ее закрытости – сексуальная этика и табу в интимной сфере. 90-е годы ознаменовались раскрепощением общественных нравов, ломкой традиционных норм морали. В религиозных кругах это было воспринято как один из признаков «конца света». Ответной мерой на этическую распушенность в интимной сфере стало ужесточение запретов в православной среде [9, с. 8]. Из уст в уста, непублично, «на уровне исповеди», стали распространяться рекомендации на «правильные интимные отношения». Привычные табу на сексуальную жизнь во время поста, религиозных праздников, «женской нечистоты» и беременности были дополнены ограничениями на «способы» совершения коитуса, прикосновения к интимным частям тела партнера, орально-генитальным ласкам, степени обнажения и даже освещения супружеского ложа.

Значительный вклад в расширение табуированной сферы внесла исповедническая практика некоторых пастырей, бездумно подражавших духовным авторитетам, некритично относившихся к приписываемым им рекомендациям (скорее всего, издававшимся от их имени другими людьми), в число которых входили ограничения на «срыв сирени на кладбище», «наслаждение запахом душистого мыла» [2, с. 10].

Табу интимного свойства активно распространяли адепты одного из монахов Троице-Сергиевой лавры. По понятным причинам, «советы к исповеди» не публиковались, а ходили в виде самиздата, переписанные от руки в 90-е годы.

Один из запретов к православным христианам пришел из «католического Запада». Речь идет об использовании барьерной контрацепции в супружеской жизни. Сотрудничество с католическими организациями, такими как «Про лайф», привело к тому, что некоторые православные проповедники уравнивали применение презервативов с прерыванием беременности [5, с. 27]. Несмотря на то что «Основы социальной концепции РПЦ» оставили решение проблемы выбора форм контрацепции на совести супругов, однозначно высказавшись против абортов, изжить запретительную практику полностью не удалось.

Важно отметить, что дореволюционная практика исповеди мирян и священников, которая отражена в «Настольной книге для священно-церковно-служителей» С. В. Булгакова, не предусматривала чрезмерных строгостей в отношении дисциплины и детальной регламентации брачно-семейных отношений. Автор не акцентировал внимания на вопросах контрацепции, сексуальных позиций, соблюдения брачных постов и т. п. [4, с. 1094]. Возможно, что подобные проблемы рассматривались особым образом на исповеди, но не являлись существенной ее частью.

В начале 90-х годов на некоторых приходах встречается запрет на исполь-

зование советской символики – пятиконечных звезд на бытовых предметах и могильных памятниках. Главная причина подобных табу не в атеизме СССР, а убежденность в масонском происхождении звезды, которую отождествляют с символом Бафомета – антихриста. Этот запрет является предтечей православных протестов против «трех шестерок» и штрих-кодов.

Стабилизация социально-экономической ситуации в стране, наступившая в сравнительно «сытые» нефтяные 2000-е годы, привела к относительному успокоению радикальных религиозных настроений, отодвинула большинство «новых табу» на периферию религиозной жизни или просто оставила их в прошлом.

Существенную роль сыграло и то, что выросло новое поколение верующих, которое получило уже систематическое начальное религиозное образование в церковно-приходских школах, православных гимназиях. Священство прошло не только через курс семинарского обучения, но и стало обладателем государственного диплома по стандарту «теология». Заработали в полную силу церковные образовательные телеканалы, православные миссионерские сайты. Изменился существенно характер покаянной дисциплины. Псевдостарчество, которое играло существенную роль в формировании определенных стереотипов и поведенческих религиозных моделей, ушло в прошлое. Самые известные духовные руководители радикалов отошли в вечную жизнь. Их эпигоны не смогли занять должное место, большинство разделило участь

непризнанных маргиналов и отправилось в труднодоступные места обитания: горы Кавказа, малонаселенную местность за Уралом и т. д. Все это способствовало изменению ментальной атмосферы, которая оказалась несовместимой с распространением «новых табу» в современной России.

Библиографические ссылки

1. Агаджанян А., Русселе К. Как и зачем изучать современные религиозные практики? // Религиозные практики в современной России. М., 2006. С. 11 – 32.
2. Амвросий (Юрасов), архимандрит. Исповедь. В помощь кающимся. Иваново, 2003.
3. Атлас современной религиозной жизни России. Т.2. М., 2006.
4. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. М., 1993.
5. Вестник «Жизнь». М., 1994.
6. Козлов Максим, протоиерей. Клир и мир. Книга о жизни современного прихода. М., 2008.
7. Мельникова Е. «Воображаемая книга». Очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб., 2011.
8. Петр (Кучер), архимандрит. «Блюдайте убо, яко опасно ходите». Проповеди. Боголюбово. 2006.
9. Пророчества старцев. Машинопись. Самиздат, 1999. Личный архив автора.
10. Смирнов С. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913.
11. Штырков С.А. После «народной религиозности» // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С. 7 – 14.

M. L. Khizhiy

NEW TABOOS IN RELIGION AND EVERYDAY LIFE OF THE MODERN ORTHODOX CHRISTIANS

The research of new religious prohibitions and regulations which emerged in the late 20th – early 21st century among the Russian Orthodox Christians is one of the insufficiently developed issues in the modern religious studies. This short period can be considered as a transitional period in the existence of the Orthodox community. It is characterized by the transformation of the political system of the country, during which the state distanced itself from the rigid atheist doctrine. During these years the process of forming «new religious taboos» contradicting the official Church tradition was taking place. New prohibitions cover various spheres of religious and everyday life: fasting and Church prayer, burial of the dead, sexual taboos, etc.

Keywords: Russian Orthodox Church, religion life, religious taboos, everyday life.

**ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА РПЦЗ НА КАНОНИЧЕСКОЙ
ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА (1990 – 1996)**

Объектом настоящего исследования является этап возникновения и организационного оформления приходов Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) на канонической территории Московского Патриархата на постсоветском пространстве в начале 1990 гг. Согласно Положению, принятому Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви 15 мая 1990 г. в России учреждалась новая каноническая структура – Российская Православная Свободная Церковь, а сама территория страны была объявлена «миссией». Одной из проблем, с которыми столкнулись учредители российских епархий РПЦЗ, явилась подготовка кадров. В связи с этим представляет интерес изучение функционировавшей в первой половине 1990 гг. заочной семинарии РПЦЗ, учебную деятельность которой осуществляли клирики Берлинско-Германской епархии во главе с архиепископом Марком (Ардтом). Заочная семинария достигла заметных успехов в образовательной деятельности благодаря слаженному взаимодействию с православным братством преподобного Иова Почаевского, одновременно возникшего в Москве по благословению Первоиерарха РПЦЗ митрополита Виталия (Устинова). Успеху набора слушателей в мюнхенскую семинарию содействовала также возможность части студентов сдавать сессии непосредственно на территории Германии в монастыре преподобного Иова Почаевского. В целом деятельность заочной семинарии РПЦЗ можно оценить как успешную. Осуществление этого проекта позволило отчасти решить проблемы пополнения российских епархий духовно образованными священнослужителями и послужило укреплению позиций Русской Зарубежной Церкви в России. Согласно материалам, хранящимся в архиве Германской епархии Русской Зарубежной Церкви в Мюнхене, в духовном учебном заведении обучалось более двухсот студентов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ), Архиерейский Синод РПЦЗ, каноническая территория, Указ Патриарха Тихона № 362, миссионерская территория, архиепископ Марк (Ардт), протоиерей Николай Артемов, Мюнхенская духовная семинария, церковно-государственные отношения, свобода совести, Сибирская и Ишимская епархия РПЦЗ.

Начало 1990-х гг. в истории русского православия охарактеризовано кардинальным изменением церковно-государственных отношений, что привело к возобновлению деятельности на территории бывшего СССР религиоз-

ных организаций, чье существование в советские годы считалось недопустимым. 1990 г. был отмечен появлением на советских территориях епархий Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) [9, с. 1 – 2]. В соответствии с ре-

шением Архиерейского Собора РПЦЗ, прошедшего в мае 1990 г., Россия была объявлена «миссией территории», что привело к открытию легальных приходов РПЦЗ, расположенных на территории бывших республик СССР [12, с. 3 – 5]. В скором времени возникло несколько духовно-административных центров Русской Зарубежной Церкви – в Суздале, Тамбове и чуть позже в Ишиме [9, с. 5] Тюменской области [17, с. 10].

Духовенство, наполнившее эти новообразованные канонические подразделения Архиерейского Синода РПЦЗ, можно условно разделить на две категории: клирики Московского Патриархата, вышедшие из-под канонического подчинения своим правящим архиереям [5, с. 4 – 5], и представители катакомбного движения, получившие рукоположение от архиереев довоенного поставления или от нелегального действующего в СССР епископа Лазаря (Журбенко), тайно рукоположенного в 1982 г. по благословению Архиерейского Синода РПЦЗ для катакомбных общин [6, с. 6].

Одной из проблем, возникших в российских епархиях РПЦЗ на начальном этапе их организационного оформления, можно назвать отсутствие образовательных учреждений для подготовки квалифицированных кандидатов в духовенство. Эта проблема нашла свое отражение в выступлениях участников съездов духовенства, монашествующих и мирян, регулярно проводившихся во всех трех епархиях РПЦЗ в разные периоды их деятельности [17, с. 110 – 111, с. 133 – 135]. Попытка восполнить этот пробел была предпринята членом Архиерейского Собора РПЦЗ

архиепископом Берлинским и Германским Марком (Арндтом) и его ближайшими сотрудниками из Германской епархии РПЦЗ, в первую очередь секретарем епархии священником Николаем Артемовым. По их инициативе в 1991 г. была сформирована заочная семинария при монастыре преподобного Иова Почаевского в Мюнхене, которая осуществляла образовательную деятельность в течение четырех лет как на территории России, так и в Мюнхене [13].

Документальные сведения об образовательной деятельности Архиерейского Синода РПЦЗ в России, а также о деятельности заочной семинарии хранятся в архиве Германской епархии Русской Зарубежной Церкви (далее АГЕ) в специальном фонде непосредственного участника исследуемых событий – протоиерея Николая Артемова (далее Ф. НА).

Необходимо отметить, что особенностью образовательного процесса в заочной семинарии РПЦЗ является изучение церковной письменности русского зарубежья – совершенно нового уникального явления, возникшего в XX столетии. Для церковных писателей зарубежья XX век в первую очередь стал временем осмысления причин революции в России и вообще всего революционного движения, антихристианского по своей сути. Результатом осмысления можно назвать противостояние зарубежных православных натиску рационализма, атеизма, экуменизма и реформаторства. В процессе осмысления ими был четко сформулирован тезис о судьбоносной роли православного царя как помазанника Божия. В условиях относительной свободы, которой пользовалась в инославном окружении Зарубеж-

ная Церковь, возник коллектив ревностных богословов – печальников, обличителей и молитвенников.

Невозможно не упомянуть центр православного просвещения и издательской деятельности РПЦЗ – Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле [11, с. 7 – 13]. Большая часть творений писателей зарубежья, которые изучались в заочной семинарии, связана с находившимися при монастыре типографией (печатней), Преп. Иова Почаевского и Свято-Троицкой семинарией. Отличительными чертами джорданвилльского богословского направления можно без сомнения назвать традиционализм и духовную трезвенность в сочетании с умеренностью и рассудительностью. Благодаря джорданвилльскому влиянию указанные черты стали основополагающими и для учебной программы заочной семинарии РПЦЗ.

Первым документом, имеющим непосредственное отношение к деятельности Мюнхенской семинарии РПЦЗ, можно считать «Свидетельство», выданное архиепископом Тамбовским и Моршанским Лазарем (Журбенко) священнику Николаю Артемову и адресованное настоятелю Воронежской православной общины РПЦЗ (в катакомбах) священнику Иоанну Крамаренко. Текст документа следующий: «Податель сего, иерей Николай Артемов – священник Русской Зарубежной Православной Церкви, секретарь Германской Епархии Владыки Марка, с Нашего благословения может священнодействовать на всей территории приходов Российской Православной Церкви и хочет посетить г. Воронеж для встречи с катакомбным духовенством и паствой. Примите Батюшку с доверием и любовью, окажите

всяческое внимание и помощь. Можно обратиться с вопросом обучения в Мюнхенской духовной Семинарии ваших кандидатов» [14]. Из содержания документа, а также из периодических изданий РПЦЗ того времени следует, что командировки зарубежного духовенства, связанные с организацией учебного процесса в заочной семинарии, одновременно имели целью ознакомление с жизнью российских приходов РПЦЗ [3, с. 18 – 36].

Для практического обеспечения деятельности заочной семинарии в Москве была сформирована группа прихожан РПЦЗ. В группу вошли настоятель подмосковного прихода РПЦЗ священник Виктор Усачев и наиболее активные прихожане: М. Макеев, Д. Бадаев, А. Солдатов, М. Силаев. Члены группы, звавшие нужды катакомбных приходов, разработали перспективный план заочной семинарии, подразумевавший приобретение необходимых по программе книг, создание склада книг и кассет, рассылку учебных материалов тем учащимся, кто был не в состоянии приезжать на сессии. Также планировалось фотокопирование материалов по методике самообучения и создание новых методических пособий в процессе дальнейшей разработки учебных тем. Перед учредителями заочной семинарии актуализировался вопрос бюджета, из которого будет осуществляться финансирование работы сотрудников, оплата помещения для проведения сессий и склада литературы, а также приобретение учебной литературы для рассылки заочникам. Несмотря на организационные трудности, к концу июля 1992 г. было официально зарегистрировано 152 семинариста, еще 30 человек прислали

заполненные анкеты с прошениями о приеме на заочную форму обучения [10, с. 1 – 2]. Численность желающих обучаться убедила учредителей проекта в правильности предпринятого ими направления миссионерской деятельности Архиерейского Синода РПЦЗ в России.

Следующим этапом явилась разработка учебного плана заочной семинарии. За основу была взята программа дневного сектора Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ в Джорданвилле, приспособленная к условиям заочного обучения. Учебный план включал четыре цикла обучения, каждый из которых предполагалось усваивать в течение календарного года.

Первый цикл состоял из следующих разделов: Богословие, История, Литургика, Церковное искусство и «прочие дисциплины». Второй цикл состоял из общегуманитарных дисциплин. Третий цикл включал в себя лингвистические дисциплины, четвертый – вспомогательные [Там же].

Не будем забывать, что момент возникновения заочной семинарии РПЦЗ по времени совпал с пиком организационного оформления приходов РПЦЗ на территории бывшего СССР. Наибольшее количество таких приходов приходится на 1992 – 1995 гг., что отчасти и объясняет большое количество абитуриентов. В то же время большая часть приходов РПЦЗ в России была сосредоточена в центральных регионах, что и послужило причиной создания двух вариантов обучения – очного и заочного.

Очные курсы предусматривались для жителей Москвы и близлежащих областей (именуемых в тексте учебного плана Подмосковьем), устанавливался

пятилетний срок обучения, форма обучения – дневная и вечерняя, полный курс состоял из 52 предметов, экзаменационные сессии проходили два раза в год [Там же, с. 2]. После прохождения второго курса планировалось дифференцированное обучение, программа разделялась на обязательные и специализированные предметы. Практические занятия подразумевались в домовом храме семинарии.

Собственно заочная форма обучения была рассчитана на жителей бывших союзных республик (СНГ) и Прибалтики. При этом срок обучения не ограничивался временными рамками, участие в экзаменационной сессии требовалось не реже одного раза в год.

Заслуживает внимания «Покурсовой учебный план Очных Курсов», разработанный в Германской епархии РПЦЗ и отразивший сложившуюся в Зарубежной Церкви систему духовного образования.

Так, на первом курсе планировалось изучение следующих предметов: Введение в Богословие (Катехизис), Священная история Ветхого Завета, Исагогика и экзегетика Священного Писания, Чтение и Богослужбное пение, Историческая литургика, История Церкви до 1054 года, Теория музыки, Логика, Общая филология и Церковнославянский язык.

На втором курсе учебный план включал: Священную историю Ветхого и Нового Заветов, Экзегетику Священного Писания, Основное и догматическое Богословие, Сравнительное Богословие – Сектоведение, Богослужбное пение, Православную иконографию, Историческую литургику, Историю западного христианства, Историю Русской

Церкви до 1917 г., Историю мира и цивилизации, Религиоведение, Социологию, Церковнославянский язык, Современные русский и иностранные языки [10, с. 3].

Обязательными учебными дисциплинами, изучаемыми на третьем курсе, в учебном плане названы: Священная история Нового Завета, Экзегетика Священного Писания, Основное и догматическое Богословие, Нравственное Богословие, Богослужбное пение, История церковной музыки, Практическая литургия, Гомилетика, Апологетика, История Русской Церкви до 1917 г., Церковное право, История философии, Религиоведение, Психология, Отечественная история, Церковнославянский язык, Греческий язык, Современный иностранный язык. В качестве дополнительных специальных предметов предлагаются: Библейская археология, Сравнительное Богословие – Сектоведение, Историческая литургия, Православная иконография, Теория музыки, История зарубежной музыки, древние языки Латынь и Иврит [Там же, с. 3 – 4].

На четвертом курсе обязательными предметами утверждены: Священная история Нового Завета, Экзегетика Священного Писания, Основное и догматическое Богословие, Пастырское Богословие, Практическая литургия, Патристика, Апологетика, Новейшая история Русской Церкви, История философии, Отечественная история, Искусствоведение, История русской литературы, Греческий язык, Современный иностранный язык, Психология общения, Основы компьютерной грамоты. Дополнительные специальные предметы: Библейская археология, Сравни-

тельное Богословие, Историческая литургия, Православная иконография, Источниковедение, Латынь, Иврит, История Церкви, Церковное право, Диалектология и Фольклористика, Основы издательского дела, Архитектура и строительство [Там же, с. 4].

Заключительный, пятый курс предусматривал изучение обязательных предметов: История библейской науки, Пастырское Богословие, Практическая литургия, Патристика, Православная педагогика, История Философии, История русской культуры, Отечественная история, Основы современного законодательства, Греческий язык. В качестве дополнительных специальных предметов предлагались: Основы экономики и бухгалтерского учета, Основы издательского дела, Архитектура и строительство, Православная иконография, Историческая литургия, История Церкви, древние языки Латынь и Иврит, Церковное право [Там же, с. 5].

Окончательный вариант программы заочной семинарии, утвержденный членом Архиерейского Синода РПЦЗ – архиепископом Берлинским и Германским Марком, представляет интерес в рамках исследуемой темы в первую очередь в части рекомендаций и предлагаемой литературы.

Так, для изучения православного вероучения предлагался сравнительный анализ традиционного «Пространного Христианского Катехизиса Православных Кафолических Восточных Церкви» с произведениями иерархов РПЦЗ – «Опыт Христианского катехизиса» митрополита Антония (Храповицкого) и «Конспектом по Закону Божию» игумена (впоследствии митрополита) Филарета (Вознесенского).

В курсе «Истории Русской Церкви» особое внимание уделялось следующим разделам: одновременное существование разных юрисдикций во время польского владычества в Западной Руси; миссионерская деятельность Русской Церкви в XIV – XX вв., проблемы центрального управления, пути свободной Российской Церкви (Катакомбы и зарубежье), пути «сергианской» части Русской Церкви [4, с. 2 – 4].

Особо следует обратить внимание на учебные пособия и литературу по истории Русской Церкви. Это были издания РПЦЗ, отражающие ее идеологию в период обособленного существования от Церкви в Отечестве: «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей» протоиерея Михаила Польского, «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом» протоиерея Георгия Граббе, «О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни Святейшего Патриарха Тихона» протоиерея Василия Виноградова. Исключением была книга «Трагедия Русской Церкви» Л. Регельсона, увидевшая свет в издательстве YMCA. Аналогично можно охарактеризовать и подобранную литературу по другим дисциплинам.

Если теоретическая подготовка деятельности заочной семинарии была всесторонне разработана и подготовлена в Германской епархии РПЦЗ, то практическая реализация учебных задач осуществлялась первоначально через участников Православного братства преподобного Иова Почаевского, созданного в 1992 г. в Москве по благословению Архиерейского Синода и его председателя митрополита Виталия (Устинова) [17, с. 48]. В задачи брат-

ства входила организация юридической помощи вновь организованным приходам РПЦЗ в России, а также ведение просветительной и апологетической деятельности, что вполне совпадало с целями заочной семинарии. Внешнее руководство деятельностью братства было поручено экзарху Архиерейского Синода РПЦЗ на постсоветском пространстве – епископу Суздальскому и Владимирскому Валентину (Русанцову) [Там же, с. 52]. От Архиерейского Синода РПЦЗ в деятельности Братства принимал активное участие епископ Манхетенский Иларион (Капрал), ныне первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

Сотрудники братства занимались организацией сессий и обеспечением заочников необходимой литературой, для чего были организованы три пункта-склада в Москве, один в Санкт-Петербурге и один в Новосибирской области [15].

Абитуриенты заочной семинарии заполняли при поступлении соответствующую анкету, в которой среди прочих стандартных вопросов был следующий: «17. Имеете ли право выезжать в капстраны», ввиду того, что рассматривались два варианта проведения сессий – непосредственно в монастыре РПЦЗ преподобного Иова Почаевского в Мюнхене и в России посредством приезжающих экзаменаторов [2].

В общих чертах учебный процесс в заочной семинарии РПЦЗ выглядел следующим образом: анкеты абитуриентов принимались до 15 октября текущего года, затем рассылались удостоверения о зачислении, одновременно выполнявшие функцию зачетной книжки, где отмечались даты и результаты экзаменов. Для большей части слушателей

заочной семинарии экзамены проводились в России, меньшая часть студентов сдавала экзаменационные сессии при монастыре преподобного Иова в Мюнхене, приезжая туда по приглашению. Правила обучения допускали ускоренное прохождения экзаменов в случае рекомендации священника, находившегося в юрисдикции РПЦЗ, при наличии высокого уровня знаний и предпосылок для рукоположения в священнический сан [15, с. 8].

Сессии заочной семинарии РПЦЗ проходили не только в Москве и Санкт-Петербурге. Для удаленных от столиц приходов организовывались приезды экзаменаторов в епархиальные центры РПЦЗ, где и проводились сессии для заочников. Так, в 1993 г. при посещении Сибирского благочиния архиепископом Берлинским и Германским Марком (Арндтом) им были приняты экзамены у студентов-заочников из местных приходов [18, с. 15 – 16].

В 1993 г. в заочной семинарии РПЦЗ обучалось 206 студентов. Из Москвы – 46 чел., из Санкт-Петербурга – 15, из городов Украины – 73, из Прибалтики – 41 и из других городов России – 31 человек [16].

Своеобразным итоговым документом, оценивающим результаты деятельности заочной семинарии за первые три года ее существования, можно считать обращение секретаря Германской епархии РПЦЗ иерея Николая Артемова, приуроченное к началу нового 1994/1995 учебного года. Автор документа признавал наличие комплекса проблем, препятствующих успешной деятельности заочной семинарии: «При нынешнем положении есть, конечно, немалые препятствия для успешного

развития семинарии. Некоторые не могут себе позволить приехать на экзамен, а экзаменатору невозможно ездить по всей стране, обслуживая группы семинаристов. Но можно себе представить, что это положение улучшится со временем с обеих сторон. Даст Бог, доживем до разрешения этих проблем. Во всяком случае это не причина откладывать учение. Также нужна зарабатывать на хлеб хотя и съедает время – но надо ли давать ей съедать уже и всего человека? Молиться, читать понемногу и сохранять цель духовную перед глазами <...> решительность и последовательность вопреки препятствиям (хотя их и много!) – насущный хлеб христианина». Далее автор обращения констатировал наличие положительных изменений в религиозной жизни России, в частности связанных с переизданием большого количества духовной литературы: «Напомню, что когда мы начинали семинарию, было еще неясно, как поставить снабжение источниками. Везли книги малыми партиями и с некоторым риском. При составлении первой программы ни одной из указанных книг нельзя было получить в СССР (даже Библию с трудом). Мы, быть может, очень скоро забыли об этих временах. Они быстро меняются. Из указанных в нашей программе книг почти все переизданы в России, и еще больше издано. В этой связи: неоднократно ставился вопрос о возможности заменять книги другими источниками. Конечно, это можно. Важна способность ориентироваться в данной области и накопленные знания, а не источники их» [8]. Кроме прочего указывались ответственные за снабжение учебной литературой в Москве – Александр Солдатов и Дмит-

рий Косачев и координатор работы заочной семинарии РПЦЗ настоятель прихода РПЦЗ в селе Валищево Московской области – священник Виктор Усачев.

Заключительным этапом в деятельности семинарии следует считать 1995 г. По решению Архиерейского Синода РПЦЗ, ее дальнейшая деятельность на территории России была поручена попечению епископа Ишимского и Сибирского Евтихия (Курочкина) [1, с. 5], в то же время для оставшихся в составе Мюнхенской семинарии студентов процесс обучения был завершен [7].

На начало 1995 г. по причине возникшего в российских епархиях РПЦЗ раскола и образования Временного Высшего церковного управления [17, с. 199 – 205] епископ Евтихий оказался временно управляющим фактически всеми приходами РПЦЗ в России, оставшимися в подчинении ее Архиерейскому Синоду, и вполне логично, что решение вопросов духовного образования в дальнейшем было поручено именно ему.

Реорганизация учебного процесса в 1995 г. и поручение продолжения учебной деятельности правящему архиерею Ишимско-Сибирской епархии РПЦЗ привели к сокращению числа студентов. К тому времени в Московском Патриархате уже активно открывались духовные учебные заведения, что способствовало снижению рейтинга популярности в России заочной семинарии РПЦЗ. К тому же в 1990-е гг. появилась возможность выезжать за рубеж и представители оппозиционных структур предпочитали учиться в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. После

1995 г. новых студентов в заочную семинарию уже не принимали, хотя поступившим ранее была дана возможность завершить обучение. Последние документы, имеющие отношение к заочной семинарии, из архива Мюнхенской епархии РПЦЗ датированы 1996 г., хотя известно, что семинария еще некоторое время существовала и выдавала дипломы выпускникам.

Изучение материалов из архива Германской епархии РПЦЗ позволяет сделать следующие выводы. Учреждение заочной семинарии Зарубежной Церкви при монастыре преподобного Иова Почаевского в Мюнхене явилось одним из этапов деятельности Архиерейского Синода РПЦЗ в России в связи с объявлением постсоветского пространства «миссионерской территорией» и открытия приходов РПЦЗ на канонической территории Московского Патриархата.

Учебный план и программа обучения в заочной семинарии были разработаны с учетом накопленного в Зарубежной Церкви опыта духовного образования и специфических условий преподавания в России и происшедших в ней демократических преобразований. Проект заочного образования в системе учебных учреждений РПЦЗ оказался востребованным, о чем свидетельствует количество обучаемых – более 200 человек. В период с 1991 по 1995 гг. деятельность заочной семинарии можно оценить как успешный проект Архиерейского Синода РПЦЗ в России, способствовавший увеличению приходов этой юрисдикции и популяризации самой идеи «Белой Церкви».

Библиографические ссылки

1. Акт о хиротонии архимандрита Евтихия во Епископа Ишимского и Сибирского от 26 мая/9 июня 1994 г. // Православная Русь. 1994. № 17.
2. Анкета заочной семинарии при монастыре преподобного Иова Почаевского в Мюнхене// АГЕ. Ф.НА коробка Т 6 Б.
3. Артемов Н., свящ. О православной Российской Церкви за рубежом и на родине//Православный календарь 1991, печатаемый для приходов Российской Православной Церкви. Мюнхен.1991.
4. Заочная семинария при монастыре преп. Иова Почаевского Мюнхен-Оберменцинг//АГЕ. Ф.НА коробка Т 6 Б.
5. Зарубежная Церковь в России//Православная Русь.1990, № 23.
6. Заявление канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 1/14 августа 1990 г. // Православная Русь.1990, № 17.
7. Информационное письмо из канцелярии Германской епархии РПЦЗ № Д-74-21-92-95-АМ от 06.06.96/19.06.96 // АГЕ. Ф.НА коробка Т 6 Б.
8. Обращение всем учащимся Заочной семинарии при монастыре преп. Иова Почаевского (в Мюнхене) от 2/15 октября 1994 // АГЕ Ф.НА коробка Т. 6 Б.
9. Положение о приходах Свободной Российской Православной Церкви, принятое Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Заграницей 2/15 мая 1990 года // Православная Русь.1990, № 12(1417).
10. Предварительный проект учебного плана очных курсов при заочной православной семинарии преп. Иова Почаевского от 10/23.07.92 г. // АГЕ. Ф.НА коробка Т 6 Б.
11. Протоиерей Владимир Цуриков, История России в документах Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. 195 с.
12. Процесс возрождения начался, Беседа с Первоиерархом Русской Зарубежной Церкви митрополитом Виталием // Православная Русь. 1992, № 17.
13. Рабочая программа заочной семинарии Русской Православной Церкви Заграницей при монастыре преподобного Иова Почаевского в Мюнхене // АГЕ Ф.НА, коробка Т 6 Б.
14. Свидетельство Архиепископа Тамбовского и Моршанского Лазаря от 5/18 августа 1991 г., выданное секретарю Германской епархии РПЦЗ священнику Николаю Артемову // АГЕ. Ф.НА коробка Т 6 Б.
15. Список пунктов получения литературы и кассет. Приложение к анкете заочной семинарии при монастыре преподобного Иова Почаевского в Мюнхене // АГЕ. Ф.НА коробка Т 6 Б.
16. Список учащихся в заочной семинарии при монастыре преп. Иова Почаевского в Мюнхене по состоянию на 15 октября 1993 года // АГЕ. Ф.НА коробка Т 6 Б.

17. Указ Председателя Архиерейского Синода митрополита Виталия от 8/21 октября 1991 г. // Суздальский паломник 1994, № 18, 19, 20 (специальный выпуск).
18. Хроника посещения архиепископом Берлинско-Германским Марком приходов Сибирского благочиния РПЦЗ // Вестник Германской епархии РПЦЗ 1993. № 4.

A. V. Makovetsky

**THEOLOGICAL ASPECTS OF EDUCATIONAL ACTIVITY
OF THE ROCOR ARCHIERIC SYNOD ON THE CANONIC TERRITORY
OF THE MOSCOW PATRIARCHATE (1990 – 1996)**

This research deals with the period of the emergence and development of the parishes of the Russian Orthodox Church Outside of Russia (ROCOR) on the canonical territory of the Moscow Patriarchate in the post-Soviet space in the early 1990s. According to the Regulations adopted by the Bishops' Council of the ROCOR on May 15, 1990, a new canonical structure - the Free Russian Orthodox Church was established in Russia and the very territory of the country was declared "missionary". The founders of the Russian dioceses of the ROCOR faced the problem of staff training. In this regard, the history of the educational activity of the ROCOR seminary in the first half of the 1990's is of great interest. The clergymen of the Berlin-German diocese headed by Archbishop Mark (Arndt) taught there. The correspondence seminary cooperated with the Orthodox Brotherhood of the Monk Job of Pochaev, which simultaneously appeared in Moscow with the blessing of Metropolitan Vitaliy (Ustinov), First Hierarch of the ROCOR. The educational activity of this correspondence seminary of the ROCOR can be assessed as effective. It partially helped to solve the problem of replenishing the Russian dioceses with educated clergymen and strengthened the position of the ROCOR in Russia.

Keywords: Russian Orthodox Church Abroad (ROCOR), Synod of bishops of ROCOR, canonical territory, decree No. 362, mission territory, Archbishop Mark (Arndt), Archpriest Nicholas (Artemov), Seminary of Munich, Church-state relations, freedom of conscience, Ishim-Siberian diocese of ROCOR.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОЖИЧКО Вера Викторовна – аспирант кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.
verabo@yandex.ru

ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка Педагогического института
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
eknikvar@yandex.ru

ГОНЧАРОВА Светлана Владимировна – старший преподаватель
кафедры лингвокультурных технологий и иностранных языков
Луганского национального аграрного университета.
sveta.sv@mail.ru

ГИК Анна Владимировна – кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН.
annagik@yandex.ru

ЕРОХИНА Татьяна Александровна – аспирант ОО ВПО
«Горловский институт иностранных языков».
tet.erوخina@yandex.ru

КЛИМОВА Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук
доцент кафедры лингвокультурных технологий и иностранных языков
Луганского национального аграрного университета.
attire@mail.ru

КРИВОШЕЕВ Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения
Санкт-Петербургского государственного университета.
kriwosheew@mail.ru

КУРЕНЫШЕВ Андрей Александрович – доктор исторических наук
профессор Академии гражданской защиты МЧС России.
kure-andrej@yandex.ru

МАКОВЕЦКИЙ Аркадий Валентинович – кандидат философских наук
доцент кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин
Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии, настоятель храма
св. Василия Великого г. Суздаля Владимирской епархии РПЦ МП.
avm12091963@mail.ru

МАТВЕЕВ Павел Евлампиевич – доктор философских наук
профессор кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
mail@matvei.elcom.ru

САМСОНОВА Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук
доцент Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета им. И. Канта.
ekaterinaziza@yandex.ru

ТВЕРДЮКОВА Елена Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры новейшей истории России Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета.
e.tverdyukova@spbu.ru

ТИШАКОВА Елена Николаевна – кандидат исторических наук
доцент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград).
elenatishakova@rambler.ru

ХИЖИЙ Максим Леонидович – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
maxim-priest@mail.ru

ХОХЛОВА Ирина Александровна – студентка 4-го курса филологического
образования Педагогического института Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых.
khokhlova.ir2017@yandex.ru